Краснодарский университет МВД России

Л. В. Карнаушенко

История государства и права Новейшего времени

Учебное пособие

Краснодар
2023

УДК 34(09)(07)
ББК 67.3я7
К24

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:
Н. С. Нижник, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербургский университет МВД России);
Ю. А. Артамонов, кандидат исторических наук, доцент (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя).

Карнаушенко Л. В.
К24 История государства и права Новейшего времени : учебное пособие / Л. В. Карнаушенко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. – 238 с.

ISBN 978-5-9266-1968-0

Рассматриваются формирование и развитие государственно-правовых институтов отдельных стран мира в период Новейшего времени. Раскрываются собенности генезиса и эволюции указанных институтов с учетом исторической обстановки путем обнаружения и обоснования общеисторических закономерностей этих процессов.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 34(09)(07)
ББК 67.3я7

ISBN 978-5-9266-1968-0

© Краснодарский университет
МВД России, 2023
© Карнаушенко Л. В., 2023

Введение

В исторической и историко-правовой науке термин «*Новейшее время*» традиционно используется для обозначения периода становления и расцвета индустриальной цивилизации, а также последующей трансформации индустриального общества в постиндустриальное, или информационное. *Хронологические рамки* Новейшего времени – с 1918 г. по настоящее время, что обусловлено продолжающимися процессами эволюции государства и права, совершенствования элементов постиндустриального общества с его доминирующей ролью информации и сферы услуг.

Важность изучения Новейшего времени в истории государства и права зарубежных стран заключается в том, что это еще и ключевой период, в рамках которого были непосредственно сформированы действующие в настоящее время государственные и правовые институты. Многие явления, имевшие место в Новейшее время, были предопределены более ранним периодом, однако именно XX в. чрезвычайно богат событиями и явлениями во всех сферах человеческой жизни, включая область политико-правового управления и системы нормативных регуляторов.

Основными направлениями развития государства и права в Новейшее время можно считать следующие.

Во-первых, происходят активные процессы распада существовавших и возникновения новых государств. Так, непосредственно после окончания Первой мировой войны прекратили свое существование сразу несколько крупнейших мировых империй (Австро-Венгерская, Германская, Османская), появились новые независимые государства (Финляндия, Польша, Чехословакия, Югославия и др.). Рубеж XX–XXI столетий в плане эволюции государственности и права зарубежных стран был во многом предопределен распадом крупнейшей мировой державы – Союза Советских Социалистических Республик, что отразилось на политической карте мира (началась фактически новая история государства и права ряда суверенных государств, например таких, как Беларусь, Украина, Казахстан, Грузия, Чехия, Словакия, Хорватия и т. д.).

Во-вторых, происходит становление и активное развитие государств социалистического типа, сопровождавшееся образованием мировой социалистической системы (Польша, Болгария, Куба, Китай, Венгрия, Румыния, Албания, ГДР, Вьетнам, Северная Корея и др.).

В-третьих, колониальная система, длительное время существовавшая в рамках африканского континента, разрушается, на смену ей приходит практика провозглашения бывшими колониями статуса независимых государств (Сирия, Ливан, Индия, Пакистан, Ангола, Мозамбик и др.). Новейший период государственно-правовой истории подобных стран показал противоречивость и сложность независимого функционирования государственных и правовых институтов.

В-четвертых, обозначается четкая тенденция к созданию международных организаций, определяющих общемировой порядок либо существенным образом на него влияющих (ООН, ОБСЕ, НАТО и др.), а также усиливается роль международного права в процессе развития национального права. В качестве нормативной основы функционирования указанных организаций создаются международно-правовые акты, внедряются общепризнанные принципы международного права, которые в совокупности определяют отношения между государствами, закрепляются фундаментальные права и свободы человека и гражданина (Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об

экономических, социальных и культурных правах, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и т. п.).

В-пятых, Новейшее время – это период возрастания степени контроля гражданского общества за деятельностью государственных органов. Характерным становится повсеместное формирование высших представительных органов власти, ликвидация сословности и утверждение формального социального равенства.

В-шестых, наблюдается координация государств по вопросам развития систем безопасности, создания механизмов борьбы с международной преступностью и терроризмом (последние могут быть созданы исключительно усилиями всех субъектов международного права, что наглядно показал конец XX и особенно начало XXI в.).

Указанные процессы во многом стали возможными благодаря необычайно высоким темпам технического прогресса. Более совершенные средства коммуникации, а также транспорта и связи позволили чрезвычайно быстро сделать достоянием общественности как достижения цивилизации, так и негативные явления. Обмен информацией в Новейшее время приобретает глобальный характер, и особенно ярко это видно, например, по динамично развивающейся информационно-коммуникационной сети Интернет.

Новейшее время, несмотря на очевидный прогресс в решении ключевых государственно-правовых проблем, продемонстрировало наличие множества нерешенных проблем. В частности, Вторая мировая война, ставшая самой кровопролитной за всю историю человечества, фактически продолжилась в более скрытых и «цивилизованных» формах – как противостояние отдельных государств и блоков, основанных, прежде всего, на экономических интересах (например, США, Англия, Германия и другие ведущие государства используют в качестве рынка сбыта, источника сырья и дешевой рабочей силы развивающиеся страны; в свою очередь, во взаимном противостоянии по ряду вопросов находятся США, Европа и Япония). Предпринимались попытки (прежде всего, силами США) использовать международные организации (даже ООН) для решения своих задач по расширению сферы влияния в различных регионах мира (например,

проведенная американскими войсками в 1991 г. операция против Ирака «Буря в пустыне»).

Все это указывает на противоречивость и неоднозначность Новейшего периода государственно-правовой истории зарубежных стран, изучение которого и должно помочь обучающимся глубже понять современные процессы, протекающие в постиндустриальном обществе, осложненном пандемиями, геополитической нестабильностью, усиливающимся потоком информации (достоверной и недостоверной), изменением форм правления и политико-правовых режимов в зарубежных странах.

В процессе изучения истории государства и права зарубежных стран в период Новейшего времени в первую очередь делается акцент на происходивших изменениях в государственном устройстве, системе управления, политико-правовых режимах зарубежных стран, которые диалектически обусловлены и непосредственно определяют специфику государственно-правового регулирования на современном этапе.

В качестве *источников* при написании настоящего учебного пособия были использованы как действующие нормативные правовые акты, так и юридические памятники, сравнительно недавно прекратившие свое существование. Кроме того, авторы учебного пособия старались излагать материал с использованием проблемного подхода, приводя различные точки зрения на те или иные ключевые историко-правовые вопросы.

Основное внимание в учебном пособии будет уделено рассмотрению и анализу эволюции государства и права Великобритании, Франции, Германии, США, Японии, Китая, Индии, стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Латинской и Южной Америки, стран африканского континента.

1. Государство и право Великобритании

1.1. Особенности развития Великобритании в начале XX века

В XX в. Великобритания сохранила положение одного из ведущих государств Европы и всего мира, однако в целом ее влияние на международные отношения, по сравнению с эпохой Нового времени и Средневековья, снизилось. Это объясняется, прежде всего, распадом колониальной системы, где Англия была крупнейшей метрополией, а также значительно возросшим потенциалом США, СССР, Китая, Японии и ряда других стран.

Сохраняя традиционную приверженность устоявшимся ранее обычаям, Великобритания и в Новейшее время не изменила принципиально свои государственные и правовые институты. Это государство по-прежнему, как и несколько веков назад, является монархией (конституционной), хотя полномочия самого монарха во многом номинальны. При этом регулярно, особенно в последние десятилетия, в английском обществе поднимается вопрос о целесообразности финансирования и содержания Букингемского дворца (всего королевского дома) за счет английских налогоплательщиков (основная причина таких обсуждений – королевский дом уже длительное время выполняет фактически лишь одни представительские функции). Однако на сегодняшний день серьезных предпосылок для упразднения монархии в Англии нет, более того, учитывая огромную популярность как в английском обществе, так и во всем мире королевы Елизаветы II (особенно после смерти ее супруга, герцога Эдинбургского Филиппа, 9 апреля 2021 г.), подобное не должно случиться и в будущем.

Великобритания во многом остается уникальным государством, что проявляется не только в ее государственном строе, отношении к членам королевской семьи и т. д., но и в том, что страна в настоящий момент прекратила членство в Европейском союзе, никогда не подписывала Шенгенское соглашение и в иных аспектах.

В XX столетии Великобритания, как и многие ведущие зарубежные государства, пережила Вторую мировую войну, которая потребовала большого напряжения общественных и государственных

сил, стала серьезным испытанием для Британской империи, распад которой начался уже в 1947 г. с получением независимости Индией. Правительственные расходы в течение войны выросли с 1,4 до 6,1 млрд фунтов стерлингов, государственный же долг составил 3,5 млрд фунтов стерлингов. Для покрытия таких огромных долгов правительство пошло на увеличение подоходного налога с населения, который поднялся с 25 до 50%. Поэтому историки справедливо утверждают, что тяготы войны вынесли на своих плечах обычные британцы. К долгу добавились проблемы, связанные с отсутствием или низким темпом роста экономики. Так, например, если в Германии экономический рост составлял в среднем 4,5%, в Японии – более 10%, то в Великобритании – не превышал 2,5%.

Результатом послевоенного развития Великобритании стало появление вследствие прихода к власти лейбористов (правительство Клемента Эттли) программы построения британского социализма, которая сопровождалась активным принятием законов, создавших базу для реализации принципа «государства социальных гарантий». В стране применялись элементы плановой экономики, обещавшие каждому британцу образование, здравоохранение и социальное обеспечение, дешевое муниципальное жилье за государственный счет, высокие шансы на получение работы, а в случае неудачи – приличное пособие по безработице[1]. В 1950 г. примерно миллион британцев (всего население насчитывало 45 млн) получили доступ к достойной социальной помощи. Таким образом, в середине века в Великобритании были построены две системы образования и медицины: частная и государственная.

Ответом на вызовы XX в. стало своеобразное государственно-правовое развитие Великобритании, где одним из определяющих факторов послужила эволюция модели разделения властей между короной, парламентом и правительством (во главе с премьер-министром).

[1] Исаев Б.А. Развитие партийной системы Великобритании // ПОЛИТЭКС. – 2008. – № 4. – С. 255–257.

1.2. Развитие государственного строя

Принципы формирования органов власти и управления в Великобритании на протяжении всего XX столетия оставались прежними, вместе с тем в начале века в своем развитии они претерпевали определенные изменения. Во-первых, следует выделить некоторые изменения в подходах к взаимодействию палат парламента между собой, а также во взаимоотношениях с британским правительством.

К началу XX в. количество членов Палаты общин было равным 700 депутатов. С признанием в 1922 г. независимости Ирландии (после заключения компромиссного англо-ирландского договора 1921 г., по которому Великобритания признала католическую Южную Ирландию в качестве английского доминиона с названием *Ирландское свободное государство,* Северная Ирландия вошла в состав Великобритании) состав палаты сократился до 615 депутатов. Позже корпус депутатов численно возрос, и сейчас число избираемых депутатов Палаты общин равно количеству избирательных округов, которое, в свою очередь, может меняться в результате пересмотра границ округов, если поменяется общая численность населения в них. После выборов 2017 г. в Палате общин присутствует 650 депутатов (от Англии – 523, от Шотландии – 72, от Уэльса – 38, от Северной Ирландии – 17). Однако с 2018 г. не прекращаются попытки сокращения депутатского корпуса нижней палаты до 600 человек.

На протяжении практически всего столетия депутаты Палаты общин (срок их полномочий составляет 5 лет) представляли две основные политические партии (консервативную и лейбористскую), иных же депутатов от различных движений и партий было сравнительно немного.

Еще одним нововведением в организации государственной деятельности парламентариев (нижней палаты) стало то, что их деятельность приобретает профессиональный характер, а с 1911 г. депутаты начинают получать вознаграждение за свою деятельность.

Основная часть преобразований в плане правовой регламентации деятельности Палаты общин в XX в. касалась процедурных правил и была направлена на повышение эффективности работы

депутатов. Так, предметом обсуждения, особенно к концу XX в., становились такие аспекты, как продолжительность заседаний палаты, расписание заседаний палаты (начало и окончание работы), расписание депутатских сессий, система взаимоотношений Палаты общин и Кабинета министров, внедрение элементов цифровизации и информатизации в работу палаты.

Общее количество членов Палаты лордов в Англии всегда было значительно больше, чем депутатов нижней палаты. К рубежу 90-х гг. XX в. численность пэров достигала 1 195 членов. Поэтому основной чертой функционирования верхней палаты в Новейшее время можно считать существенное увеличение числа назначаемых пожизненно (по представлению правительства) пэров. В соответствии с действовавшими конституционными традициями король не мог отказать правительству в подобных назначениях.

Заметный рост количественного состава Палаты пэров можно отметить с принятием *Закона о пожизненном пэрстве* (1958 г.), когда назначения в палату стремительно возрастали, хотя причиной тому была не вынужденная необходимость в большем количестве парламентариев, а, в первую очередь, политическая игра членов правительства, которые использовали право назначать пожизненных пэров с целью усиления собственного влияния в законодательной ветви власти. Поскольку Британское парламентское право не содержит каких-либо норм относительно прямых ограничений на количественный состав верхней палаты, общее количество духовных и светских лордов в настоящее время составляет 800 членов.

Так называемые *духовные лорды* (англ. *lords spiritual*) – это представители духовенства англиканской церкви. На рубеже XX–XXI вв. установилось число в 26 духовных лордов в палате. В их числе пять архиепископов (Архиепископ Йоркский, Архиепископ Кентерберийский, Епископ Дарема, Епископ Лондона, Епископ Винчестерский), а также 19 диоцезианских епископов. Представители ирландской церкви (потерявшей в 1871 г. статус государственной) заседают в Палате лордов с 1801 г., фактически с момента вхождения Ирландии в состав Соединенного Королевства. Это всего три епископа и один ирландский архиепископ, которые в конце каждой сессии парламента подлежат ротации. После

потери государственного статуса церкви ирландские духовные лица более не заседают в Палате лордов. Так же складывалась история пребывания представителей церкви Уэльса в английском парламенте, которая и вовсе перестала существовать в 1920 г. Наконец, церковь Шотландии, являясь пресвитерианской, не предполагает в своем клире епископов и архиепископов, поэтому также не имеет в Палате лордов своих духовных представителей. Следовательно, к началу XXI столетия духовные лорды – исключительно представители англиканской церкви.

Следует отметить также, что духовные лорды составляют подавляющее меньшинство в современном парламенте Великобритании, хотя до первой четверти XVI в. они составляли большинство в Палате лордов. Последовательное исключение духовных лордов на протяжении XVII–XVIII вв. было закреплено и Манчестерским актом о епископате 1847 г., а также некоторыми более поздними актами.

Наиболее многочисленную часть Палаты лордов образуют так называемые *светские лорды* (англ. *lords temporal*). Они в свою очередь образуют две крупные группы: *пожизненных* пэров и *наследственных* пэров.

До 1999 г. наследственные пэры (англ. *hereditary peers*) могли заседать в палате по праву рождения (исключение составляли пэры Шотландии, пэрство которых было создано до 1707 г. – момента вхождения Шотландии в состав Великобритании; им предоставлялось право направить в Палату лордов только 16 выбранных пэров-представителей). Присоединенная к Соединенному Королевству Ирландия в 1801 г. также направляла пэров-представителей, однако после раскола Ирландии в 1922 г. были полностью прекращены выборы ирландских пэров. Также прекращены с 1963 г. и выборы пэров-представителей от Шотландии в соответствии с Актом о пэрстве.

Традиционно наследственные пэры имели титулы барона, виконта, графа, герцога или маркиза. Однако *Актом о Палате лордов* 1999 г. было установлено, что наследственные пэры замещают свои должности выборным путем, при этом их численность в палате сократилась до 92 человек. Два пэра из 92 были оставлены для замещения наследуемых церемониальных должностей, 15 пэров выбирались всей палатой, а оставшиеся пэры

выбираются и по сей день теми политическими партиями, в которые входят сами пэры. Примечательно, что число избираемых партией пэров пропорционально количеству занимаемых этой партией мест в британском парламенте.

Основную же часть Палаты лордов составляют светские *пожизненные* пэры (англ. *life peers*). Это особый титул, который может быть присвоен лишь монархом по представлению премьер-министра Великобритании. Основанием для присвоения, в соответствии с нормами Акта о пожизненных пэрах 1958 г. (например, при пожизненном пэрстве в ранге барона), являются выдающиеся заслуги перед государством. Естественно, статус пожизненного пэра не предполагает передачу титула по наследству. Традиционно титулом пожизненного пэра награждают премьер-министров, депутатов Палаты общин по прекращению ими своих депутатских полномочий, выдающихся общественных и политических деятелей, дипломатов и др. В октябре 1999 г. количество пожизненных пэров достигало в Палате лордов рекордных 1 330 членов, в марте 2000 г. в палате насчитывалось 669 таких членов.

Наконец, выделяют независимую группу членов Палаты лордов, так называемых *беспартийных пэров* (англ. *crossbenchers*), избираемых учрежденной в 2000 г. Комиссией по назначениям в Палату лордов (Lords Appointments Commission). В число независимых членов Палаты лордов могут входить и наследственные, и пожизненные пэры.

В парламентской практике (до 2005 г.) использовалось назначение в Палату лордов так называемых *лордов по апелляциям* (англ. *lords of appeal in ordinary*). Ими были лорды-судьи, назначаемые монархом пожизненно по представлению премьер-министра. Основной функцией лордов-судей было осуществление судебных полномочий Палаты лордов в качестве высшей апелляционной инстанции. После учреждения Верховного суда (англ. *Supreme Court*) *Актом о конституционной реформе* 2005 г. (вступил в силу в 2009 г.) этот высший суд, состоящий из 12 судей, заменил лордов-судей (определенную преемственность и своеобразную верность традициям британцы выдержали и здесь, назначив первыми судьями Верховного суда действующих лордов по апелляциям). Таким образом, верхняя палата британского парламента лишилась своих судебных полномочий.

На протяжении всего XX в. Палата лордов преимущественно была и по-прежнему остается в своем большинстве состоящей из представителей Консервативной партии, несмотря на присутствие в ней весьма внушительного числа независимых членов. Следует отметить также, что лорды нечасто собираются в палате большинством состава, несмотря на существование прямых обязательных норм о действительном участии всех лордов в работе палаты. Кроме того, с 1963 г., в соответствии с Актом о пэрстве, для получения права стать членом Палаты общин необходимо отказаться от пэрского титула.

В Новейшее время из этих двух палат английского парламента заметно усилилась роль Палаты общин, что обусловливается, в первую очередь, повышением веса института представительства, когда интересы населения в высших эшелонах власти выражают избираемые народом депутаты, а не назначаемые монархом пэры.

При этом сама возможность реформирования верхней палаты активно обсуждалась основными политическими партиями Соединенного Королевства на протяжении всего XX в. Необходимость перемен признавалась очевидной практически всеми лидерами, были предложены разнообразные варианты реформирования Палаты лордов. Следует отметить, что проекты реформирования существенно расходились в определении стратегических целей модернизации. Консерваторы прежде всего стремились сохранить возможность использования Палаты лордов как инструмента для блокирования неугодных им законотворческих инициатив политических оппонентов. Очевидно, что, исходя из этих целей, они готовы были лишь несколько скорректировать правила комплектования состава палаты, при этом сохраняя в ней устойчивое большинство пэров-консерваторов, и оставить незыблемыми их полномочия[1]. Противники консерваторов, лейбористы и либералы видели своей главной задачей ограничение возможностей консервативной британской аристократии в области принятия парламентских решений. В результате победу одержала либеральная концепция.

[1] Ковалев И.Г. Партийно-политическая борьба по проблеме реформирования Палаты лордов в XX веке: автореф. дис. … д-ра истор. наук. – М., 2012. – С. 21.

В формально-юридическом плане преимущественное положение Палаты общин было закреплено в 1911 г. нормами Закона о парламенте, по которому в случае принятия Палатой общин любого финансового законопроекта последний не нуждался в одобрении или специальном принятии его Палатой лордов. Такое же правило (отсутствие согласия пэров) распространялось и на законопроекты, которые были одобрены Палатой общин на трех сессиях парламента подряд. С 1911 г. (с принятием знаменитого Акта о парламенте) Палата пэров потеряла право абсолютного вето на решения Палаты общин, вместо этого пэры сохранили лишь право задержать на два года введение в действие принятого Палатой общин закона.

Вообще же демократизация политической жизни на всем протяжении XX столетия приводила к постепенному сужению полномочий Палаты лордов, что было законодательно оформлено в нормативных актах 1945, 1949, 1953 гг. Дальнейшее ограничение пэрских полномочий заключалось в обязанности лордов утверждать любой закон, принятый Палатой общин, который был бы направлен на исполнение предвыборной программы партии, победившей на выборах; отлагательное вето Палаты лордов было сокращено с двух лет до одного года. Предлагались и радикальные шаги, связанные, по сути дела, с упразднением наследственных лордов. Даже будущий премьер-министр Т. Блэр (полное имя – Энтони Чарлз Линтон Блэр) после избрания в 1994 г. на пост лидера Лейбористской партии неоднократно заявлял, что в современном демократическом государстве наличие в законодательном органе лиц, оказавшихся там лишь благодаря тому, что какой-то их предок был приближенным к монарху, абсурдно[1]. Однако эти предложения законодательно закреплены не были – приверженность англичан к сложившимся традициям оказалась сильнее.

Еще одним вопросом, который активно обсуждался в XX в. относительно верхней палаты английского парламента, был гендерный: вправе ли женщины заседать и участвовать в голосованиях собрания исключительно знатных джентльменов? В XVIII и XIX вв. жены пэров присутствовали на заседаниях Палаты лор-

[1] Ковалев И.Г. Проблема реформы Палаты лордов в политической жизни Великобритании 1980–2000-х годов // Общественные науки и современность. – 2012. – № 3. – С. 138.

дов, однако лишь в качестве зрителей. Но даже в XX в. британское общество и политическая элита оказались не готовыми к тому, чтобы допустить женщин из аристократических кругов в элитный клуб наследственных пэров[1]. И в этом вопросе традиционное британское общество остается верным своим принципам.

Процесс постепенного ограничения полномочий Палаты лордов в XX в. имел, однако, двойственное значение. Несмотря на фактически закрепленные ограничения (например, в области права вето), порядок формирования верхней палаты парламента оставался прежним, а сами лорды по-прежнему не придерживались ни партийной дисциплины, ни принципов участия в политической деятельности; они не нуждались в переизбрании, были материально незаинтересованными в результатах своей работы (она в Палате лордов не оплачивалась). В итоге лорды, которые преследуют свои узкие интересы, лишь отчасти и декларативно совпадающие с интересами народа и государства, остаются наиболее независимой социальной группой в британской политической системе.

Таким образом, в целом можно согласиться с распространенной точкой зрения о том, что попытки повысить эффективность деятельности парламента путем ограничения прерогатив верхней палаты, в сущности, не достигли своей цели: активное сопротивление лордов (которые, несмотря на ограничения, могут серьезно влиять на законодательный и весь политический процесс) приводило к затягиваю различных реформ и общей слабости парламента в критические периоды государственной истории в XX столетии[2]. Однако с тезисом о потере авторитета парламента в Великобритании на фоне усиления исполнительной власти все же согласиться сложно: незначительные периоды спадов и потеря влияния парламента на вопросы внутренней политики не меняют общей картины столетия, когда парламент и Кабинет министров играли определяющую роль во всех ключевых сферах жизни государства.

---

[1] Ковалев И.Г. Проблема представительства женщин в британской палате лордов: начало борьбы в 1920-е годы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. – 2012. – № 7(126). – С. 79–82.

[2] Орлов К.А. Реформирование палаты лордов британского парламента в первой половине XX в. // Современное право. – 2008. – № 9-1. – С. 107.

Характерной чертой развития британской государственности в Новейшее время стало установление всеобщего и равного избирательного права. Начало этому было положено с принятием норм избирательного законодательства 1918 г., в результате чего мужчины получили в полном объеме избирательные права, которыми могли воспользоваться по достижении 21 года. В качестве избирательных цензов закреплялся определенным образом оформленный ценз оседлости и необходимость владения каким-либо «помещением для деловых занятий» (коммерческой недвижимостью, выражаясь современным языком). Также к выборам допускались некоторые представители женского пола, которые, однако, были гораздо более серьезно ограничены в избирательных правах: активное избирательное право получили женщины, достигшие 30-летнего возраста и владевшие недвижимостью, которая приносила годовой доход в размере не менее пяти фунтов.

К концу 20-х гг. XX в. избирательные цензы сохранялись, но в своих ограничениях мужчины и женщины были в целом уравнены. В частности, начиная с 1928 г. воспользоваться активным избирательным правом для выборов депутатов Палаты общин могли как мужчины, так и женщины: главными условиями были наличие подданства короны, достижение возраста 21 года, проживание в конкретной местности не менее трех месяцев, наличие недвижимости во владении либо предприятия (последние имущественные ограничения могли быть заменены образовательным цензом, поскольку окончание университета давало право участвовать в выборах). В 1969 г. возрастной ценз был снижен до 18 лет (для пассивного избирательного права – до 21 года). Наконец, в 1983 г. был принят закон (очередной Акт о народном представительстве), согласно которому избирательное право предоставлялось всем постоянным (на день предоставления голоса) жителям, достигшим 18-летнего возраста. Исключение составляют лишь лица, «находящиеся в заключении во исполнение приговора суда».

Помимо 18-летнего возраста, получение статуса избирателя возможно лишь при отсутствии ограничений в правоспособности. Статутом 1949 г. круг лиц, которые могут быть лишены правоспособности, был ограничен теми, кто был признан виновным

судом в совершении *незаконных и бесчестных приемов (unhonest and illegal practice)*, лицами, осужденными за тяжкие уголовные преступления (фелония), лицами, освобожденными условно-досрочно из мест заключения, а также душевнобольными[1]. В 2002 г. окончательно сняты все запреты на голосование для членов Палаты лордов.

Традиционно сильный институт парламентаризма в Великобритании длительное время препятствовал развитию процедур референдума, активно использовавшихся в Новейшее время во всем цивилизованном мире. Британская же практика проведения референдума начинается с 1975 г., когда впервые в истории государства жители должны были решить вопрос о продолжении членства Великобритании в Европейском сообществе.

С 2000 г. действуют правила Акта о политических партиях, выборах и референдумах, в соответствии с которыми предложения о референдуме подаются партиями в Избирательную комиссию, которая их рассматривает, но окончательное решение остается за парламентом. К тому же избирательная комиссия рассматривает и формулировку вопросов референдума.

Все избирательные споры должен решать *избирательный суд*, состоящий из двух судей Высокого суда[2]. Как кандидат, так и избиратель имеют право в течение трех месяцев после выборов подать иск. К компетенции суда относятся право дисквалификации кандидатов, право назначения повторного подсчета голосов, проверка правильности подсчета бюллетеней, объявление результатов голосования, признание результатов выборов недействительными, назначение новых выборов.

Особенностью британской избирательной системы является присутствие множества конституционных обычаев, один из которых заключается в том, что хотя избирательное законодательство не содержит каких-либо ограничений по участию в голосовании членов королевской семьи, но они традиционно воздерживаются от участия в выборах (наиболее популярное объяснение этой

---

[1] Данилов С.Ю. Великобритания: специфика институтов избирательного права и парламентские выборы 2010 года // Современное право. – 2011. – № 3. – С. 124.

[2] Берлявский Л.Г. Избирательное право Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 6(12). – С. 72.

традиции – попытка оградить население Великобритании от воздействия на волеизъявление, которое будет иметь место при голосовании членов королевской семьи).

Традиционным для большинства отраслей права Великобритании является отсутствие системности в источниках права. Эту же проблему отмечают исследователи и в отношении действующих источников избирательного права, которые имеют несистематизированный и многоуровневый характер, что создает сложности в их применении[1].

Вместе с тем правовая регламентация отдельных институтов избирательного права Великобритании, таких как проведение голосования, регистрация избирателей и другое, отражает общепризнанные принципы и базовые международные стандарты в этой сфере. Характеристикой избирательного права Великобритании в XX в. может служить обеспечение участия в выборах широкого круга потенциальных избирателей, закрепление понятных алгоритмов действий для избирателей и для участвующих в организации и проведении выборов должностных лиц.

Наиболее же подробно регламентированы процедуры реализации норм о финансировании выборов: в законодательстве присутствуют такие важные положения, как нормы-дефиниции, определяющие статус расходов и пожертвований, что исключает возможность теневого финансирования выборов. К этой же группе можно отнести и нормы, регламентирующие процедурные вопросы составления и представления финансовых отчетов (отсутствие процедурных норм в законодательной практике ряда государств в XX в. зачастую приводит к бездействию либо неэффективному применению материальных норм избирательного законодательства).

В связи с этим следует отметить и раздробленную систему органов, участвующих в организации и проведении выборов: в ней не существует координирующего центра, а органы, участвующие в выборном процессе, как правило, независимы друг от друга. Это обстоятельство в XX в. приводило к тому, что полно-

[1] Лафитский Д.В. Избирательное право Великобритании: институты и тенденции развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 8–10.

мочия отдельных органов четко не были определены, нередко дублировались.

Что касается главных недостатков непосредственно избирательного законодательства Великобритании, то на протяжении XX в. можно наблюдать специфическую регламентацию форм предвыборной агитации, которая существенно усложняет возможности малых и вновь образованных партий на пути к власти. Очевидно, что подобные недостатки во многом являются искусственными и направлены на сохранение неизменной двухпартийной системы (так называемая система избирательных качелей, когда власть попеременно переходит от одной партии к другой).

К началу XXI в. выработалась практика проведения избирательной кампании в срок, ограниченный 17 днями. Не последнюю роль здесь сыграли исторические традиции, стремление к экономии средств на избирательную кампанию и т. д. Однако и здесь можно увидеть определенную искусственность: дело в том, что при досрочном роспуске парламента сокращение срока избирательной кампании дает неконкурентные преимущества той партии, которая находится у власти. Такая партия получает гораздо больше перспектив для мобилизации своих сил, а малые партии практически лишены объективной возможности организовать полноценную подготовку к избирательной кампании и в результате теряют свой электорат[1]. Многими исследователями также отмечается, что и высокая степень *абсентеизма* (неявка избирателей на выборы в день голосования), свойственная британской избирательной системе в Новейший период, также обусловливается столь короткими сроками проведения избирательных кампаний: большинство избирателей просто не могут определиться со своим выбором и предпочитают уклониться от участия в голосовании.

В Великобритании к рубежу XX–XXI вв. выработаны довольно подробные нормы относительно ответственности в избирательном праве. К настоящему моменту избирательный процесс в Великобритании регулируется Актом о народном представительстве (Representation of the People Act 1983 г.) (с последующими изменениями), Актом о политических партиях, выборах

[1] Лафитский Д.В. Указ. соч. – С. 8–10.

и референдумах (Political Parties, Elections and Referendums Act) 2000 г. и Актом об управлении выборами (Electoral Administration Act) 2006 г., который внес изменения и в Акт о народном представительстве 1983 г.

В этих документах закрепляется понятие *избирательного правонарушения* (*election offence*): злоупотребления (*corrupt practice*) и другие незаконные деяния (*illegal practice*)[1]. К категории злоупотреблений отнесены давление на избирателей, подкуп, финансовые правонарушения при проведении выборной кампании, подделка документов, подтверждающих выдвижение кандидата. К незаконным действиям относят также нарушения установленных законом требований к доверенным лицам и их участию в избирательной кампании, агитации и иным элементам избирательного процесса.

В случае совершения указанных правонарушений законодательство Великобритании предусматривает отмену результатов выборов. С 1983 г. действует правило (ст. 121 Акта о народном представительстве), по которому в суд по территориальной подсудности направляется заявление (*парламентская избирательная петиция*), при этом субъектами такого обращения являются избиратель, голосовавший на выборах; лицо, обладающее активным избирательным правом; лицо, претендовавшее на статус кандидата в тех же выборах; кандидат, участвовавший в тех же выборах.

В том случае, если выявленные нарушения повлияли на волеизъявление избирателей, результаты выборов могут быть признаны недействительными и отменены. Последний раз в Новейшей истории Великобритании такое случилось в 1997 г. в ходе рассмотрения дела Малоун против Оатена[2]. Бывший министр здравоохранения от консервативной партии Джерри Малоун подал в Высокий Суд парламентскую избирательную петицию. На прошедших выборах его победил член Либерально-демократической партии Марк Оатен с преимуществом всего в два голоса. Пятьдесят пять бюллетеней не были учтены уполно-

[1] Левченко Т.В. Меры конституционно-правовой ответственности в избирательном праве Великобритании // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3(64). – С. 112.

[2] Election petitions. URL: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/1/hi/uk_politics/82135.stm

моченным по выборам, так как отсутствовала надлежащая штамповка, производимая работниками избирательного участка. Судья вынес постановление, в котором указал, что наличие непроштампованных бюллетеней является основанием для признания результатов выборов недействительными по округу Винчестер (повторные выборы Малоун, однако, снова проиграл).

В 1967 г. в Англии появился новый конституционный институт *омбудсмена* – парламентского уполномоченного по делам администрации. Это должностное лицо назначалось правительством по согласованию с парламентом (последний мог отстранить омбудсмена от должности). Основной задачей и функцией омбудсмена в системе «сдержек и противовесов» можно считать проверку деятельности министров в сфере соблюдения гражданских прав.

В целом английский парламент сосредоточил свое внимание на чисто законодательных функциях, причем абсолютное большинство законопроектов вносится по инициативе правительства.

По мере усиления в английском парламенте роли Палаты общин усиливалась и роль правительства, что было вполне естественно, поскольку правительство в Англии формируется, как уже отмечалось ранее, парламентским большинством победившей на выборах партии.

Соответственно, вес монарха как главы исполнительной власти в XX в. снизился практически до нуля. И хотя сейчас монарх имеет некоторые конституционные правомочия (например, может поощрять министров к определенным действиям в той или иной сфере государственного управления, имеет право давать советы правительству, руководящие указания и т. д.), реально корона к ним не прибегает, что может в очередной раз объясняться силой конституционной традиции. В XX в. в большинстве случаев монарх избегал прямого участия в ежедневной управленческой государственной деятельности, не участвовал в политических акциях и т. д.

Заметные (хотя и не глобальные) изменения происходят с правовым статусом премьер-министра Великобритании, кандидатуру которого в период Нового времени подбирал сам король, а предметы ведения и полномочия премьера, его функции и роль в системе разделения властей конкретно и четко определены

не были (большинство вопросов, которые решал премьер-министр, касались финансовой политики государства). В Новейшее время премьер-министр превращается в самостоятельную политическую фигуру, играющую определяющую роль в системе разделения властей. В 1917 г. парламент принял акт, в котором впервые упоминалась *должность премьер-министра* (акт парламента о поместье Чекерс, утвержденный королем 20 декабря 1917 г.). В этом документе поместье Чекерс, ранее подаренное королевской семье, именуется как загородный дом для будущих премьер-министров.

Кроме того, в утвержденном 1 июля 1937 г. королем *Акте о министрах короны* (королевских министрах) содержалось официальное признание должности премьер-министра и устанавливалась оплата «первого лорда казначейства и премьер-министра». Именно такие две должности традиционно в Великобритании занимал премьер-министр. Исходя из положений акта, можно различить «*положение*» премьер-министра (фактически факт занятия указанной должности) и саму «*должность*» первого лорда казначейства. Именно такое различие положения и должности служит основанием считать совершившимся формально-юридическое закрепление (и признание) существования Кабинета министров. Данное историческое преодоление неофициального характера должности премьер-министра, тем не менее, не способствовало удалению таблички на двери премьер-министра с прежним названием его должности – «*Первый лорд Казначейства*».

С 20-х гг. XX столетия в Великобритании устанавливается конституционный обычай, по которому премьер-министр может быть избран лишь из состава Палаты общин. Что касается его непосредственных полномочий, то они заметно увеличились. Так, важнейшим из них можно считать решение вопроса о роспуске парламента: позиция премьер-министра является определяющей, и монарх, так же в соответствии с устоявшимся обычаем, ему в роспуске парламента не отказывает. Кроме того, премьер-министр предлагает кандидатуры для назначения на пожизненное пэрство (нормы Закона 1958 г.), определяет персональный состав правительства, предлагает кандидатуры для награждения британскими орденами и титулами.

Увеличение количества членов государственных органов (особенно наглядно это видно на численном составе Палаты пэров), наблюдаемое в XX в., отразилось и на правительстве Великобритании. Если в начале столетия состав Кабинета министров насчитывал в среднем от 20 до 25 министров, а также иных высших должностных лиц аппарата (еще большее сокращение было проведено после принятия *Закона о министрах* 1937 г., снизившего число министров до девяти, среди которых оставались в своих должностях канцлер казначейства, первый лорд адмиралтейства, министр просвещения, министр торговли, министр труда, министр здравоохранения, министр по координации обороны, министр транспорта), то в дальнейшем численный состав правительства неизменно увеличивался, и к началу XXI в. в Кабинет включается до 100 руководящих должностей, в перечне которых выделяются министры без портфелей (с 1915 г.), лорды специальных поручений, главы ведомств (лорды и государственные секретари – первые министры), заместители первых министров или государственные министры (должность учреждена с 1969 г.), парламентские секретари – младшие министры.

Из всех перечисленных категорий порядка 20 должностных лиц, как правило, имевших особое государственное значение и функции, традиционно входили в Кабинет министров. При этом реальной властью в самом Кабинете обладали не более пяти ключевых министров.

Важнейшие направления работы и ключевые правительственные полномочия были установлены в 1918 г. и оставались неизменными весь Новейший период. К их числу можно отнести определение вопросов внешней и внутренней политики, руководство исполнительной властью, координацию работы министров и ведомств, сотрудничество с парламентом в вопросах финансов и бюджета.

Важное место в управленческой деятельности английского правительства приобрели специальные органы и комитеты по различным направлениям государственной деятельности. Однако эти органы имеют в основном консультативный характер.

Кроме того, в Новейшее время значительное место в деятельности правительства стал занимать институт *делегированного законодательства*. Суть его заключается в том, что на основе

общего парламентского законодательного поручения правительство получает от парламента право издавать конкретные правовые акты на уровне законов.

В XX в. за правительством были закреплены в этой сфере постоянные и практически неограниченные полномочия, что выразилось в положениях законов об обороне 1914 и 1915 гг. (правительству предоставлялось право запрещать любую общественную либо коммерческую деятельность в интересах безопасности), Закона о чрезвычайных полномочиях 1920 г. (правительству было предоставлено право введения чрезвычайного положения в стране при наличии угрозы, снабжения населения необходимыми товарами и продуктами), Закона об обороне 1939 г. (правительству предоставлялось полномочие принудительного выкупа любых объектов имущества у корпораций и частных лиц, владения этим имуществом, за исключением, однако, объектов земельной собственности).

В 1946 г. практика принятия делегированного законодательства получила статус постоянного конституционно-правового института, в соответствии с которым для обеспечения жизненно важных государственных функций, решения вопросов государственной безопасности правительство наделялось постоянными полномочиями выносить обязательные распоряжения, минуя парламент. В дальнейшем этот институт только расширялся (добавилась, в частности, сфера, связанная с терроризмом).

1.3. Эволюция партийной системы

Определенные и весьма заметные изменения происходят в XX в. в партийной системе Великобритании. В частности, меняется ее качественный состав: Либеральная партия меняется на Лейбористскую, что явилось следствием реакции на изменение баланса политических сил[1]. Кроме того, происходит усиление правого и левого радикализма, что проявлялось в возрождении национализма и проникновении в Великобританию коммунисти-

[1] Подробнее об этом: Исаев Б.А. Развитие партийной системы Великобритании // ПОЛИТЭКС. – 2008. – № 4. – С. 254.

ческих идей. Это, однако, незначительно отразилось на количественном составе всей системы, в числе элементов которой можно указать появившиеся в Новейшее время малые партии, такие как Коммунистическая партия Великобритании (создана в 1921 г.), Уэльская национальная партия (создана в 1925 г.), Шотландская национальная партия (создана в 1934 г.).

Вышеуказанные изменения не отразились на партийной принадлежности премьер-министров Великобритании, которые принадлежали либо к партии *лейбористов* (Р. Макдональд, К. Эттли, Г. Вильсон, Д. Каллагэн, Т. Блэр, Дж.Г. Браун), либо консерваторов (С. Болдуин, Н. Чемберлен, У. Черчилль, Э. Иден, Г. Макмиллан, А. Дуглас-Хьюм, Э. Хит, М. Тэтчер, Д. Мэйджор, Д. Кэмерон, Т. Мэй, Б. Джонсон).

Вообще же очное соперничество Консервативной и Либеральной партий, а также заочное (в исторической ретроспективе) – между консервативным и либеральным правительствами и определили национальную политическую специфику Великобритании в XX столетии.

Период успешной политики во время тринадцатилетнего нахождения у власти консервативных правительств связывается с именами У. Черчилля, Э. Идена, Г. Макмиллана и А. Дуглас-Хьюма (1951–1964 гг.). Добившись промышленного подъема (на фоне удачной войны в Корее 1951–1952 гг.), консервативное правительство так или иначе способствовало переходу режима жесткой экономии, свойственного лейбористам, к более гибкой экономической модели с преобладанием непрямых (косвенных) рычагов регулирования: снижение налогов, повышение заработной платы, поддержка внешней торговли, бизнеса, ограничение безработицы. Социалистические идеи к концу 60-х гг. XX в. приходят в определенный кризис, что было обусловлено в числе прочего расхожим в Великобритании мнением, что так называемый государственный социализм исчерпал все свои потенциальные прогрессивные возможности и его дальнейшая реализация не должна связываться с огосударствлением экономики, но основываться на формировании смешанной (устойчивой) экономической модели. При этом внешняя политика 50–60-х гг. под руководством консервативных премьер-министров справедливо оценивается негативно, поскольку привела к критическому уровню

дезинтеграции, упрочила так называемую атлантическую солидарность и обусловила закрепление стратегического союза с США.

В последние десятилетия в государственно-политической истории Великобритании заметный след оставила деятельность Кабинета М. Тэтчер – лидера консерваторов. Считается, что ключевыми причинами ее прихода к власти послужили неспособность ряда послевоенных правительств решить многочисленные финансово-экономические проблемы, постоянное отставание от США, Германии и Франции. После прихода к власти (1979 г.) ее правительство, пытаясь преодолеть негативные явления в экономике, сократило ассигнования на здравоохранение, образование, социальные нужды. Затем стала реализовываться политика денационализации, т. е. возвращения в частные руки национализированных лейбористами предприятий.

Решительность премьера дала основание называть ее «железной леди». М. Тэтчер сумела завоевать высокий авторитет на международной арене. В своей стране она также поначалу имела поддержку английского общества. Однако к концу 80-х гг. стало ясно, что англичанам не нравится внутренняя политика правительства, социально недостаточно ориентированная на широкие слои населения, а также допускавшая жесткое отношение к забастовкам и в целом к профсоюзам, и М. Тэтчер добровольно ушла в отставку, несмотря на то, что ее партия на очередных выборах в 1995 г. одержала победу. М. Тэтчер не устроило то обстоятельство, что преимущество консерваторов оказалось минимальным.

Помимо М. Тэтчер, в Новейшей истории наибольшую известность получил У. Черчилль (40-е гг. XX в). Считается, что именно с его речи в 1946 г. берет начало эпоха холодной войны – противостояние СССР и Запада (Черчилль был выдающимся во всех отношениях политиком, также он известен изречением о том, что демократия – это не самый лучший регулятор общественных отношений, но лучшего человечество пока не придумало).

С 1997 г. после длительного периода правления консерваторов страной начинают руководить лейбористы во главе с Э. Блэром. Начиная с этого момента и до окончания полномочий лейбористского премьер-министра Дж.Г. Брауна программные документы лейбористов содержат положения о механизмах активной государственной политики с «точечной» методикой их

реализации: средства, выделяемые из государственного бюджета, подлежат строгому распределению на социальные нужды по принципу максимальной эффективности расходования. Лейбористы начала XX в. проводили политику забвения отжившего себя (по их мнению) деления на частную и общественную сферы, на левых и правых, приоритетные и второстепенные пути государственного развития. Вместо этого представители лейбористов в правительстве пытались прийти к равновесию и балансу во всех сферах (бизнес, профсоюзы, образование, институты гражданского общества, здравоохранение и др.).

Если же смотреть на всю партийную систему как на единое целое, то следует согласиться с тем, что она функционирует в режиме «маятника»: насчитывается пять консервативно-лейбористских циклов, ознаменовавшихся сменой правящей партии, а именно:

1) 1924–1929 гг. – правление консервативного правительства, сменившееся правлением лейбористского правительства в 1929–1935 гг.;

2) 1935–1945 гг. – правление консерваторов, сменившееся правлением лейбористов в 1945–1951 гг.;

3) 1951–1964 гг.– правление консерваторов, сменившееся правлением лейбористов в 1964–1970 гг.;

4) 1970–1974 гг. – правление консерваторов, сменившееся правлением лейбористов в 1974–1979 гг.;

5) 1979–1997 гг. – правление консерваторов, сменившееся правлением лейбористов в 1997–2010 гг.[1]

Таким образом, весь XX в., равно как и в первой четверти XXI столетия, британская партийная система остается *бипартийной* в ее классическом проявлении. Содержательные и структурные особенности британского парламентаризма, сопровождающиеся мажоритарной партийно-политической системой и мажоритарной избирательной формулой, не позволяют мелким партиям добиваться власти, проявлять свой партийный и управленческий потенциал.

[1] Исаев Б.А. Указ. соч. – С. 263.

1.4. Развитие права

Помимо тех аспектов, которые были связаны с правовой регламентацией эволюции государственного строя и описаны выше, особенности правового развития Великобритании в Новейшее время проявлялись также в том, что в этот период наблюдается возрастание роли правовых актов, принимаемых в порядке делегированного законодательства (наиболее часто в такой форме принимались нормативные акты в области образования, социального страхования, здравоохранения и др.). В качестве высшей формы выражения норм делегированного законодательства можно назвать «*Приказ в Совете*» – нормативный акт, который издается правительством от имени монарха и Тайного совета.

Кроме того, к концу XX в. право Великобритании обретает все более систематизированный характер. Это явилось следствием определенных, предпринятых в экспертном сообществе усилий. Так, например, в 1965 г. образовывается *Правовая комиссия*, целью которой была подготовка проектов крупных консолидированных актов, относящихся к различным отраслям права. Конечная же цель такого шага заключалась в проведении полномасштабной реформы всего корпуса британского права (возможно, даже с выработкой ряда кодифицированных нормативных правовых актов).

Однако, несмотря на то, что некоторые меры к систематизации были приняты, до сих пор ни одна отрасль английского права не кодифицирована полностью. Таким образом, и в сфере правового развития Великобритания оказалась крайне приверженной сложившимся обычаям и традициям.

В силу указанных факторов и обстоятельств в Великобритании по-прежнему важнейшими источниками права являются:

– судебные прецеденты;

– статуты (законы), принимаемые парламентом;

– нормативные акты делегированного законодательства.

Следует отметить, что на протяжении XX в. роль прецедентного права все же постепенно ослабевала, хотя правящие круги и политическая элита по-прежнему были заинтересованы в сохранении системы общего права, позволявшей проявлять гибкость в толковании судебных решений. Важным источником ан-

глийского права остаются в Новейший период судебные прецеденты, которые являются непосредственным регулятором ряда правовых институтов, весьма важных для британского общества и государства, а именно сфера договорного права (особенно институт возмещения ущерба, институт доверительной собственности, институт ответственности за нарушение обязательств, ряд иных, менее значимых).

Еще одной ярко проявившейся особенностью развития права в Новейший период являлся активный рост числа принимаемых парламентом законодательных актов, разрабатывавшихся по различным аспектам жизнедеятельности государства и общества, которые, в свою очередь, сопровождались (обрастали) огромным количеством принятых для их толкования и применения судебных прецедентов. Без последних вновь принятые нормативные акты фактически не могут функционировать, оставаясь лишь набором общих принципов и положений.

Что касается имевших место в Великобритании консолидированных актов, следует отметить, что главной целью их принятия были систематизация и упорядочение правового регулирования, но сфера их применения была существенно ограничена лишь отдельными правовыми институтами (Закон о семейных отношениях 1857 г., Закон о партнерстве 1890 г., Закон о продаже товаров 1893 г. и др.). Отчасти из-за принятия подобных правовых актов в ряде сфер общественной жизни они вытеснили положения судебных прецедентов либо успешно конкурировали с ними.

В гражданско-правовой сфере многие институты Великобритании Новейшего времени регулировались отдельными законодательными актами. Специфическим признаком английского права можно считать своеобразное законодательство о компаниях, сыгравшее ключевую роль в экономическом развитии страны, способствовавшее появлению огромного количества компаний с ограниченной ответственностью.

Институт собственности был в основе своей закреплен в Великобритании в XX в. законами, принятыми в 1925 г. Нормы этих документов касались управления имуществом, затрагивали правомочия собственника. Дальнейшее развитие получает *траст* – институт доверительной собственности, которая может передаваться в управление в пользу третьих лиц с целью распоряжения

наследственной массой, создания благотворительных фондов, контроля за имуществом недееспособных лиц.

Гражданско-правовые нормы активно использовались и в области регулирования индустриальной сферы. Так, следует выделить *Закон о промышленном развитии* 1968 г. (закрепил возможность применения мер финансовой поддержки тем отраслям промышленности, которые показывали максимально высокие результаты, способствовали выходу из кризиса).

Сюда же относятся нормы Закона о векселях 1881 г. и Закона о потребительском кредите 1974 г., регулировавшие финансовые и торговые отношения, обязательства в сфере кредитования, купли-продажи и т. д.

Особая и во многом молодая сфера правового регулирования в конце XX в. – окружающая среда и ее защита от загрязнения. Здесь получило свое развитие соответствующее законодательство, среди которого выделяются законы *О защите и использовании вод* (1973 г.), *О контроле над загрязнением окружающей среды* (1974 г.), *О контроле над загрязнением атмосферы* (1978 г.).

Прецеденты в XX в. использовались для регулирования весьма обширной сферы трудовых отношений (с преобладающей долей законодательных норм), этому способствовало возросшее количество споров между работниками и работодателями в британских судах. Вместе с тем происходит усиление роли локального нормотворчества, например, коллективные договоры регулировали условия труда, институты производства, рабочего времени и отдыха, критерии начисления заработной платы и т. д. Что касается базовых сфер производства, то там активно использовались парламентские предписания, определявшие критерии осуществления трудовой деятельности. В основной массе это нормативные акты 70–80-х гг. XX в. (законодательство о занятости, Акт о профсоюзах и трудовых отношениях, Закон о заработной плате, Закон о профсоюзах и трудовых отношениях и ряд иных).

В английском уголовном праве в Новейшее время произошло существенное изменение критериев классификации преступлений. Ранее длительное время они делились на *тризн*, *фелонии* и *мисдиминоры*. По закону 1967 г. преступления делятся на следующие две категории.

1. *Арестные преступления*, за совершение которых предусмотрено лишение свободы на срок свыше 5 лет. В отношении лиц, совершивших подобные преступления, применяются особые правила ареста (таких подозреваемых можно задерживать, минуя процедуру выдачи предварительного судебного приказа; это же относится и к процедуре освобождение под залог[1]).

2. *Неарестные преступления*.

В качестве основных видов уголовного наказания применялись следующие:

– лишение свободы;

– пробация (аналог условного освобождения);

– штраф.

Смертная казнь в Великобритании считается отмененной с 1969 г., хотя продолжают действовать статуты, предусматривающие возможность назначения смертной казни за ряд преступлений (например, за пиратство, государственную измену, поджог королевских домов). Однако английская правоприменительная практика идет по пути, исключающему вынесение приговоров по таким преступлениям в течение нескольких десятилетий.

В уголовном процессе большое значение имеет принятый в 1984 г. Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам, где подробно регламентируется деятельность полиции по расследованию преступлений, в том числе производство обысков и арестов, предварительное заключение обвиняемых, рассмотрение жалоб на действия полиции и др. Вместе с тем используется и прецедентное право, прежде всего в толковании положений, в общей форме изложенных в многочисленных нормативных актах.

Особенностью уголовно-процессуального права Великобритании можно считать объединение сферы судоустройства и уголовного судопроизводства: они регулируются одним и тем же массивом правовых норм, среди которых следует выделить Закон о присяжных 1874 г., Закон о судах и юридических услугах 1980 г., Закон о магистратских судах 1980 г., Закон об отправлении правосудия, Закон о преследовании за преступления 1985 г. и др.

[1] Подробнее об этом: Бурдо Е.П. Наказание по общему праву Англии, Уэльса и США (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.

Состязательность остается важнейшим принципом уголовного судопроизводства: возбуждением дела, сбором доказательств вины обвиняемого, поддержкой обвинения в суде занимается сторона обвинения; сбором оправдательных доказательств – сторона защиты; роль суда – решение вопросов о виновности и мере наказания при соблюдении правил судопроизводства.

В 1989 г. Правовая комиссия представила проект Уголовного кодекса Англии и Уэльса по типу континентальных. Однако пока этот проект остается проектом и принят не был.

Таким образом, обозревая эволюцию государственных и правовых институтов Великобритании на протяжении XX – в начале XXI в., можно прийти к выводу, что государственность в эпоху Нового времени в целом отражает вектор демократического цивилизационного общемирового развития, но отличается определенным своеобразием с учетом следования традициям и обычаям в политико-правовом и конституционно-правовом поле.

По форме правления Великобритания остается конституционной монархией с номинальной ролью короля (королевы) во главе государства, при этом на протяжении XX столетия неуклонно отмечается рост значения Палаты общин британского парламента и Кабинета министров.

Развитие права также происходило плавно, эволюционным путем. Наиболее существенные изменения произошли в уголовном праве в ходе модернизации системы классификации преступлений и попыток разработки проекта уголовного кодекса, а также закрепления в качестве форм правотворческой деятельности института делегированного законодательства.

1.5. Британская колониальная империя

К 1919 г. площадь Британской империи достигла наибольшего размера: под управлением Соединенного Королевства находились земли, занимавшие 31 878 965 км² – около 22% земной суши с общей численностью населения империи порядка 480 млн человек, что составляло четвертую часть всего населения земного шара.

Упадок Британской империи был обусловлен результатами Второй мировой войны, несмотря на то, что Великобритания и была одной из стран-победительниц. Так, к началу холодной войны Великобритания воспользовалась американским займом в 3,5 млрд долларов, чтобы избежать дефолта, в колониях усиливается антиколониальное движение. Как следствие, с 1945 по 1965 г. общее количество подданных Британской империи (за пределами самой метрополии) снизилось с 700 млн до 5 млн человек (из этого числа 3 млн – жители Гонконга).

Все попытки британцев сохранить империю с помощью политических мер либо военным путем (колониальные войны в Кении, Малайе) к успеху не привели, поэтому глава лейбористского правительства, премьер-министр Клемент Эттли в 1946 г. пообещал Индии (самому крупному колониальному владению) независимость не позднее 1948 г., после чего были установлены границы между исламскими и индуистскими регионами и образованы государства Индия и Пакистан.

В 1948 г. независимость от Британской империи получают Бирма и Цейлон, при этом Индия, Пакистан и Цейлон присоединились к Британскому содружеству, а Бирма отказалась. В 1956 г. провозглашает независимость Судан, на следующий год – Малайи. В 1960 г. полной независимости добились 17 африканских колоний (этот год назвали «годом Африки»), среди которых выделим крупнейшее британское владение в Африке – Нигерию.

Последующие события второй половины XX в. неизбежно вели к распаду всей колониальной системы, и к началу XXI столетия Великобритания сохраняет суверенитет над 14 территориями за пределами Британских островов. В 2002 г. им был предоставлен статус Британских заморских территорий. В политическом плане большинство из них пользуются правом на самоуправление и в определенной степени зависят от Великобритании в вопросах обороны и международной политики.

Большинство колоний вошли в *Британское содружество наций* –добровольное объединение равных государств, лишенное политических целей, где за Соединенным Королевством никаких привилегий не закреплено (полного разрыва многовековых экономических и культурных связей между Великобританией и частями ее империи все же не произошло). Пятнадцать членов

Содружества считают формальным главой государства английскую королеву и являются королевствами Содружества. Великобританию и доминионы сближает «общая верность короне и свободное членство в Британском Содружестве наций». Законодательно статус Содружества закреплен Вестминстерским статутом (11 декабря 1931 г.).

2. Государство и право Франции

2.1. Развитие государственного строя в первой половине XX века

Развитие государственных институтов и системы государственного управления во Франции в первой половине XX столетия в целом шло по принципам, закрепленным в период Третьей республики Конституцией 1875 г. Неизменной осталась и определенная степень нестабильности политического и государственного режима, поиск эффективных моделей властвования (эта традиция продолжается с эпохи становления буржуазного государства в конце XVIII–XIX вв.).

Конституционное развитие Франции этого периода отражало вышеуказанную общую закономерность и, в свою очередь, характеризовалось многочисленными политическими кризисами. Однако основной закон, подробно не регламентировавший вопросы формирования правительства, избрание высших должностных лиц, позволял оперативно приходить к необходимому политическому консенсусу. При этом последние десятилетия Третьей республики характеризуются тенденцией к ослаблению института *президента* и нестабильной роли *парламента* (Национального собрания). Отношения между законодательной и исполнительной ветвями власти нередко имели напряженный характер и даже приводили к вынужденной президентской отставке (например, А. Мильерана в 1924 г.).

Что касается самой парламентской системы, то во Франции (как и в Англии) заметно повышается значение *Палаты депутатов* (нижней палаты французского парламента, которая избиралась всеобщим голосованием на основаниях, определяемых специальным законом), численность которой составляла более 600 человек (после Первой мировой войны – 626). В Сенате было 214 человек. Уменьшению влияния верхней палаты способствовала окончательная ликвидация в 1918 г. института пожизненного сенаторства (это связывается со смертью последнего пожизненного сенатора после принятия в 1884 г. соответствующего нормативного документа). Преимущество в палатах Национального собрания

имели сторонники республиканского строя, которые существенно влияли на внутреннюю политику государства.

Осуществление исполнительной власти и внутренняя политика в целом во многом определялись настроениями, доминировавшими в парламенте, поскольку основная часть министров принадлежала к парламентскому большинству. Такая связь в годы Третьей республики приводила к частым политическим кризисам в связи с неустойчивостью и непродолжительностью работы правительства (средний период работы министров в кризисные периоды составлял, как правило, 9–10 месяцев, в относительно стабильные периоды – около 2–3 лет). Несмотря на это обстоятельство, правительство концентрировало в своих руках наиболее важные рычаги влияния на государственную жизнь. Последнее стало возможным благодаря расширению сферы делегированного законодательства (с 1925 г.). Здесь можно также провести аналогию с подобным институтом в Англии, однако во Франции эта практика имела гораздо более выраженный политический смысл. В частности, французский парламент уклонялся от политической ответственности за непопулярные социальные меры, перекладывая ее на правительство.

Важно отметить, что для периода Третьей республики было характерно наличие широкого спектра политических партий (чего нельзя сказать о более консервативной в этом отношении Англии), которые условно можно разделить на лево- и правоцентристские. Из наиболее влиятельных выделялись следующие: Единая социалистическая партия Франции (образована в 1905 г.), Французская коммунистическая партия (1920 г.), Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов (1901 г.), Партия республиканцев-социалистов (1924 г.).

Таким образом, с 30-х гг. XX в. ключевым направлением эволюции государственного строя становится общий упадок значения и роли парламента в политической жизни и усиление правительственной власти (в первую очередь, за счет делегированного законодательства). Окончательно падение авторитета парламента было символично ознаменовано в сентябре 1939 г. объявлением войны Германии без предварительного обсуждения и согласия Палаты депутатов и Сената Франции.

Избирательное законодательство Франции было представлено, в первую очередь, законом 1919 г., нормы которого являлись результатом компромисса и уступок левым политическим партиям в плане закрепления пропорциональной избирательной системы. Сочетание пропорциональности и мажоритарности проявлялось в том, что любая политическая сила (объединение или партия) могла выступить на выборах со своим списком кандидатов, но пришедшие на выборы избиратели голосовали за отдельного кандидата из этого списка, а не за весь список в целом (такая система весьма оправданна, поскольку исключает возможность прохода в парламент так называемых темных лошадок – кандидатов, которые находятся в третьей или четвертой десятке общего списка, не известны избирателям, но в результате отказа первых номеров списка получают депутатские мандаты). Легитимности выборов способствовал также принцип абсолютного большинства при избрании кандидатов.

Откровенным пережитком избирательного законодательства, который был закреплен и в законодательстве начала XX в., можно считать неравномерность распределения населения по избирательным округам, что приводило к разному весу голосов избирателей. Так, например, старые сельские департаменты насчитывали гораздо меньше избирателей, чем новые городские, поэтому голос одного сельского жителя мог равняться нескольким голосам горожан.

С 1927 г., однако, мажоритарная система была полностью восстановлена благодаря политике Р. Пуанкаре, возглавившего консервативное французское правительство. Считается, что это было сделано в интересах крупной буржуазии и поэтому вызывало негативную реакцию левых политических сил (В.И. Ленин насчет Пуанкаре высказывался, что его карьера является в целом типичной карьерой буржуазного дельца, который продает себя «по очереди всем партиям в политике и всем богачам вне политики»[1]).

[1] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 22. – С. 294.

2.2. Режим Виши

Падение Третьей республики было предопределено в большей степени внешним фактором, а именно началом Второй мировой войны. После ввода германских войск в Париж в июне 1940 г. правительство Филиппа Петена под давлением Германии заключило с оккупантами Компьенское перемирие (22 июня 1940 г.). Этот документ предполагал разделение Франции на оккупированную зону (примерно две трети территории, управляемой германской военной администрацией) и зону самостоятельного управления (юг страны с центром в г. Виши), где правительство Петена установило форму авторитарного режима. Таким образом, Третья республика во Франции юридически прекращала свое семидесятилетнее существование.

Правовым закреплением авторитарного режима Ф. Петена (*вишистского режима*) стало решение Национального собрания от 10 июля 1940 г., по которому Петен как глава правительства получал чрезвычайные полномочия. В дальнейшем рядом конституционных законов (1940–1943 гг.) была вообще упразднена должность президента, а прежняя Конституция отменялась. Откладывались (до стабилизации обстановки) заседания Сената и Палаты представителей, и таким образом глава правительства сосредоточил в своих руках, причем формально на законных основаниях, практически всю полноту государственной власти.

Проблематика особенностей государственного авторитарного режима Ф. Петена во многом обусловлена специфическими характеристиками личности этого политического деятеля. Так, исследователи говорят о формировании культа его личности, что нашло подтверждение в законодательном акте от 11 июля 1940 г. В этом документе фиксировался факт концентрации единоличной и самостоятельной власти в руках маршала[1], а общую картину дополняла активная пропаганда Ф. Петена в средствах массовой информации в качестве спасителя Франции и «отца нации»[2], по-

[1] Фальшина Н.А. Диктатура Виши (законодательная техника и принципы управления на оккупированной территории Франции) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 7-4. – С. 133.

[2] Подробнее об этом: Арзаканян М.Ц. Политическая история Франции XX века: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2003.

явление неофициального гимна французского государства («Маршал, мы здесь!»), считавшегося заменой знаменитой, но запрещенной нацистами «Марсельезы»[1]. Истоки появления указанного культа личности до конца не выяснены (ряд исследователей считают, что культ Ф. Петена сформировался независимо от желания самого маршала и государственной верхушки[2]).

Особым образом складывались отношения французского государства с церковью. До войны и фактически, и юридически Третья республика провозглашалась светским государством, однако после прихода вишистов к власти ситуация резко поменялась[3]. Тесные отношения политической верхушки государства и церковных иерархов (многие вишисты были католиками, как, например, Моррас и Петен) привели к определенному укреплению вишистского режима.

Расширению государственно-церковных отношений способствовал также довольно высокий уровень религиозности французов, что давало основания для успешной реализации пропаганды вишистов в различных социальных слоях. При этом А. Руссо указывает на то, что распространение клерикализма вскоре было ограничено и замедлилось, поскольку Ф. Петен стремился сохранить власть над школой (главным институтом воспитания нации), не позволяя церковным институтам тесно с ней взаимодействовать[4].

Таким образом, режим Виши обусловливался в первую очередь ключевой и определяющей ролью самого Ф. Петена в политической жизни страны. Являясь центральным элементом всего режима, он оказывал решающее воздействие на главные сферы внутренней политики французского государства.

Интересным представляется рассмотрение феномена режима Виши с точки зрения перспектив государственно-правового строительства. В планах режима числилась не только реформа центральных органов власти, но и преобразование местных

---

[1] Черкасов П.П. Маршал Петен // Новая и Новейшая история. – 2019. – № 3. – С. 213.

[2] Бурлаков А.Н. Политическая природа режима Виши во Франции (1940–1944 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2017. – № 1. – С. 50–51.

[3] Арзаканян М.Ц. Указ. соч. С. 52.

[4] Руссо А. «Национальная революция» режима Виши // Французский ежегодник. – 2003. – Т. 2003. – С. 192–193.

публично-правовых институтов[1]. При этом одной из предпосылок можно считать тот факт, что Франция представляла собой пестрый конгломерат провинций со своими обычаями, укладом жизни, диалектами, кутюмами, безуспешно реформировавшийся и в XIX в., и в начале XX столетия. В сознании рядовых французов прочно укрепилось понимание того, что пестрое французское сообщество могло быть объединено лишь монархической идеей о подданстве всех людей королевской власти (независимо от происхождения и национальности).

Монархическая идея традиционно во Франции сочеталась с призывами к централизации, хотя французские социалисты неизменно выступали за децентрализацию. Как утверждают некоторые исследователи, первым реальным опытом в этом плане стали реформы по децентрализации, проводимые режимом Виши[2]. Так, первые шаги (весьма фрагментарные и незначительные, но тем не менее осознанные) в сторону регионализации страны были предприняты сразу же после окончания Первой мировой войны, когда в 1919 г. было объявлено о создании «экономических регионов», которые должны были всего лишь объединить торговые палаты нескольких департаментов. Не имевшая своего продолжения инициатива была поддержана только режимом Виши[3]. В частности, при правительстве Виши в структуре Государственного совета была создана комиссия, задачей которой являлось решение проблем децентрализации под руководством Л. Ромье (придерживался либеральных взглядов).

С другой стороны, в правительстве Виши имелись политические лидеры, находившиеся под серьезным влиянием децентрализаторских идей и концепций Ш. Морраса (1868–1952) – французского публициста, критика, сторонника наследственной монархии и католицизма как организации, утверждавшей превосходство «латинской расы» над другими народами.

---

[1] Бурлаков А.Н. Конституционные и децентрализаторские проекты режима Виши (1940–1944): наследие прошлого в современной Франции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 79–81.

[2] Там же. – С. 79.

[3] Соловьев А.А., Шеяфетдинова Н.А. Децентрализация государства: опыт Франции // Современное право. – 2014. – № 11. – С. 154–160.

Таким образом, маршал Ф. Петен был фактически первым французским руководителем, который открыто поддержал проект децентрализации государственного управления. Заявив в июле 1940 г. о предстоящей территориальной реформе, Ф. Петен представил проект, в соответствии с которым Государственный совет должен был в ходе обсуждения весной 1941 г. разделить Францию на двадцать провинций (первоначально предполагалось деление на 26 провинций).

Действительная же децентрализация была проведена гораздо позже – во второй половине XX столетия и была обусловлена общей тенденцией к либерализации общественной, экономической и политической сферы жизни общества, региональными аспектами политики Европейского Союза и рядом иных факторов. В годы президентства Ф. Миттерана принимается ряд законов о децентрализации (1982 г.), в результате чего создаются 22 региона с выборными местными властями, а органы местного управления приобретают расширенные полномочия за счет закрепления дополнительных финансовых возможностей. Кроме того, национальные окраины Франции получают культурную автономию, а население этих окраин – право изучать свои языки в школах и вузах, вести радио- и телепередачи на родных языках.

Что касается судьбы режима Виши (или государства Виши), то в целом планы гитлеровцев не оправдались: созданное нацистами правительство не было способно обеспечить нейтралитет французского флота и способствовать подавлению активности колониальных войск. Поэтому уже в ноябре 1942 г. нацистская Германия вводит свои войска и в южные районы Франции, что послужило основанием прекращения государственности режима Виши.

Если же говорить о Франции периода фашистской оккупации, нельзя забывать и о том, что многие направления внутренней политики французского правительства имели явно заимствованный от нацистской Германии характер. В частности, создавались молодежные военизированные лагеря, вводился контроль рождаемости, поощрялись многодетные семьи, не осуждался антисемитизм, не запрещались фашистские и националистические организации. В целом такая политика коллаборационизма не могла быть поддержана абсолютным большинством населения

Франции (особенно в ее оккупированной части), поэтому вполне естественным стало появление движения Сопротивления, возглавленное в итоге известным французским военачальником генералом Шарлем де Голлем (1890–1970), которому будет суждено сыграть заметную роль в Новейшей истории Франции.

В конце 1944 г. Франция была освобождена от оккупации. Управление государством вплоть до 1946 г. осуществляло Временное правительство во главе с Ш. де Голлем. В крупные города были назначены комиссары республики, в департаменты – префекты; стали восстанавливаться органы местного самоуправления. Организации, входившие в движение Сопротивления, вновь стали трансформироваться в обычные политические партии, причем основную роль стали играть левые партии – Социалистическая, Народно-республиканская, Демократический и социалистический союз Сопротивления, а также Коммунистическая партия.

2.3. Четвертая республика во Франции

Разработка новой Конституции. После окончания войны остро встал вопрос о разработке и принятии новой Конституции. С этой целью в октябре 1945 г. во Франции был проведен *референдум*. Большинство высказалось за придание новому представительному собранию учредительных прав. Была также поддержана отмена правительством Ш. де Голля всех государственных политических решений профашистского правительства. Одновременно на референдуме определялись конституционные положения переходного периода, согласно которым исполнительная власть вверялась правительству, а законодательная – новому собранию, причем правительство должно было подчиняться собранию.

Последнее обстоятельство вызвало активное несогласие самого Ш. де Голля, который считал, что стране нужен сильный руководитель – без какой-либо параллельной власти. Ш. де Голль ушел из правительства и в целом на некоторое время сошел с французской политической арены (чтобы вернуться на нее с более умеренными взглядами).

В новом *Учредительном собрании* (ноябрь 1945 – 1946 г.) развернулась острая политическая борьба по вопросам будущего

государственного устройства и формы правления, полномочиям исполнительной и законодательной ветвей власти. Чтобы решить спор, собрание вынесло проект новой Конституции на референдум.

В этом проекте Конституции предусматривалось чисто парламентарное устройство с безусловным преимуществом Национального собрания над исполнительной властью. Однако на референдуме (5 мая 1946 г.) проект был отвергнут большинством избирателей, хотя и относительно небольшим большинством (10,6 млн – против, 9,3 млн – за). Само по себе отрицательное решение на референдуме представляло исключительное политическое событие, поскольку в подавляющем большинстве случаев инициаторы и организаторы референдума (в данном случае Учредительное собрание) формулировали вопросы с расчетом на их одобрение народом в свою пользу.

Второе Учредительное собрание, избранное 2 июля 1946 г., подготовило проект с иным соотношением исполнительной и законодательной ветвей власти (приоритет отдавался первой, хотя и не в такой степени, как это было в довоенный период). На этот раз проект был одобрен французами на референдуме 13 октября 1946 г. (9,3 млн – за, 8,2 млн – против).

Конституция 1946 г. закрепила парламентскую республику в качестве формы правления во Франции, особо отразив светский и социальный характер осуществления власти на демократической основе. Высшим законодательным и представительным органом являлся парламент, состоявший из *Национального собрания* и *Совета республики*. Так же как и в прежних конституциях, в тексте Основного закона 1946 г. закреплялись лишь основы организации парламента, при этом формирование палат происходило по разным избирательным системам. Так, Национальное собрание избиралось на основе прямого и всеобщего избирательного права, а Совет республики – на основе косвенного и всеобщего избирательного права (он комплектовался коммунами и департаментами).

Всеобщее избирательное право, действовавшее во Франции, предполагало, что в выборах могут участвовать граждане, достигшие 21 года (в случае присвоения лицу более молодого возраста правительственных наград оно допускалось к участию в выборах уже с 18 лет). Практика делегированного законодательства

отменялась, поэтому именно Национальное собрание с этого момента считалось единственным органом, принимающим законы в стране. Помимо этого, в компетенцию палаты входило принятие бюджета, объявление военного положения или войны.

Депутатами Совета республики могли стать лица, достигшие возраста 35 лет. Правовой статус Совета республики был в своей основе направлен на реализацию консультативных полномочий, поскольку Конституция не устанавливала строгой обязательности его решений для Национального собрания или иных высших государственных органов.

Это же относилось и к существу законотворческого процесса. Совет республики рассматривал проекты законов и законодательные предложения, ранее принятые Национальным собранием в первом чтении, и представлял свое заключение не позднее двух месяцев после передачи проектов законов (пропуск срока означал вступление закона в силу с его дальнейшим опубликованием).

В том случае, если заключение Совета республики предусматривало какие-либо поправки или дополнения к проекту закона, принятому Национальным собранием, то проект рассматривался собранием во втором чтении с вынесением окончательного решения. При этом в случае, если поправки Совета республики не принимались Национальным собранием, для принятия изначального варианта проекта закона во втором чтении проводилось голосование с открытой подачей голосов: проект закона считался принятым, если за него проголосовало абсолютное большинство всего состава членов Государственного совета.

Правительство Франции осуществляло функции текущего управления государством, имело право законодательной инициативы и внеочередного созыва парламента. Конституция 1946 г. закрепила весьма жесткую систему сдержек и противовесов, а также институт парламентского контроля. В частности, министры несли коллективную ответственность перед Национальным собранием за успех реализации правительственной политики, а также индивидуальную ответственность – за личные действия при выполнении своих полномочий (ответственность перед Советом республики министры не несли).

Государственный совет имел право отказать правительству в доверии, однако такое решение должно было быть поддержано

абсолютным большинством депутатов палаты. Оформленное таким образом решение об отказе в доверии кабинету министров, естественно, влекло за собой коллективную отставку правительства.

Вместе с тем в ст. 51 Конституции закреплялся и обратный механизм: Совету министров было предоставлено конституционное право принятия решения о роспуске Национального собрания в случае, если в течение 18 месяцев случалось два министерских кризиса. Роспуск палаты в соответствии с таким решением Кабинета министров провозглашался декретом президента республики.

Президент по Конституции Франции являлся высшим представителем государственной власти, избирался на 7 лет (с возможным переизбранием еще на один срок) совместно Национальным собранием и Советом республики. Полномочия его были существенно ограничены Конституцией (он имел право осуществлять внешнее представительство, распускать парламент по решению правительства, занимался обнародованием законов), а все его правительственные решения нуждались в *контрасигнатуре* (каждый акт президентской власти должен был скрепляться подписью председателя Совета министров либо ответственного (профильного) министра, отвечавшего за реализацию соответствующих решений).

Совет министров, возглавлявший систему исполнительной власти Франции по Конституции 1946 г., возглавлялся *председателем*. Кандидатура последнего определялась президентом, чему предшествовали его переговоры с лидерами парламентских фракций. После этого кандидат на пост председателя Совета министров должен был представить программу работы и предстоящих реформ и получить *вотум доверия* со стороны Национального собрания (голосование при этом предполагалось открытым). Окончательное назначение председателя Совета министров производилось президентом.

Следует отметить, что по Конституции 1946 г. во Франции серьезное развитие получил институт парламентского контроля. Так, министры несли коллективную ответственность перед Национальным собранием: отказ в доверии Совету министров, одобренный абсолютным большинством голосов депутатов Национального собрания, неизбежно оканчивался общей отставкой всего Кабинета министров.

Конституционная модель также предусматривала механизм сдерживания Национального собрания от злоупотребления правом решать судьбу правительства. В частности, Конституция предусматривала создание *Суда республики*, состоявшего из пятнадцати судей: двенадцати парламентариев, избираемых в равном числе из своего состава Национальным собранием и Сенатом после полного или частичного обновления этих палат, и три судьи из состава Кассационного суда, один из которых будет председательствовать в Суде республики. Конституция закрепляла также такой орган, как Экономический и социальный совет, который давал свое заключение по проектам законов, ордонансов или декретов, а также по законодательным предложениям, которые ему представлялись на рассмотрение.

Рассмотренная выше конституционная модель парламентской республики при всех ее прогрессивных свойствах (парламентский контроль, система сдержек и противовесов, сохранение двухпалатной системы парламента с существенным ограничением полномочий верхней палаты во избежание парламентских кризисов, отсутствие риска авторитарного президентского правления за счет сокращения полномочий главы государства) все же не была эффективной в практической жизни. Частые политические кризисы способствовали усилению правительственной активности: кабинет министров прибегал к жестким (иногда внеправовым) мерам по наведению конституционного порядка и сохранению общественного мира и согласия.

К середине 50-х гг. XX в. происходят некоторые изменения в расстановке политических сил. В частности, членам Совета республики были возвращены полномочия прежнего французского Сената, по закону 1954 г. верхняя палата парламента была фактически уравнена в сфере законотворчества с нижней палатой. Наконец, растет самостоятельность правительства и усиливается его независимость от парламента. В первую очередь это происходило вследствие упрощения процедуры формирования кабинета министров, с одной стороны, а также усложнения процедуры отставки правительства, с другой.

2.4. Конституционный кризис и установление Пятой республики во Франции

Падение Четвертой республики связывают с длившейся с 1954 по 1962 г. войной в Алжире и последовавшим за этим политическим кризисом во Франции. Аннексированный Францией в 1834 г. Алжир по французскому законодательству был составной частью Франции, однако длительное время боролся за свою независимость. В открытое противостояние конфликт перешел в 1954 г., сопровождался партизанской войной и актами городского терроризма, многочисленными внесудебными расправами (с обеих сторон). Расположенные в Алжире французские войсковые части выступили против своего же правительства, опасаясь потери Алжира вслед за поражением Франции в Суэцкой войне и Индокитае. Фактически военную победу одержала Франция, однако по ряду экономических и политических причин конфликт завершился признанием независимости Алжира.

Военные действия в Алжире сопровождались острым политическим кризисом в самой Франции, когда ведущие политические силы требовали усиления правительственной власти, передачи президенту существенных полномочий для принятия ключевых (и, главное, оперативных) государственных решений с целью сохранения остатков былого колониального величия (как максимум) и достижения социального мира и согласия (как минимум).

Ввиду нестабильности политического режима в государстве, критической ситуации в Алжире (там начались открытые выступления французских военных с призывом к более активному ведению войны) возникла реальная угроза гражданской войны уже в самой Франции. В этих условиях правые и центристские парламентские партии добились прихода к власти генерала Ш. де Голля, который 15 мая 1958 г. опубликовал воззвание к народу (объявил, что готов принять на себя все чрезвычайные полномочия), а 1 июня 1958 г. после отставки правительства П. Пфлимлена был утвержден Национальным собранием на должность председателя Совета министров с передачей ему чрезвычайных полномочий по наведению порядка и пересмотру Конституции.

Под руководством генерала де Голля был составлен проект новой Конституции, которая исходила из принципа приоритета президентской власти и закрепления его в качестве «надпартийного арбитра». Проект Конституции был поддержан народом Франции и утвержден на общенациональном референдуме 28 сентября 1958 г. (17,7 млн голосов – за; 4,6 млн голосов – против). Принятие новой Конституции ознаменовало переход к *Пятой республике*.

Президенту де Голлю дважды (в апреле 1960 и мае 1962 г.) приходилось использовать свои чрезвычайные полномочия для наведения порядка в связи с выступлениями белых переселенцев в Алжире, протестующих против политики президента, направленной на предоставление Алжиру независимости.

Следует отметить, что вплоть до окончания Алжирской войны 1954–1962 гг., которая в итоге завершилась выходом Алжира из состава Франции, что вызывало жесткий протест военно-колониалистского лобби, часть генералитета и офицерства, а также политики и европейское население выражали открытое недовольство шагами де Голля. Более того, организаторы террористических заговоров против генерала, стремившиеся одновременно не допустить реализацию его политики по признанию независимости Алжира и ликвидировать учрежденный политический режим Пятой республики, объявляли генерала изменником и врагом номер один.

Принятие Конституции 1958 г. коренным образом изменило соотношение власти во Франции, при этом неизменными остались ключевые принципы государственного строительства, установленные прежней Конституцией (республиканская форма правления, система разделения власти, демократический способ формирования власти, светское государство, народный суверенитет и т. д.).

Традиционно считается, что по форме правления Франция превратилась в смешанную республику (поскольку конституционно закрепляются черты президентской и парламентской республик в их классических образцах), хотя встречается также оценка президента Франции как парламентского монарха в силу принадлежащих ему полномочий.

Конституция провозглашала президента Франции в качестве «гаранта национальной независимости и территориальной целостности республики». К его полномочиям относились безусловное право назначать правительство (без учета расстановки политических сил в парламенте), руководство внутренней политикой, право роспуска парламента, ряд чрезвычайных полномочий (реализовывались в чрезвычайных обстоятельствах, когда учреждения республики, независимость нации оказывались под серьезной угрозой), предусматривавших возможность принятия всей полноты государственной власти. Президент Франции является главой вооруженных сил.

Порядок избрания президента претерпел одно существенное изменение: теперь вместо коллегии выборщиков, которые избирали президента до 1962 г., устанавливался принцип прямых выборов. Примечательно, что в Конституции Франции 1958 г., равно как и в иных законодательных актах, не устанавливался минимальный возраст для кандидатов на пост президента (в Национальное собрание был установлен возрастной ценз с 23 лет, а в Сенат – с 35 лет). Конституция установила весьма длительный срок президентских полномочий – 7 лет, а также не закрепила никаких ограничений для его переизбрания. Однако за все время действия Конституции во Франции два раза избирались лишь президент де Голль (в 1958 и 1965 гг.) и Франсуа Миттеран (1981 и 1988 гг.).

Усиление президентской власти сопровождалось ослаблением полномочий парламента, который стал классическим представительным и законодательным органом, при этом ряд парламентских ордонансов лишь одобрялся парламентом, а право их принятия получало правительство. Сохраняется классическая структура парламента: он формировался из двух равноправных палат – Национального собрания (577 депутатов, избираемых на пять лет) и Сената (избирался в ходе косвенных выборов на девять лет и включал в свой состав 364 сенатора). В отношении депутатов парламента сохранялась парламентская неприкосновенность, при этом императивные мандаты признавались недействительными.

Ставка на сильную президентскую власть с возможностью реализации им чрезвычайных полномочий в целом оказалась

оправданной, поскольку Франция смогла преодолеть глубокий политический кризис и решить проблемы, связанные с разрушением колониальной системы.

В конституционном развитии Франции следует отметить и успешную серию реформ, в результате которых с 1974 г. избирательное право стало предоставляться французским гражданам с 18 лет (ранее – с 21 года), а также попытку генерала де Голля в 1968 г. укрепить свою фактически авторитарную власть. Для этого он намеревался провести реформу Сената (планировалось преобразовать его в социальный и экономический орган, представляющий интересы профсоюзов и предпринимателей) и реорганизовать систему местного управления, однако итоги референдума по этим вопросам оказались не в его пользу, и он счел нужным сойти с политической арены, тем более что ему было уже 78 лет.

Вклад генерала Ш. де Голля в формирование новой конструкции политической системы Франции сложно переоценить, поскольку в ходе осуществления полномочий во главе правительства и государства он смог добиться прогресса в развитии Франции при условии возврата к прошлому политическому наследию, к внепарламентским формам политической жизни.

Многие современники генерала де Голля отмечали в его политике использование недемократических средств, попытку создать модель авторитарной власти, хотя, по мнению самого де Голля и представителей его политического окружения (да и большинства французского общества), это было возвращение к республиканским идеалам. Шарль де Голль стремился внедрить во Франции более надежные политические инструменты и системы политического представительства, создать в рамках единой нации эффективные механизмы властвования, максимально применимые для Франции второй половины XX в., в отличие от использовавшихся в период Четвертой республики. Сегодня политику правительства Ш. де Голля большинство историков и политологов признают эффективной, поскольку Франция смогла справиться с непрекращавшимися политическими кризисами. В России проводился ряд весьма подробных исследований его политики и в целом к 70–80-м гг. XX в. в отечественной специальной литературе выработалась единая позитивная оценка пребывания де Голля во главе Франции. В частности, Я.Г. Бронин

справедливо подчеркивал, что, хотя деголлевская концепция государства представляла собой существенный шаг назад по сравнению с режимом буржуазной парламентской демократии, неправильно было бы обозначать ее термином «фашистская». По его мнению, режим личной власти означал значительное ущемление норм буржуазной демократии, но не их отмену[1].

Личность самого генерала де Голля была неординарной в силу принимавшихся им неординарных решений, вызывавших массу протестов в обществе и среди представителей французской политической элиты того времени. Достаточно сказать, что в современной истории лишь кубинский лидер Фидель Кастро превзошел де Голля по числу организованных против него заговоров и покушений (на лидера кубинской революции покушения готовились более 600 раз). Французский же лидер около 30 раз становился объектом подготовки и осуществления покушений, противники генерала в течение нескольких лет вели на него настоящую охоту[2].

Во второй половине XX в. внутренняя политика Франции была нацелена на проведение социальной и экономической модернизации с целью обеспечения устойчивого баланса между социальным вектором и сугубо либеральным направлением государственного развития. Президенту и высшим органам государственной власти в этой модели необходимо было выполнять роль арбитра в спорах свободных экономических сил, а также консолидировать общество. Именно таким путем Франция добилась планомерного развития, осуществления социальной поддержки всех незащищенных слоев населения, а французские граждане пользовались широкими правами и свободами.

Вследствие вышеуказанной политики государственного строительства Франция превратилась в суверенное национальное государство, основанное на принципах политической централизации, мультикультурности, интернализации социальной сферы и экономической либерализации.

---

[1] Бронин Я.Г. Шарль де Голль. Политическая биография: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1967.

[2] Черкасов П.П. Охота на президента. Из истории покушений на генерала де Голля // Новая и Новейшая история. – 2017. – № 2. – С. 28.

Ключевую роль в успешной политике Ш. де Голля сыграла общественная поддержка всех ключевых преобразований.

Положения Конституции 1958 г. сохраняют свою силу вплоть до настоящего времени. Из наиболее значимых изменений (помимо указанных выше) следует отметить реформы 80-х гг. XX в., которые были направлены на реформирование местного управления (упразднение должностей префектов департаментов, повышение роли выборных советов за счет расширения их полномочий), а также избирательной системы (начиная с 1985 г. выборы в парламент проводятся по пропорциональной избирательной системе). В последние годы назначение председателя Совета министров производится с учетом парламентского большинства. Наконец, в 1995 г. были несколько ограничены возможности проведения референдума в качестве законодательной процедуры.

Вместе с тем на протяжении XX в. наблюдались значительные изменения в социальной структуре французского общества. Так, заметной тенденцией после окончания Второй мировой войны во Франции становится усилившаяся урбанизация, которая сопровождалась приростом городского населения. И если в первые послевоенные десятилетия доля городского населения росла стремительно (с 54,5 до 70,6%), что было вызвано объективными факторами восстановления и развития сконцентрированной в городских центрах промышленности (в первую очередь, в Парижской агломерации) и, соответственно, стимулировало миграцию в города активных трудоспособных граждан, то в 70–80-х гг. XX в. темпы прироста городского населения несколько снизились, хотя и оставались устойчивыми. Так, к 1982 г. доля городского населения составляла 73%.

Ускорение темпов индустриализации, а также концентрация рабочей силы в городских центрах (особенно в Парижском районе) привели к мощному жилищному кризису, который привел к ухудшению условий жизни рабочего класса. Это в свою очередь способствовало началу широкого протестного движения, сопровождавшегося многочисленными случаями незаконного заселения в домовладения. Ответом правительства стало начало общенациональной кампании по введению государственного жилищного обеспечения 1947–1951 гг., а также новая городская политика Франции 1951–1963 гг. Основными мероприятиями в

этом плане были: расширение транспортной сети в зависимости от размещения новых производственных мощностей; развитие общественного сектора финансирования жилья, появление жилищных комплексов; создание механизмов общественного контроля над земельной собственностью.

Обозначенная тенденция к росту городского населения и появлению социальной напряженности в промышленных центрах обусловила изменение государственной политики в социальной сфере, а также трансформацию модели взаимоотношения центральных и местных органов власти в плане усиления централизации. В частности, это относилось к функционированию городских коммун, которые постепенно утрачивали свою финансовую и политическую самостоятельность. В этом отражались и объективная тенденция к концентрации капитала, и последовательная правительственная политика, направленная на ограничение муниципальной демократии.

В 1981 г. на президентских выборах победу одержал социалист Франсуа Миттеран и впервые в истории Пятой республики было сформировано правительство левых сил (возглавил правительство П. Моруа). Приход к власти Ф. Миттерана, который пробыл президентом 14 лет (при этом каждый раз после прихода к власти распускал парламент и объявлял досрочные выборы с целью получения лояльного себе большинства в Национальном собрании), сопровождался ожиданием от него обновления в социально-политической сфере, проведения структурных преобразований во власти в интересах трудящихся, поскольку примерно с середины 70-х гг. XX в. основной повесткой внутриполитической жизни Франции был мировой экономический кризис[1].

В результате кабинет П. Моруа провел ряд социальных реформ, а именно: национализировал местные банки, ряд крупных корпораций; повысил выплаты семьям и минимальную заработную плату; увеличил оплачиваемый отпуск; сократил рабочую неделю до 39 часов (однако уровень безработицы во Франции, несмотря на это, оставался довольно высоким, сопровождался ростом инфляции).

[1] Обичкина Е.О. Франция на рубеже XX–XXI веков: кризис идентичности. – М.: МГИМО, 2003. – С. 3.

В 1986 г. на выборах в парламент одержали победу правые партии, а правительство возглавил Жак Ширак, неоднократно вступавший в политические конфликты и противоречия с президентом Ф. Миттераном. Происходит возврат к прежней социально-экономической политике, проводится денационализация банков и некоторых корпораций, усиливается рыночный элемент в экономической модели.

Начиная с 90-х гг. XX в. Франция усиливает либеральную политику в области экономики, а также берет курс на интеграцию с Европейским союзом, укрепление внешнеполитических связей с государствами Западной Европы.

В 1995 г. Жак Ширак выиграл президентские выборы, став 22-м президентом Франции. Начался очередной этап государственно-правового развития в истории Пятой республики. Назначив в ноябре 1995 г. А. Жюппе на должность премьер-министра, Ж. Ширак вынужден был пойти на непопулярные экономические меры (борьба с дефицитом бюджета за счет сокращения государственных расходов, борьба с инфляцией с помощью различных мер, включавших и сокращение социальных пособий), а также предложил проект реформ в социальной сфере, вызвавших бурный общественный протест.

Ж. Ширак, придерживавшийся правых политических взглядов, продолжил политику Ф. Миттерана, получившую известность как тактика «*сосуществования*», когда для уравновешивания политических сил и установления политической стабильности в 1997 г. был вынужден назначить премьер-министром лидера социалистов Л. Жоспена. Это случилось в силу победы социалистов на досрочных парламентских выборах после роспуска Национального собрания.

Сформированное таким образом правительство Л. Жоспена состояло преимущественно из социалистов, однако там присутствовали также левые радикалы и коммунисты. За время работы этого кабинета темпы прироста экономики Франции ускорились до 4% в год, объем промышленного производства в пять раз превысил довоенные показатели (при этом массовую безработицу снизить не удалось).

Конституционное развитие Франции на рубеже XX–XXI вв. шло в целом в том же русле, однако незначительные изменения

все же происходили. К наиболее заметным из них можно отнести сокращение срока президентских полномочий с семи до пяти лет на общегосударственном референдуме 24 сентября 2000 г. (проводился по инициативе президента Ж. Ширака). Французы проявили весьма высокий уровень абсентеизма, поскольку на референдум пришла лишь треть граждан, имевших право в нем участвовать. При этом из тех, кто проявил гражданскую позицию, 73% высказались за сокращение президентских полномочий.

На президентских выборах 2007 г. победу одержал кандидат от правоцентристской партии «Союз за народное движение» Н. Саркози, который осуществил самую масштабную реформу Конституции 1958 г. (в общей сложности изменению или дополнению подверглись 47 статей). Основные изменения в конституционный текст заключались в следующем:

а) введено ограничение на переизбрание президента (никто не мог занимать эту должность более двух раз подряд);

б) введен институт предварительных слушаний для кандидатов на занятие государственных должностей: все президентские назначения должностных лиц Франции должны согласовываться с постоянными комиссиями Сената и Национального собрания (таким образом, парламенту предоставлялось право вето на назначение того или иного чиновника, если «за предложение об отрицательном голосовании будет подано в совокупности три пятых голосов присутствующих»);

в) власть президента (согласно ст. 16 Конституции) в определенной степени ограничивается контрольными полномочиями Конституционного совета (например, устанавливалось требование об учете мнения совета в отношении целесообразности введения чрезвычайного положения);

г) президент лишался должности главы Высшего совета магистратуры как главного органа французского судейского сообщества, однако получал право назначать омбудсмена.

Одной из важных проблем во время президентства Н. Саркози стала социальная напряженность, решение вопросов толерантности и успешного построения полиэтнического общества с высоким уровнем правопорядка и правосознания граждан. Европейская в целом и конкретно французская модель политики *мультикультурализма* в своей основе потерпела неудачу, о чем

прямо заявил президент Н. Саркози в 2011 г. на фоне погромов жилых кварталов в столице, поджогов машин, столкновений с полицией и общей социальной напряженности: «Мы слишком беспокоились об идентичности людей, прибывавших в нашу страну, но недостаточно – об идентичности, собственно, нашей страны, принимавшей их. Конечно, мы все должны уважать различия, но мы не хотим... общества, состоящего из существующих бок о бок отдельных общин. Если ты приезжаешь жить во Францию, то должен согласиться на то, чтобы раствориться, как в плавильном котле, в едином обществе, а именно в национальном обществе. А если ты не хочешь принимать этого, то не сможешь быть желанным гостем во Франции»[1]. Подобные высказывания в этот же период прозвучали и из уст канцлера Германии А. Меркель и премьер-министра Д. Кэмерона. Такие заявления ранее ни разу не транслировались столь высокопоставленными должностными лицами Франции. Многие исследователи утверждают, что провал политики мультикультурализма осложнился особенностями французского либерально-демократического политического режима с практически абсолютной степенью свободы самовыражения. Последнее вызывает неприятие среди граждан Франции – неэтнических французов, исповедующих ислам и не желающих ассимилироваться с местным населением.

В области внешнеполитической деятельности Франция начиная с 60-х гг. XX в. реализовывала направление по деколонизации и минимизации кровопролития и кризисных ситуаций, поэтому все африканские колонии Франции получили независимость. В дополнение к этому еще со времен генерала де Голля начинается формирование франкофонного сообщества наций, включавшего в себя государства и различные территории, говорящие на французском языке.

Во второй половине XX в. был продолжен курс на европейскую интеграцию, а также активное участие в качестве члена Североатлантического блока НАТО. В этом статусе Франция выступила участницей военной операции НАТО (без получения необходимой в этом случае санкции Совета Безопасности ООН) против Сербии в Косово.

[1] Крах мультикультурализма: Европа тонет в ненависти. URL: https://www.vesti.ru/article/1707515 (дата обращения: 30.01.2022).

Важнейшим для руководства Франции в послевоенный период стал *европоцентричный подход*, при котором государство корректировало свою внешнюю политику исходя из интересов европейских союзников, а сам подход соединял субъективные и объективные черты[1]. Субъективность выражается в том, что внешняя политика Франции во многом зависела от формы государства на рубеже XX–XXI вв., а также от личностных качеств и политических убеждений лидера страны. Объективные моменты проявлялись во внешних и внутренних условиях, определявших трансформацию старых или формирование новые целей государства на внешней арене.

Ключевую роль в процессе европейского строительства играли личности французских президентов. Так, например, Ш. Де Голль был сторонником преобладания межгосударственного подхода, что в определенный момент вошло в противоречие с ходом событий в самой Франции и Европе. В большей степени эволюцию в направлении интеграции в Европу поддерживал В. Жискар д'Эстен, с меньшей активностью – Ж. Помпиду. При этом по итогам правления обоих президентов Франция не достигла серьезных успехов в процессе евростроительства. С другой стороны, Ф. Миттеран, особенно в период его второго президентского мандата, взаимодействуя с Г. Колем, добился продвижения в плане евроинтеграции.

В начале 2000-х гг. Франция продолжает активную внешнюю политику, главной целью которой является попытка добиться фактической независимости в принятии ключевых решений в сфере безопасности и экономики, чему прямо или косвенно препятствуют США. В этом плане ориентиром для современных французских политиков могут служить слова Ш. де Голля, произнесенные им по поводу выхода Франции из блока НАТО в 1966 г.: «Только мы способны сказать «нет» американскому протекторату. Ни немцы, ни итальянцы, ни бельгийцы, ни голландцы не скажут «нет». Лишь мы одни можем это сделать, и в этом наш долг» (в 2009 г. французы вновь вступили во все структуры Североатлантического альянса).

[1] Сидоров А.С. Европейское строительство и Франция: личностный фактор (от де Голля до Миттерана) // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С. 115.

2.5. Развитие права Франции в XX веке

Принятое в период Нового времени законодательство (Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Гражданский кодекс 1804 г., Уголовный процессуальный кодекс 1808 г., Уголовный кодекс 1810 г.) и его основы обусловили главные векторы развития права Франции в Новейшее время, отличавшегося своей национальной спецификой и едиными для всей континентальной правовой системы признаками.

Так, во-первых, в области частноправового регулирования выделяется сфера торговых отношений, регламентация которых происходит в рамках, очерченных Законом Франции от 24 июля 1966 г. «О коммерческих товариществах», а также принятым в 2000 г. Коммерческим кодексом Франции. Особенностью правового регулирования торговых отношений стало сохранение весьма значительной области коммерческих правоотношений, не урегулированных положениями Коммерческого кодекса 2000 г. Традиционно во Франции на уровне кодекса регулированию подлежали только те предметы коммерческой деятельности, которые по Конституции 1958 г. подпадали под действие исключительно законодательного регулирования. Та же область коммерческих правоотношений, которые должны были регулироваться исполнительной властью, подпадала под действие большого количества ведомственных нормативных правовых актов, что вызывало путаницу и возможность различного разрешения споров.

Для устранения этого противоречия с принятием Декрета № 2007-431 от 25 марта 2007 г. «О регламентарной части Коммерческого кодекса» во Франции вводится в действие вторая часть Коммерческого кодекса. Нормы этой части были результатом масштабной систематизации, а главой целью – установление четких правил практической реализации определенных положений Коммерческого кодекса 2000 г.

В XX в. теряет свою былую силу и значение правовой обычай, который, в отличие от времен действия Кодекса Наполеона, применяется лишь в форме правил имущественного оборота (именно на основе таких норм заключались договоры и контракты в различных регионах Франции).

Более серьезным изменениям подверглось уголовное право, которое стало отражением гуманизации и демократизации французского общества. Так, в первую очередь, с 1981 г. во Франции отменена смертная казнь, а на рубеже XX–XXI вв. увеличивается применение не связанных с лишением свободы наказаний (так называемые работы в общественных интересах, ограничение свободы и др.).

В УК Франции 1992 г. преступления делятся на следующие категории:

1) тяжкие деяния (за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 и более лет);

2) уголовные деликты;

3) проступки (арест на срок два и менее месяца, штраф 10 тысяч и менее франков).

Такая классификация имеет решающее значение для определения подсудности уголовных дел, наказуемости покушения и соучастия, сроков давности, обязательности предварительного расследования и др.

Наказаниями, предусмотренными французским уголовным законом, являются: пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок, штраф, различные виды лишения отдельных прав (конфискация имущества и др.).

Сохранены были вошедшие в практику в последние десятилетия нормы об условном применении наказания. Расследование большинства преступлений осуществляется судебной полицией, а функция уголовного преследования в судах реализуется органами прокуратуры.

К особенностям УК Франции можно отнести также отсутствие формально-юридического определения понятия «преступление»; деление санкций на полицейские, исправительные и уголовные; отсутствие определения понятий «вина» и «соучастие» (упоминаются лишь виды соучастников); отнесение норм об уголовной ответственности несовершеннолетних к сфере действия специального законодательства.

Интересным аспектом уголовного права Франции является уголовная ответственность юридических лиц, целью которой является, по задумке законодателя, улучшение положения руководителей предприятий. Последние зачастую привлекались

к уголовной ответственности за неумышленные правонарушения, несли так называемую «косвенную» уголовную ответственность (например, за несчастные случаи на производстве). По теории французского уголовного права, хотя юридическое лицо как таковое не совершает правонарушение, юридическому лицу как субъекту права могут вменяться правонарушения, совершенные руководителем в пользу организации (ст. 121-2 УК Франции). Государство исключалось из числа юридических лиц, к которым может быть применена уголовная ответственность. Однако, несмотря на довольно внушительную доктринальную разработку концепции уголовной ответственности юридических лиц, этот институт во Франции находится в стадии совершенствования.

3. Эволюция государственного строя и права Германии

3.1. Падение империи и буржуазно-демократическая революция 1918 года

Ключевыми событиями, определившими основные направления государственно-политического и правового развития Германии в XX в., стали ее поражение в Первой мировой войне, а также последовавшие за этим политические кризисы и возникновение революционной ситуации.

Демократическая революция в Германии началась 3 ноября 1918 г. с выступлений матросов главной военно-морской базы в г. Киле (расположен на берегу Кильской бухты Балтийского моря). В течение недели восстанием были охвачены основные центральные регионы страны и г. Берлин, повсеместно восставшие силой захватывали власть и провозглашали новые органы власти – советы. В итоге уже 9 ноября в Берлине провозглашаются две республики: *демократическая* и *социалистическая советская*. Первая была провозглашена лидерами крупнейшей оппозиционной Социал-демократической партии Германии (СДПГ), а вторая – лидером бывшего левого крыла СДПГ, руководителем Независимой социалистической партии Германии (НСПГ) К. Либкнехтом. Данная ситуация во многом напоминала российскую революцию 1917 г. Свергнутый кайзер Вильгельм II бежал в Голландию, советские органы стремительно образовывались на территории всей страны, а также существовала угроза двоевластия.

После признания Временным социал-демократическим правительством Германии поражения в Первой мировой войне в стране начинается оформление политической и партийной системы. Основными политическими силами были старые оппозиционные кайзеровскому режиму католическая партия «Центр» и Социал-демократическая партия Германии, а также образованные Немецкая демократическая партия (НДП), имевшая либеральную программу, Немецкая народная партия (ННП) с консервативной программой, Немецкая национально-народная партия (НННП) с националистической программой, Коммунистическая партия Германии (КПГ) и Немецкая рабочая партия, которая с 1920 г. называется

Национал-социалистской немецкой рабочей партией – НСДАП (от нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei).

В январе 1919 г. после вооруженных столкновений социально-демократическое правительство Германии сумело взять под контроль ситуацию, одновременно были серьезно ограничены полномочия советов (знаковым событием в этом плане может служить убийство лидеров Коммунистической партии К. Либкнехта и Р. Люксембург).

Основной политической силой стала Социал-демократическая партия, пользовавшаяся поддержкой правительства и стремившаяся к проведению планомерных преобразований с целью построения социального государства всеобщего благополучия на основе концептуальных программных положений Н. Каутского и Э. Бернштейна (отсутствие классовой борьбы и революционных потрясений, сосуществование социальных групп во благо нации).

Дальнейшую судьбу государства и политического устройства предстояло решить Учредительному собранию (*Германское национальное собрание* – нем. Weimarer Nationalversammlung), подготовкой созыва которого занималось социал-демократическое правительство Ф. Эберта.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся в январе 1919 г., проходили по принципам равного, всеобщего, прямого избирательного права при тайном голосовании. К участию в выборах допускались граждане, достигшие 20-летнего возраста, независимо от национальности, религии, пола.

Созванное в г. Веймаре собрание избрало Фридриха Эберта временным президентом Германии, а также проголосовало за принятие новой Конституции Германии (при 262 голосах за и 75 против). Авторство текста принадлежит Г. Прейсу – государствоведу, профессору публичного права в Берлинской торговой школе.

Веймарская республика. Вопросы, связанные с пониманием, оценкой и значением установления Веймарской республики (1918–1933 гг.), оформившейся после принятия первой демократической *Конституции германского государства* 31 июля 1919 г. в г. Веймаре, остаются по-прежнему дискуссионными. Несмотря на наличие весьма обширной учебной литературы, научные представления об убедительной и законной победе А. Гитлера на парламентских выборах 1932–1933 гг., о фатальной неизбежности

краха либерального режима, об ответственности немецкого народа за установление и законодательное закрепление тоталитарного нацистского режима (фактически возникшего по итогам свободного волеизъявления немецких избирателей)[1] требуют дальнейшей корректировки и уточнения. При этом при анализе ситуации следует использовать системный подход, учитывая как социокультурную специфику, так и социально-экономические и электоральные факторы, имевшие место в Германии в 20–30-х гг. XX в.

По сути своей Конституция 1919 г. была демократической, именно с ее принятием Германия превращается в парламентскую республику, возглавляемую президентом. В течение всего периода действия Конституции немецкое общество функционировало на демократических и плюралистических принципах, более того, Конституция заложила основы терпимости (толерантности) по отношению к оппозиционным политическим силам, что и послужило (возможно, отчасти) одной из причин будущих политических трансформаций.

В системе разделения властей определенный приоритет имел парламент, хотя в целом модель Веймарской республики может быть названа смешанной.

Высшим органом власти провозглашен *рейхстаг*, избираемый на основе тайного, прямого и всеобщего голосования сроком на четыре года. Фактически именно рейхстаг являлся высшим политическим органом власти, более того, с блокированием его работы в 30-е гг. XX в. весь демократический режим потерпел крах (после легализации тоталитарного режима А. Гитлера).

Рейхстаг – нижняя палата парламента, состоявшая из представителей немецкого народа. В структуре рейхстага выделялся председатель, его заместители и секретари, которые руководили административной и хозяйственной сферой, занимались охраной правопорядка внутри рейхстага.

В соответствии со ст. 29 Конституции заседания рейхстага были открытыми, если за это не проголосуют две трети депутатов. Рейхстаг был важным звеном системы сдержек и противовесов; в частности, помимо основной функции, его комитеты имели

[1] Яхлов А.В. Институциональный и электоральный кризисы в период демократического транзита (Веймарская республика 1919–1933 гг.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2005. – Т. 1. – № 2. – С. 191.

контрольные полномочия в области надзора за деятельностью имперского совета (рейхсрата) и правительств земель, депутаты могли направлять запросы и требовать отчета. В свою очередь, президент имел право роспуска рейхстага, но только «один раз по каждому поводу» (ст. 25).

В соответствии с Конституцией 1919 г. депутаты обладали правом на тайну телефонных переговоров, телеграфных и почтовых отправлений, обладали служебной и судебной неприкосновенностью на весь период их профессиональной деятельности (это же относилось и к депутатам земельных ландтагов), за исключением вопросов ответственности перед самим парламентом.

Верхнюю палату парламента – *рейхсрат* составляли представители немецких земель (от законодательной власти и управления). В отличие от рейхстага, верхняя палата формировалась по принципу назначения: каждая земля имела в рейхсрате не менее одного голоса. Большие по территории земли ограничивались квотой (по одному представителю от 700 тыс. жителей), при этом ни одна земля не могла иметь в рейхсрате более половины всего числа представителей.

Конституция 1919 г. весьма подробно обозначает этапы законотворческого процесса в парламенте. Так, ст. 68 провозглашала, что принятие законов осуществляется *рейхстагом*, а право законодательной инициативы имеют *рейхсрат* и *правительство*. В течение 30 дней принятый закон должен быть подписан и опубликован президентом, а не позднее чем через 14 дней после этого он вступал в силу.

Рейхсрат имел право отлагательного вето (воспользоваться им следовало не позднее чем через 14 дней после принятия закона рейхстагом). После повторного голосования в течение трех месяцев закон должен получить не менее двух третей голосов, после чего президент обязан подписать закон (либо объявить национальный референдум).

По степени внесения изменений Конституция 1919 г. была умеренно жесткой: текст основного закона мог быть изменен консолидированным большинством в две трети голосов обеих палат при условии, что в самом голосовании приняло участие не менее двух третей действующих депутатов.

Полномочия *президента и правительства* также подробно закреплялись Конституцией 1919 г. В частности, президент избирался сроком на семь лет всем немецким народом (для пассивного избирательного права предусматривался возрастной ценз в 35 лет). Переизбрание президента допускалось, однако Конституция не содержала ограничения на количество таких новых сроков.

Являясь элементом системы сдержек и противовесов, президент тесно взаимодействовал с парламентом; без согласия парламента он не мог быть подвергнут уголовному преследованию (ст. 43).

К основным полномочиям президента Конституция 1919 г. относила представление рейха в международно-правовых отношениях, подписание договоров (с последующей их ратификацией рейхстагом), объявление войны и мира, осуществление обязанностей верховного командования всеми вооруженными силами рейха (вермахтом), право помилования, объявление амнистии.

Важной в плане механизма сдержек и противовесов является ст. 50 Конституции, закреплявшая положение о том, что все распоряжения и постановления рейхспрезидента (в том числе в отношении вооруженных сил) становятся действительными исключительно после подписания их рейхсканцлером или соответствующим рейхсминистром.

Необходимо отметить, что Конституция 1919 г. имела двойственный характер в отношении статуса президента: с одной стороны, наделяла президента фактически статусом резервного института власти, а с другой – закрепляла потенциально возможные диктаторские президентские полномочия. К последнему относится закрепленное ст. 48 право президента в случае невыполнения какой-нибудь землей обязанностей, возложенных на нее Конституцией или законами рейха, потребовать исполнения этих обязанностей *с помощью вооруженной силы*. Кроме того, Конституция провозглашала право президента в случае, если в государстве серьезно нарушены общественная безопасность и порядок, а также в случае серьезной угрозы такого нарушения принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, а в случае надобности – с помощью вооруженной силы (с немедленным информированием рейхстага). Рейхспрезидент для реализации этих полномочий мог временно полностью или

частично приостанавливать гарантии основных прав, содержащиеся в ст. 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 Конституции (соответственно, неприкосновенность личности и ее личной свободы, неприкосновенность жилья, тайна переписки, свобода высказывания мнений, слова, печати; запрет на ограничения в связи с этим его профессиональной деятельности; отсутствие цензуры, право без уведомления мирно и безоружно собираться, право на объединения и организации, неприкосновенность собственности).

В области исполнительной власти все полномочия находились в руках правительства, состоявшего из рейхсканцлера и министров (назначались президентом). Правительство функционировало до тех пор, пока пользовалось доверием рейхстага.

По форме государственно-территориального устройства Германия являлась федерацией, однако фактически все главные рычаги управления находились в руках федерального центра: международные отношения, валютная, таможенная и транспортная политика, эмиссия денежных средств, вопросы гражданства и миграционная политика, военная политика, боеспособность армии и флота. Полномочия *земель* распространялись на сферу определения местных органов власти (местные ландтаги и правительства), а также законодательство. Особенностью федерализма в Германии можно считать приоритет всего федерального: предметов ведения и полномочий, законодательства рейхстага над партикулярным правом той или иной земли.

Спецификой социального развития в рамках немецкого федерализма можно считать также и то, что большая часть населения проживала в мелких населенных пунктах; 23% населения были заняты в сельском хозяйстве, 41% – в промышленности, 17% – в торговле и транспорте, 5% – в органах управления (чиновничество), 3% – в надомной работе.

Общее направление социальной политики Веймарской республики состояло в развитии системы социального обеспечения (понималось в Германии как попечительство – Fuersorge) и социального страхования (Versicherung)[1]. Сама же система социального обеспечения в 1920-е гг. включала в первую очередь защиту

[1] Монина Л.В. Веймарская республика как социальное государство // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2013. – № 29. – С. 84–89.

инвалидов войны и родственников погибших солдат, так называемых социальных пенсионеров (пожилые люди), иных категорий бывших средних слоев, которые потеряли свои состояния в результате гиперинфляции. По общим данным, к середине 20-х гг. XX в. в Германии было почти 5 млн человек, нуждавшихся в социальной поддержке, однако государство могло осуществлять свои социальные обязательства лишь на минимальном уровне.

К особенностям федерализма в Германии в этот период можно отнести и то, что Конституция 1919 г. предусматривала возможность введения имперского правления на территории земель с целью восстановления и поддержания ее жизнеспособности. В ст. 13 констатировалось преимущество имперского законодательства перед региональным, а ст. 15 наделяла имперское правительство обязанностью наблюдать за его соблюдением в землях. Заслуживает внимания и ст. 16, декларировавшая право имперских служащих в соответствии с их желанием исполнять обязанности в «родной земле»[1].

Конституция 1919 г. провозглашала свободу слова, совести, печати, собраний, ассоциаций и т. д. В то же время заметными становятся патерналистские тенденции в государственной политике, например, официально в обязанности государственных структур входило «нравственное попечение о душе», обязательное религиозное воспитание детей (хотя формально-юридически школа была отделена от церкви).

Расширенные социальные права и гарантии содержала ст. 165 Конституции, которая провозглашала, что «рабочие и служащие призваны на равных правах совместно с предпринимателями участвовать в установлении размеров заработной платы и условий труда». Защита социальных и хозяйственных интересов рабочих и служащих предполагалась с помощью таких органов, как *окружные рабочие советы* и *рабочие советы предприятий*.

В целях осуществления общих экономических задач, а также для содействия проведению законов о социализации окружные рабочие советы совместно с *рабочим советом рейха* (высшим органом в этой сфере) объединялись с представительными органами предпринимателей и иных заинтересованных кругов

[1] Яхлов А.В. Указ. соч. – С. 194–195.

населения в окружные *экономические советы* и *экономический совет рейха*. Соответственно, окружные экономические советы и экономический совет рейха должны были строиться на таких началах, чтобы в них были представлены все важнейшие профессиональные группы соответственно их экономическому и социальному значению.

В Конституции 1919 г. можно увидеть и признаки зарождавшегося социального государства, поскольку в ст. 153, помимо гарантирования института собственности, закреплялось, что частная собственность есть социальная обязанность и потому должна быть обеспечена необходимой защитой. Конституция содержала гарантию невозможности произвольного отчуждения собственности, вводя институт компенсации («принудительное отчуждение у земель, общин и общественно полезных союзов рейх может осуществлять только с компенсацией»).

Таким образом, в качестве основных результатов революции в Германии и принятия Веймарской конституции можно выделить закрепление нового статуса рабочего класса, демократических принципов в Германии и Европе в целом; расширение экономических и социальных прав и свобод (установление 8-часового рабочего дня, комплекса социальных гарантий, а именно: права на заключение коллективных договоров, выплату пособий по безработице, признание избирательных прав женщин и т. д.). При этом важно понимать, что, несмотря на буржуазно-демократический характер революции, силы, совершившие ее, были по своей сути пролетарскими (были созданы советы рабочих и солдатских депутатов, образована на непродолжительный период Баварская Советская Республика и т. д.).

Веймарская республика сформировала особый тип (форму) государства в Германии, главными признаками которого можно считать следующие:

– принятие в 1919 г. довольно демократичной для своего времени Конституции, которая явилась результатом стремления политической элиты Германии обобщить и применить европейский опыт демократических процедур к немецким политическим условиям;

– по форме правления Германия была парламентской республикой со вспомогательной (резервной) ролью президента;

разработчики Конституции стремились создать стабильную модель государственного устройства, не подверженного влиянию политических кризисов и противоречий;

– наличие в политической системе легально функционирующих, но антисистемных политических партий правой и левой направленности, способствовавших постепенной политической радикализации населения (в первую очередь, избирателей) Германии. Указанное обстоятельство в большой степени явилось причиной разрушения демократических институтов и всего демократического режима в 30-е гг. XX в.

Еще одной ключевой проблемой в сфере государственно-правового строительства, которая способствовала падению Веймарской республики, было отсутствие социально-политической опоры, базы для развития демократических институтов. Так, в немецком обществе не существовало политических сил, которые бы полностью поддерживали республику, равно как не существовало социальных групп, на которые можно было бы рассчитывать в процессе укрепления демократических принципов. Народ Германии не принял Веймарскую республику, считая ее установление шагом назад в экономическом и социально-политическом плане.

3.2. Трансформация государственной системы и приход к власти фашистов

Весь период существования Веймарской республики в государстве сохранялось противостояние представителей крупной промышленности и финансовых кругов с пролетариатом, экономические факторы были определяющими в процессе государственного строительства Германии. Революционная ситуация вновь возникла к 1923 г., когда в Гамбурге коммунисты начали вооруженное восстание, а в Саксонии и Тюрингии сформировались рабочие правительства.

Мировой экономический кризис 1929–1932 гг. еще более усугубил ситуацию в Германии: уровень промышленного производства рухнул вдвое, высокими темпами росла безработица. При этом экономическая ситуация сопровождалась серьезным

конфликтом внутри политической системы. Так, родившаяся в результате поражения в Первой мировой войне Веймарская республика в своей основе не удовлетворяла активно настроенную политическую массу, одновременно критиковалась и правыми, и левыми политическими партиями. Первые считали республику итогом «преступной» революции, которая насильно была навязана германскому народу, а вторые видели в Веймарской республике незаконченную революцию, полумеры и недоведенные до логического завершения социально-экономические преобразования в стране[1].

В немецком обществе сильное влияние имели прежние авторитарные традиции властвования, использовавшиеся еще в кайзеровские времена. С принятием же Конституции 1919 г. они не изменились, а, наоборот, еще более усилились. В этом, как считают большинство экспертов, и кроется главная причина той катастрофы, которая случилась в Германии в 30–40-е гг. XX в., когда националистические и экстремистские партии получили благоприятные возможности для ликвидации (часто предусмотренными законом мерами с использованием институтов парламентаризма) демократических принципов, к власти в итоге пришла Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), а 30 января 1933 г. А. Гитлер был назначен рейхсканцлером. Примечательно, что демократическая Веймарская конституция не смогла стать препятствием на пути становления тоталитарной диктатуры. Парадокс состоял в том, что большинство немцев никогда не голосовало за А. Гитлера, но при этом ему удалось не только консолидировать нацию, но и стать ее вождем[2].

Национал-социалистическая немецкая рабочая партия была создана в 1919 г. слесарем железнодорожного депо Мюнхена А. Дрекслером и основывалась на незамысловатых пропагандистских лозунгах (движение к новому немецкому рейху, создание великой империи и др.). После вступления в этом же году в партию Адольфа Гитлера (занимал пост председателя партии с

[1] Баев В.Г. «Национал-социалистическая рабочая партия Германии» в системе веймарского парламентаризма (1919–1933 гг.) // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 3-1(23). – С. 22.

[2] Яхлов А.В. Указ. соч. – С. 212.

1921 по 1945 г.) по его предложению название было расширено и она стала называться Национал-социалистической немецкой рабочей партией.

На первых этапах партия, занимавшая крайне правые взгляды, имела мало влияния в рейхстагах первых созывов, однако стремительно набирала силу во внепарламентском процессе. В процессе подготовки *Пивного путча* (неудавшаяся попытка государственного переворота, предпринятая лидером партии А. Гитлером 8–9 ноября 1923 г. в Мюнхене, в результате которой погибли четверо полицейских и 16 нацистов) нацисты активно сотрудничали с руководством рейхсвера (вооруженные силы Германии) в плане военной подготовки и обучения военному делу. Росту влияния нацистов способствовало общее ухудшение экономической ситуации в мире, а также их союз с представителями крупного капитала.

К 1930 г. число представителей от партии в рейхстаге достигло 107 депутатов, а в 1932 г. – 230 депутатов. При этом истинные цели (захват власти, свержение Веймарской республики) нацисты (особенно после провала Пивного путча и последовавших преследований и тюремных заключений) скрывали, называя своей задачей «службу на благо немецкого народа и государства», «борьбу с кризисом», «необходимость расплаты с ноябрьскими преступниками за творимое над Германией зло» и т. д.

Поворотным пунктом всей дальнейшей государственно-правовой истории Германии вплоть до 1945 г. стало назначение рейхспрезидентом П. Гинденбургом А. Гитлера на должность рейхсканцлера. Политика А. Гитлера коренным образом повлияла на всю немецкую государственность, политическую и правовую систему, принесла войны в разные континенты планеты, однако в специальной литературе подчеркивается важность беспристрастного анализа его деятельности. И в этом плане важно четко понимать особенности личности нацистского вождя.

Как известно, отдельная личность при определенном стечении обстоятельств способна ускорить (либо же, наоборот, замедлить) развитие назревших проблем, а степень влияния личности обратно пропорциональна стабильности и прочности общества:

чем оно слабее, тем активнее может воздействовать на него отдельный лидер[1].

Изучать А. Гитлера как политического деятеля его современники начали с различных позиций и ракурсов. Специальные службы исследовали психологический портрет А. Гитлера (например, характеристика, составленная психиатром Г. Мюрреем из Гарвардского университета в 1943 г., или библиографические, исторические и политологические работы в послевоенный период), психоаналитики искали причины тех или иных отклонений в его поведении (выделим работы Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» и В. де Боора «Гитлер: человек, сверхчеловек, недочеловек» о темпераменте, характере, воле, мотивации, моральных качествах), современники и соратники готовили мемуарные публикации (А. Шпеера, Г. Гудериан, О. Дитрих, Г. Раушнинг, И. Риббентроп, В. Шелленберг и др.).

Очевидно, что субъективизма в этих оценках зачастую было гораздо больше, чем объективного и беспристрастного материла. Так, нацисты-современники считали А. Гитлера национальным героем, который борьбой против несправедливого миропорядка сумел сделать Германию снова великой державой, мудрым и выдающимся политическим деятелем, добившимся глобальных военных успехов.

При этом для современного исследователя и подавляющего большинства живущих сегодня немцев совершенно очевидно, что А. Гитлер является преступником, поставившим человечество на грань гибели. Можно процитировать британского историка Хью Тревор-Ропера, много лет занимавшегося историей нацистской Германии, который подчеркивал, что А. Гитлер представляет собой «ужасный феномен, производящий сильное впечатление своей поистине гранитной грубостью и бесконечно разнообразной убогостью; он напоминает первобытного каменного истукана – олицетворение чудовищной силы и свирепого гения в окружении гнойной мусорной кучи – старых жестянок и дохлых паразитов,

[1] Илиевский Н.В. Адольф Гитлер // Экономические стратегии. – 2012. – Т. 14. – № 10(108). – С. 104–112.

огрызков, яичной скорлупы и навоза – интеллектуальных объедков столетий»[1].

От данных справедливых, но эмоциональных высказываний следует перейти к анализу изменений в государственно-правовом развитии Германии 30–40-х гг. XX в.

В основе политической программы Национал-социалистической рабочей партии Германии лежали три принципа: национал-социализм, антимарксизм и расизм.

Так, нацисты разработали программу национального социализма, который в обществе считался антиподом традиционному социализму. Последний объявлялся причиной беспорядков, экономических кризисов и политических просчетов предыдущего правительства Веймарской республики. Национал-социализм предполагал также формирование сильной и иерархически выстроенной государственной власти, а также вождизм как ее первооснову. Соответственно, благодаря такой пропаганде основная масса германского общества воспринимала нацистский социализм как эффективную идеологию выхода из кризиса всего государства, направление преобразований для достижения былого величия Германии.

Идейно-концептуальной основой Национал-социалистической рабочей партии являлся антимарксизм, которому предписывалась роль национального учения, способного свести воедино противоположные интересы и потребности социальных слоев Германии. Идеологи антимарксизма привлекали на свою сторону представителей крупного промышленного производства, заявляя, что антимарксизм выступает против профсоюзов; при этом отвергалась классовая борьба как ведущая к распаду устойчивых иерархических связей и итоговому распаду общества. Вместе с тем, по мнению нацистских идеологов, национальные интересы должны преобладать над интересами немецкого пролетариата и буржуазии, поскольку только национальная идея способна укрепить целостность всего немецкого государства.

В роли идеологического фундамента выступало расовое учение, провозглашавшее своей целью объединение всех немцев

[1] Тревор-Ропер Х. Последние дни Гитлера. Тайна гибели вождя Третьего рейха. 1945. – Серия: За линией фронта. Военная история. – М.: Центрполиграф, 2014.

путем создания неразрушимых уз солидарности и единого национального чувства. Нация немцев объявлялась нацистами носительницей германского духа, великого прошлого страны, на основе которого А. Гитлер и его сподвижники будут формировать Третий рейх.

Ядром же расовой теории был антисемитизм, идея которого получила широкое распространение в Германии гораздо раньше, начиная с конца XIX в. Стратегия антисемитизма предполагала поиск общего внутреннего врага, который объявлялся виновником всех неудач Германии. Таким врагом стали евреи – их культура, литература, убеждения и верования. Положения программы Национал-социалистической рабочей партии четко закрепляли требование о лишении евреев гражданства (а в дальнейшем – об их полном истреблении), поскольку только чистокровные арийцы могут иметь равные и полноценные права и свободы, занимать государственные должности, определять судьбу страны. Обосновывая расистскую идеологию, А. Гитлер заявлял: завоевать благосклонность народа можно лишь навязав борьбу за собственные цели за счет уничтожения прямых противников; определяющее значение в борьбе имеет решение проблемы обеспечения расового сохранения народа; сила или слабость людей определяется только лишь степенью чистоты их крови; пренебрегающие чистотой своей расы народы не могут быть едиными и успешными в достижении своих целей.

Популистские лозунги наряду с ораторскими способностями А. Гитлера позволили утвердить расовую идеологию в массовом сознании немцев.

Изменения в государственном строе. Придерживаясь своей прежней позиции (использовать предоставленные Веймарской конституцией средства и способы для достижения власти и ликвидации демократических принципов), А. Гитлер в должности рейхсканцлера империи проводит ряд реформ в области распределения высшей власти. В первую очередь, на пути к диктатуре 24 марта 1933 г. под давлением Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) рейхстагом был принят Закон о преодолении бедственного положения народа и государства (другое его название – «Закон о чрезвычайных полномочиях»), предоставивший право имперскому правительству под руковод-

ством рейхсканцлера А. Гитлера принимать *любые декреты без предварительного утверждения рейхстагом*. Несмотря на действие Веймарской конституции, правительство получило чрезвычайные полномочия (де-юре до 1 апреля 1937 г., а фактически вплоть до мая 1945 г). А. Гитлер подчеркивал, что его диктаторские полномочия имеют легальную основу. Формально-юридически это так, и в течение 1933–1945 гг. нацистское правительство примет более восьми тысяч указов и законов благодаря Закону о чрезвычайных полномочиях. Понятно, что законы имели чисто формальные признаки, были приняты в соответствии с установленной процедурой, однако это является классическим примером полицейского тоталитарного государства: правильные по форме, они не имели правового содержания, не отражали принципы равенства, гуманизма и свободы, всячески ущемляли евреев и провозглашали антидемократические принципы[1].

Указанное расширение законодательных полномочий рейхсканцлера значительно ослабило рейхстаг, а также непосредственно и кабинет министров, поскольку с 1938 г. он из органа высшей исполнительной власти превратился фактически в совет при фюрере. Среди иных специальных органов можно выделить Совет министров по обороне Рейха, Тайный кабинет по внешней политике и другие, где чиновники несли личную ответственность перед фюрером.

А. Гитлер ликвидировал основы немецкого федерализма, поскольку по положениям принятого 30 января 1934 г. Закона о реорганизации рейха упразднялись органы народного представительства в землях (ландтаги), предметы ведения земель переходили к имперскому правительству. Важным нововведением являлось закрепленное ст. 4 указанного нормативного акта правило, в соответствии с которым имперское правительство могло создавать новое конституционное право[2]. Это означало трансформацию исполнительного (по своей сути) органа в квазизаконодательный и распорядительный орган, а также получение А. Гитлером права изменять Конституцию исходя из собственных целей.

---

[1] Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха / пер. с англ.; под ред. О.А. Ржешевского. – М.: АСТ, 2016. – С. 237.

[2] Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / сост. В.Н. Садиков; под ред. З.М. Черниловского. – М.: Гардарика, 1998. – С. 365.

Окончательная унификация имперских земель и разрыв с основами немецкого федерализма были оформлены с принятием 30 января 1935 г. Закона об имперских наместниках[1], согласно которому наместники земель наблюдали за выполнением политических директив фюрера, готовили проекты областных законов, согласовывали их текст с имперским правительством. При этом у наместников отсутствовали полномочия по назначению и увольнению членов областного правительства: этим занимался исключительно рейхсканцлер-фюрер. Что касается непосредственно фюрера, то он сохранял должность и полномочия прусского имперского наместника, в связи с чем Пруссия находилась на особом положении среди всех немецких земель.

Еще одним следствием принятия Закона об имперских наместниках стало юридическое и фактическое подчинение общин руководству местных национал-социалистических организаций. С этого момента партийные чиновники ведали назначением руководителей в местные органы управления. В города с населением свыше 100 тыс. человек министром внутренних дел назначался бургомистр (нем. Oberbürgermeister). Срок полномочий бургомистра ограничивался 12 годами с возможностью продления. В более мелких городах бургомистров назначали наместники.

После смерти президента Германии П. фон Гинденбурга 2 августа 1934 г. А. Гитлер решил законодательно закрепить объединение должности канцлера и рейхспрезидента в своем лице, поэтому вместо внеочередных президентских выборов на основе ст. 73 Конституции (закрепляла правило о том, что закон, принятый рейхстагом, должен быть до опубликования поставлен на народное голосование, если о том постановит президент империи в течение месяца) было объявлено всенародное голосование по вопросу об объединении государственных постов президента (главы государства) и канцлера (главы правительства). Референдум состоялся 19 августа 1934 г. Основной вопрос был сформулирован следующим образом: «Должность президента Германии объединяется с должностью государственного канцлера. Вследствие этого прежние права президента Германии переходят к во-

[1] О конституциях буржуазных стран: сб. ст.: в помощь пропагандисту и агитатору. – Саратов: Сарат. краевое изд-во, 1936. – С. 125.

ждю и государственному канцлеру Адольфу Гитлеру. Он самостоятельно назначит заместителя. Соглашаешься ли ты, германский мужчина, и ты, германская женщина, с вводимой этим законом системой управления?». При явке почти в 95% избирателей 89,93% (чуть более 38 млн голосов) высказались за объединение должностей, 10,07% (порядка 4,3 млн голосов) проголосовали против узурпации неограниченной власти А. Гитлером.

Итогом первых шагов А. Гитлера на посту канцлера, таким образом, стало получение безграничной единоличной власти в Германии, а также полномочий главнокомандующего вооруженными силами. Режим личной власти закреплялся провозглашением А. Гитлера «фюрером германского рейха и народа», поэтому все государственные чиновники, офицеры, рядовые армии присягали на верность лично А. Гитлеру, а не Конституции государства. Сам же «принцип фюрерства» (нем. Führerprinzip) стал основой нацистской партии и всего государственного строительства, получив выражение в лозунге «Один народ, одна держава, один вождь» (Ein Volk, ein Reich, ein Führer).

Одновременно происходили антидемократические изменения в политической системе. Сразу после прихода к власти фашисты ликвидировали основные буржуазно-демократические свободы (свободу слова, личности, собраний, печати), одновременно наделив полицию неограниченными полномочиями. В ходе репрессий в отношении представителей коммунистической и социал-демократической партий депутаты от этих сил в рейхстаге лишились мандатов и были арестованы. Апогеем указанного процесса стал запрет коммунистической партии в январе 1933 г.

Логичным продолжением указанной политики стал роспуск профсоюзов (в соответствии с обещаниями А. Гитлера верхушке промышленного капитала), провозглашение в качестве единственной партии в государстве НСДАП, создание собственных профсоюзных органов, полностью контролировавшихся партийным руководством.

Классическим признаком тоталитарного режима, установившегося в нацистской Германии, стало сращивание партийного и государственного аппарата. Партия, имевшая огромный авторитет, стала неделимой частью правительственной системы. Чиновник правительства (независимо от территориального уровня)

или депутат рейхстага приносил присягу на верность национал-социализму. Партийные органы получили правительственные полномочия, а решения съездов партии имели силу закона.

Единый партийный и государственный аппарат нацистской Германии основывался на поддержке военизированных подразделений, в частности, партийному центру непосредственно подчинялись *штурмовые отряды* (сокр. СА, от нем. Sturmabteilung), в чьи обязанности входили пропаганда, допризывная и послепризывная подготовка, организация гражданской обороны и трудовой повинности, участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также *охранные отряды* (СС, от нем. Schutzstaffel). Последние имели статус военизированных формирований НСДАП, хотя первоначально использовались в целях обеспечения личной охраны А. Гитлера и были частью штурмовых отрядов. К декабрю 1939 г. численность СС составляла порядка 250 тыс. человек. В июне 1940 г. формирование получило статус войск СС (*Waffen-SS*), при этом к марту 1945 г. численность состава этих войск насчитывала около 830 тыс. человек.

Особую роль в государственном аппарате нацистов играли специальные (особые) *суды*, рассматривавшие преступления, совершенные членами НСДАП, а также государственная тайная полиция *гестапо*.

Социально-экономические преобразования в нацистской Германии. Проводя социальную и экономическую политику, А. Гитлер жестко связал лидеров нацисткой партии, государственный аппарат и крупные государственные монополии. При этом основные направления социальной политики национал-социализма в период с 1933 по 1945 г. сформировали в Третьем рейхе государственно-патерналистскую модель социальной политики[1]. В отличие от политических средств властвования, отличавшихся насилием и широким организационным воздействием, сфера социально-экономических отношений развивалась в рамках общей концепции тоталитарно-социального государства, в основе которого лежала, помимо вышеуказанных принципов, активная социальная политика.

[1] Паламарчук Е.А. Социальная политика Третьего рейха: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Ростов н/Д, 2006. – С. 28.

Активная социальная политика по трудоустройству безработных, созданию молодежных военизированных формирований, поддержке семей с детьми наряду с идеологическим воздействием и террором способствовала ускоренному достижению «народного сообщества», «немецкого народного государства» и подготовке к захватнической войне.

Средством достижения целей социальной политики нацизма были государственные программы, например: «Народная благотворительность», «Сила через радость», «Зимняя помощь» и др.[1]

Приоритет государства в экономической сфере стал возможным благодаря трансформации трудовых отношений, регулировавшихся до этого гражданским правом, в квазипринудительные отношения, инициированные государством. Основой социальной политики нацистского режима в отношении средних слоев были расовые барьеры, допускавшие к наследственному владению землей и занятию должностей государственного аппарата только представителей немецкой или родственной крови (это же распространялось и на ремесленников и торговцев)[2].

Олицетворением вышеуказанных принципов было трудовое право нацистов, которое А. Гитлер считал одним из первостепенных в процессе достижения целей. При этом А. Гитлер пошел по пути модернизации прежнего трудового законодательства Веймарской республики, базировавшегося еще на нормах Германского гражданского уложения (нем. Bürgerliches Gesetzbuch).

Так, с целью централизации управления трудовой сферой были установлены жесткие административные методы регулирования, тотальный правительственный надзор и контроль за трудовой дисциплиной на каждом предприятии, внедрен институт уполномоченных по труду (иначе – институт «доверенных лиц предприятий», нем. Treuhänder der Arbeit), которые вводились нормами Закона о доверенных лицах на предприятиях от 19 мая 1933 г.[3] Формально доверенные лица предприятий назначались

---

[1] Паламарчук Е.А. Указ. соч. – С. 29.

[2] Там же.

[3] Нюрнбергский процесс: сб. док. (приложения) / под ред. А.В. Борисова. – М., 1965. – 596 с. URL: http://samlib.ru/b/borisow_aleksej_wiktorowich/njurnbergskijprocess sbornikdokumentowprilozhenija.shtml (дата обращения: 01.11.2021).

правительством, а фактически – лично фюрером; это были чиновники, главной обязанностью которых было надлежащее руководство предприятиями в плане формирования рабочих отношений необходимого характера. Доверенные лица несли персональную ответственность перед Министерством труда.

В 1934 г. (с принятием Закона о регулировании национального труда) полномочия доверенных лиц на предприятиях серьезным образом расширяются. Им были предоставлены права определять размер максимальной и минимальной заработной платы, составлять типовые индивидуальные трудовые договоры, контролировать деятельность главы предприятия, надзирать за дисциплинарным порядком на предприятиях. К их компетенции было отнесено рассмотрение жалоб и заявлений работников, разрешение трудовых споров. Уполномоченные по труду получили право отменять распоряжения руководителя предприятия и в случае нарушения предписаний – освобождать руководителя от должности. Они являлись субъектами правоприменения: могли выносить обязательные распоряжения, налагать штраф и присуждать к тюремному заключению.

Формальным демократическим институтом были *советы доверия* (нем. Vertrauensräte), состоявшие из представителей администрации и работников предприятия с количеством работников более 20 человек. Никакой реальной власти эти советы не имели, но выполняли роль своеобразной демократической ширмы в процессе достижения экономических и политических целей нацистским руководством Германии. Фактически создание советов доверия было шагом по замене профсоюзов, объявленных врагами национального немецкого государства и тормозом экономического развития.

Еще одним элементом социально-трудовой политики А. Гитлера было создание в 1933 г. Германского трудового фронта (нем. Deutsche Arbeitsfront) – организации, объединявшей различных служащих, представителей сферы предпринимательства и др. Главной целью создания трудового фронта было привитие трудящимся принципов национал-социалистического государства и соответствующей расистской идеологии.

В феврале 1935 г. принимается Закон о введении трудовых книжек, в соответствии с которым отсутствие трудовой книжки

делало невозможным устройство на работу. Трудовая книжка содержала сведения о трудоустройстве и повышении квалификации работника. Введение этих документов было еще одним шагом на пути установления тоталитарного строя.

Наконец, с июня 1935 г. официально закрепляется трудовая повинность: каждый немец в возрасте от 19 до 25 лет должен был два раза в год участвовать в работе трудовых лагерей (на полях и фермах) под угрозой штрафа и тюремного заключения. С 1938 г. любой работник мог быть уволен работодателем исключительно при условии разрешения на это вышестоящего руководства партии.

Важно отметить, что реальная экономическая политика нацистов, а главное, ее результаты коренным образом отличались от заявленных ранее. Например, *картелирование немецкой экономики* (своеобразная форма монопольного поведения на рынке, практика сговоров крупных хозяйственных субъектов) способствовало практически полному исчезновению мелкого предпринимательства, когда недобросовестная конкуренция со стороны крупных производителей не позволяла развиваться этой сфере. Схожая ситуация наблюдалась и в сельском хозяйстве, где мелкие крестьяне лишались отсрочек по оплате долгов и выгодных кредитов, обещанных ранее нацистским правительством.

Таким образом, вышеуказанные реформы позволяют сделать вывод о том, что в кратчайший период А. Гитлеру и руководству нацистской партии удалось успешно установить тоталитарный диктаторский режим, сделать его легитимным, заручившись поддержкой подавляющего числа немецких граждан. Основными средствами для этого были пропаганда, принуждение к труду, тотальный контроль и слежка за всеми членами общества, сращивание государственного, партийного и военного аппарата. Такой резкий переход от буржуазно-демократических основ Веймарской республики к тоталитаризму был возможен в немалой степени благодаря общей усталости немцев от безработицы и нищеты 20-х гг. XX в.

Последовавшее далее развязывание Второй мировой войны, поражение в ней Германии, огромные человеческие жертвы и экономический упадок Германии и сопредельных государств Европы, СССР доказали, что «Гитлер был демонической лично-

стью, одержимой расовыми заблуждениями»[1]. При этом сверхъестественное напряжение психики и внезапные приступы неконтролируемой агрессии не являлись болезнью: фюрер полностью отдавал отчет в своих действиях. Важно понимать, что он был адекватным в плане осознания последствий своих действий и содержания проводимой им политики.

Судьба послевоенной Германии была решена на проходившей в Потсдаме (20 км от Берлина) с 17 июля по 2 августа 1945 г. встрече глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции. Советская делегация была представлена И.В. Сталиным, американская – президентом Г. Трумэном, английская – премьер-министром У. Черчиллем и сменившим его (с 27 июля) после победы лейбористской партии на парламентских выборах К. Эттли.

В отношении Германии было принято решение о полном разоружении армии, установлении контроля над территорией страны, о демобилизации всего государства, денацификации государственного аппарата, демонополизации экономики, а также о демократизации политической системы (так называемый принцип «четырех Д»).

В Германии был установлен временный оккупационный режим, предполагавший деление страны на четыре зоны (советскую, американскую, французскую и английскую), функции управления были переданы созданному Союзному контрольному совету. В результате разделения Германии были созданы два новых государства: *Федеративная Республика Германия* (объединяла территории, расположенные на американской, британской и французской зонах оккупации) на западе и *Германская Демократическая Республика* на востоке (социалистическое государство на месте советской оккупационной зоны, существовавшее с октября 1949 по октябрь 1990 г.).

[1] Дитрих О. Двенадцать лет с Гитлером = The Hitler i knew: воспоминания императорского руководителя прессы, 1933–1945 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 7.

3.3. Послевоенное государственно-правовое развитие и объединение Германии

Весь послевоенный период вплоть до 1990 г. восточная и западная части бывшей единой Германии развивались соответственно по социалистическому и демократическому пути, во многом заочно конкурируя между собой.

Территория ГДР располагалась на месте современных земель Мекленбург-Передней Померании, Саксонии, Бранденбурга, Саксонии-Анхальт и Тюрингии.

Возникновение ГДР было своего рода ответом на учреждение в мае 1949 г. западногерманского государства ФРГ. Состоявшее вначале из пяти, а с 1952 г. – из 14 округов, ГДР со столицей в восточном Берлине имела соответствующую политическую систему. Основной политической силой была Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), возникшая после слияния Коммунистической партии Германии (КПГ) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ). При этом в стране действовали Христианско-демократический союз Германии, Либерально-демократическая партия Германии, Демократическая крестьянская партия Германии. Все указанные партии заявляли о приверженности идеалам социализма.

В соответствии с Конституцией ГДР 1949 г. структуру высшей власти составляли *Народная палата* (высший законодательный орган, состоявший из 400, а позднее – из 500 депутатов, избиравшийся по принципу прямого всеобщего и тайного голосования), *Совет министров* (формировался и контролировался Народной палатой), *Палата земель, Верховный суд, Верховная прокуратура*.

Характерной чертой государственного развития ГДР начиная с 50-х гг. XX в. стала централизация управления. Так, в частности, с 1952 г. упраздняются ландтаги и правительства земель, отменяются все законы и конституции земель, а вместо прежних административно-территориальных образований создаются *округа*. Централизации, помимо системы законодательной и исполнительной власти на местах, подверглись и судебные органы: все прежние участковые, земельные и верховные суды были ликвидированы, а вместо них стали функционировать районные и окружные суды.

Централизация в экономической сфере проявлялась в национализации крупных предприятий и создании сельскохозяйственных кооперативов.

Обратная ситуация наблюдалась в западной части бывшей единой Германии – ФРГ, которая развивалась на принципах федерализма и демократического формирования высшей власти, установленных Конституцией ФРГ 1949 г.

Федеративное устройство предполагало наделение элементами суверенитета всех 10 западногерманских земель, которые получили право формировать свой бюджет, избирать *ландтаги* и назначать *правительства.*

Высшим законодательным органом был двухпалатный парламент. Нижняя палата – *бундестаг* избирался населением по смешанной (мажоритарной и пропорциональной) избирательной системе, предполагавшей необходимость относительного большинства для отдельных кандидатов и 5-процентный барьер для списков партий.

Полномочия бундестага ограничивались *бундесратом* (Федеральным советом), комплектование которого осуществлялось правительствами каждой из земель. Бундесрат мог заблокировать принятие законов по вопросам изменения территории, конституции, предметов ведения и полномочий земель (право абсолютного вето), по другим аспектам – мог ограничить движение законопроекта (право отлагательного вето).

К исключительным полномочиям центральных органов власти относились вопросы обороны, внешних сношений, гражданства, связи и транспорта, промышленности и торговли и ряд иных. Остальные вопросы хозяйствования находились в сфере так называемого *конкурирующего законодательства*: ландтаги земель могли принимать собственные нормативные акты, не противоречащие федеральным.

Первым федеральным канцлером ФРГ станет К. Аденауэр, возглавлявший государство с 1949 по 1963 г. Руководство государством К. Аденауэром основывалось на принципах закрепления и обеспечения политических прав и свобод человека, создания модели социальной рыночной экономики, развития связей Германии с США, Великобританией и Францией, а также политики европейской интеграции (в том числе в военный блок

НАТО, к которому Германия присоединилась в 1955 г.). При этом, несмотря на то, что правление К. Аденауэра получило название «канцлерской демократии», канцлер подвергался критике за привлечение к работе в государственных органах амнистированных им бывших членов НСДАП (первая амнистия была объявлена в 1949 г. в честь возникновения государства ФРГ, вторая – в 1954 г. в честь пятилетия создания ФРГ), двойственность в проводимых преобразованиях.

Главной политической силой ФРГ на протяжении практически всего послевоенного периода была партия «Христианско-демократический союз» (ХДС), политика которой позволила преодолеть финансовый послевоенный кризис, нарастить объем производства, повысить производительность труда. Лидерами ХДС были такие выдающиеся канцлеры ФРГ, как Г. Коль (6-й федеральный канцлер, 1982–1998 гг.) и А. Меркель (8-й федеральный канцлер, 2005–2021 гг.). В настоящее время канцлер Германии Олаф Шольц является представителем Социал-демократической партии.

Объединение Германии происходило на фоне все более заметного разрыва в экономическом и политическом отношении между Западной и Восточной Германией, когда стало очевидно, что социализм не способен удовлетворять интересы большинства населения ГДР, а экономическая модель дискредитировала себя. Указанным процессам способствовало также изменение политической ситуации в СССР и начавшийся процесс перестройки.

Официально процесс объединения был начат 31 августа 1990 г. заключением Договора об объединении ФРГ и ГДР. Стороны использовали имевшуюся в ст. 23 Конституции ФРГ возможность включения территории ГДР в состав ФРГ с последующим распространением положений Конституции ФРГ на территорию бывшей ГДР.

12 сентября 1990 г. в Москве был также подписан многосторонний договор между ФРГ, ГДР, СССР, США, Францией и Великобританией, по которому в Конституцию ФРГ было внесено изменение об объединении всех частей Германии и подписании договора с Польшей о признании границ. Официально Днем германского единства считается 3 октября 1990 г.

3.4. Эволюция права

В период Веймарской республики сохранялось действие ключевых правовых актов кайзеровской эпохи – *Германского гражданского уложения* 1896 г. (нем. Bürgerliches Gesetzbuch, сокр. BGB) и *Уголовного кодекса Германии* (нем. Strafgesetzbuch, сокр. StGB), несколько дополненных и измененных в соответствии с переходом на республиканские принципы организации общества и государственного строительства.

Вместе с тем своеобразная двойственность республиканского режима накладывала отпечаток и на развитие права в период с 1919 по 1933 г. Так, например, в гражданском законодательстве увеличивается доля императивных норм, принципы свободы договора и свободной конкуренции нередко ограничиваются интересами государства и крупных корпораций. В правоприменительной практике наблюдается тенденция, когда обязательная сила договора для сторон могла быть поставлена в зависимость от обстоятельств, при которых заключалось соглашение: изменение обстоятельств могло послужить формальным основанием для прекращения обязательства (так называемый принцип учета изменяющейся конъюнктуры рынка).

В определенной степени изменились и нормы Уголовного кодекса 1871 г., из которых были удалены некоторые составы со смертной казнью, введены либерально-демократические принципы действия уголовного законодательства. Однако в то же время усиливается репрессивная политика в отношении лиц, занимающихся антигосударственной деятельностью, а также посягающих на социальные основы общества (например, регулярно призывают к забастовкам): за эти преступления с 1920 г. вводится смертная казнь.

Коренные изменения в праве произошли с приходом к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером. Все силы нацистского правительства были направлены на изменение законодательства в сторону его тотального ужесточения, с одной стороны, а также наиболее широкого толкования – с другой. Для теоретического обоснования антидемократических изменений широко привлекалась германская профессура, оправды-

вавшая насильственную практику насаждения национализма в Германии[1].

Общим направлением правовой мысли в этот период был пересмотр либерально-демократических идей, в частности, учения о правовом государстве. Подобную концепцию идеологи фашизма принять не могли, поскольку правовое государство предполагает связанность государственного аппарата и правящих элит правом, конституцией, провозглашение принципа равенства всех индивидов перед законом и судом, что категорически не вписывалось в расистскую идеологию национал-социализма.

Традиционные либерально-демократические понятия подменялись собственными изобретениями нацистской правовой науки, а именно идеей о «национал-социалистическом правовом государстве», «германском правом государстве», «германском правовом государстве Адольфа Гитлера».

Гуманизация уголовного закона, проводившаяся в период Веймарской республики, была объявлена неприемлемой в праве Третьего рейха. Нацисты ликвидировали фундаментальные принципы демократической уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики, такие как запрет на аналогию в уголовном праве, запрет обратной силы закона в уголовном праве, четкость формулировок уголовно-правовых дефиниций, осуществление правосудия независимым судом.

Масштабные изменения претерпели нормы Уголовно-процессуального кодекса Германии 1877 г. В частности, новые положения, вводимые § 170 «а» и § 267 «а», содержали максимально абстрактные («каучуковые») понятия, при использовании которых судьи должны были руководствоваться принципом «здорового чувства народа». Фактически в уголовном праве и процессе нацистской Германии вводится аналогия в интересах власти.

Активно применялась в нацистской Германии смертная казнь, при этом количество ее составов постоянно увеличивалось, что отражалось в большом объеме нормативных правовых актов. В частности, с 1936 г. смертная казнь вводилась за похищение

[1] Котковский Л.Э., Соколов А.Н. Извращение права в фашистской Германии – «законная» основа для уничтожения инакомыслия // Юристъ-Правоведъ. – 2011. – № 4. – С. 50.

ребенка, экономический саботаж; с 1938 г. – за оставление места автокатастрофы (бегство с места автокатастрофы); с 1939 г. – за трансляцию зарубежных радионовостей; с 1940 г. – за насильственные преступления, а также за все тяжкие преступления, совершенные несовершеннолетними; с 1943 г. – за производство абортов в качестве промысла; с 1944 г. – за неосторожное противодействие предписаниям по военной мобилизации.

При этом наряду с уголовным правом и уголовным процессом, которые традиционно являются максимально политизированными отраслями (поэтому оперативно меняются в зависимости от изменения политического режима), существенным антидемократическим изменениям подверглись такие отрасли, как гражданское, торговое, жилищное, семейное право. Главной целью изменений было закрепление неравноправия в немецком обществе.

После окончательного поражения Германии во Второй мировой войне и денацификации государственного аппарата были восстановлены нормы Германского гражданского уложения в его прежней редакции, действие которых распространялось на территорию ФРГ. В ГДР был принят новый кодекс, построенный на принципах социалистического права.

Подобные процессы происходили и в уголовном законодательстве, которое было направлено на демократизацию и гуманизацию уголовного права.

На рубеже 70–80-х гг. XX в. в уголовном праве Германии закрепляется двухчленная классификация преступных деяний (взамен прежней, трехчленной, предусматривавшей деление преступлений на проступки, нарушения и преступления). Теперь все преступные деяния делились на преступления (Verbrechen) и проступки (Vergehen). Эта классификация сохраняется до настоящего времени. В основе этой классификации лежит формальный критерий – минимальный размер наказания[1].

Исходя из этого деления, преступлением считаются лишь те противоправные деяния, за которые в качестве минимального наказания предусмотрено лишение свободы на срок не менее одного

[1] Серебренникова А.В. Классификация преступных деяний по законодательству Германии, Австрии и Швейцарии и ее значение // Проблемы экономики и юридической практики. – 2012. – № 5. – С. 42.

года (либо более строгое наказание), а под проступком понимаются любые противоправные деяния, предусматривающие в качестве минимального наказания лишение свободы на более краткий срок или денежный штраф. Смягчающие или отягчающие обстоятельства, предусмотренные Общей частью УК Германии для особо тяжких или менее тяжких случаев, для указанной классификации значения не имеют.

На рубеже XX–XXI вв. право Германии развивается в русле либерально-демократических преобразований, активно разрабатывается учение о соматических правах. В 2017 г. в Германское гражданское уложение были внесены поправки (Закон о введении права на заключение брака для лиц одного пола), в соответствии с которыми брак может быть заключен между лицами одного пола. С этого момента в Германии однополые союзы полностью уравнены в правах в семейно-брачной сфере с разнополыми. В правоприменительной практике подчеркивается, что однополый брак не является особым социальным институтом, а потому регулируется общими нормами о браке, содержащимися в Германском гражданском уложении.

Еще одним резонансным нововведением в семейно-брачном праве стало принятое в 2017 г. Конституционным судом Германии решение о признании существования третьего пола и необходимости введения его в книги записи актов гражданского состояния.

Таким образом, право Германии в Новейшее время развивалось двояко. С одной стороны, на протяжении целого столетия основой для развития гражданского, уголовного, торгового, наследственного и других отраслей права явились кодифицированные документы периода кайзеровской Германии, с другой – изменения в них вносились в зависимости от характера сменявших друг друга в XX в. политических режимов. Система права Германии на рубеже XX–XXI вв. представляет собой результат развития либерально-демократических ценностей и либерального учения о правах человека.

4. Особенности развития государства и права Соединенных Штатов Америки

4.1. Эволюция государственного строя

Государственно-правовое развитие США в XX в. в целом было обусловлено предыдущей эволюцией государственно-правовых институтов в период Нового времени и являлось логическим продолжением предшествовавших процессов. Соединенные Штаты Америки выходят на передовые рубежи в экономической сфере, поддерживая при этом на довольно высоком уровне состояние демократических институтов, а также систему гарантий последних. Особенностью и своего рода визитной карточкой США в Новейшее время становится политика обеспечения своих национальных интересов практически во всех регионах мира, позволившая Штатам утвердить и поддерживать по сей день свое лидирующее положение среди развитых и развивающихся стран. В основе этой политики лежат интересы американского крупного промышленно-финансового капитала. Именно они и являются локомотивом всех преобразований в государстве и праве США в течение Нового времени.

Собственно, государственный строй США в Новейший период истории остается неизменным, равно как в своей основе сохраняется действие норм Конституции 1787 г., в которой закреплены принципы организации власти и государственного управления в США, а также основные права и свободы граждан. Долговечность американской конституции во многом предопределена очень широкими рамками государственно-политического пространства, которые ею определены и которые позволяют решать самые разнообразные внутригосударственные проблемы. Следует отдать должное составителям этого документа, так как он действует уже более 200 лет с незначительными поправками (да и те носят объективный характер, связаны с общим цивилизационным развитием, за исключением, пожалуй, 18-й и 21-й поправок о введении и отмене сухого закона).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на достаточно широкие полномочия штатов (они имеют собственное законодательство,

самостоятельно формируют правоохранительные органы и др.), в США всегда сохранялась и сохраняется иерархия властных полномочий, в которой доминирующее место отводилось и отводится федеральному центру со столицей в Вашингтоне. Такое положение было закреплено, в частности, 16-й поправкой к Конституции (1913 г.), согласно которой Конгрессу США было предоставлено право взимать подоходный налог из любого источника дохода, невзирая на интересы штатов. В дополнение к этому в 1970 г. Верховный суд США утвердил безусловное право Конгресса регламентировать вопросы федерального избирательного права.

Что касается правовой природы самих поправок, то те из них, которые были одобрены в XX столетии, объективно явились результатом развития общественной жизни и государственно-правовых институтов. Примечательно, что, помимо 27 поправок, которые вступили в силу с момента принятия Конституции США в 1787 г., было предложено около 10 тыс. иных поправок, которые отклонялись либо соответствующими комитетами Конгресса, либо общим голосованием народных представителей. Еще одной особенностью поправок является то, что они (в отличие, например, от современной отечественной практики) не включаются в текст самой Конституции, но имеют собственную нумерацию[1]. В целом же значительная часть поправок к Конституции США, принятых в XX в., касалась избирательного права и организации выборов.

Так, 17-я поправка (1913 г.) ввела прямые выборы сенаторов населением штатов (до этого момента практика складывалась таким образом, что сенаторы избирались законодательными органами штатов).

19-й поправкой (1920 г.) были признаны неконституционными любые ограничения в избирательных правах по признаку пола. Законодательные органы штатов должны были устранить разного рода оговорки на этот счет (по примеру других штатов, которые уже осуществили подобные шаги). Такие же изменения были сделаны и в отношении различных цензов грамотности, препятствовавших участию части населения в избирательном

[1] Конституция США: история и современность / под ред. А.А. Мишина, Е.Ф. Язькова. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 81.

процессе, которые в 1960 г. были признаны неконституционными Верховным судом США.

23-я поправка (1961 г.) включила в избирательную систему на общих основаниях федеральный округ Колумбию.

24-й поправкой были объявлены неконституционными любые ограничения избирательных прав вследствие неуплаты какого-либо налога.

26-я поправка (1971 г.) установила единый избирательный возраст на федеральных выборах – 18 лет (ранее в разных штатах он колебался от 18 лет до 21 года). Следствием введения этой поправки стало увеличение избирательного корпуса сразу на 11,5 млн человек.

Ряд конституционных поправок касался изменения порядка замещения должностных лиц исполнительной власти. Так, в соответствии с 20-й поправкой (1933 г.) уточнялись время и процедура вступления в должность президента и вице-президента.

Особенностью самой избирательной системы США в XX в. являлось значительное влияние *прецедентного права*, необходимость в котором вызвана тем, что Конституция регламентирует лишь базовые принципы осуществления избирательного процесса. Так, именно благодаря судебной практике выработалось правило «один человек – один голос» (дело «Бейкер против Карра» 1962 г.), повлиявшее на развитие принципа равного избирательного права[1].

Именно в XX в. проявилась еще одна яркая особенность американского федерализма: несмотря на наличие федерального законодательства о выборах (Закон об избирательных правах 1965 г., Акт о федеральных избирательных кампаниях 1971 г., Закон о доступности голосования для пожилых людей и инвалидов 1984 г., иные федеральные акты, регулирующие избирательный процесс 1857, 1960, 1964, 1968, 1984 гг. и др.), основная часть норм избирательного права, в том числе относительно выборов в федеральные органы власти, содержится именно в законодательстве штатов, в некоторых из которых действуют свои избирательные кодексы.

[1] «Бейкер против Карра». URL: https://ru.online-almanac.com/4752405-baker-v-carr.

Говоря о развитии избирательного законодательства, следует также отметить рост популярности *пропорциональной избирательной системы* в первой половине XX в. в США, особенно на уровне муниципалитетов. Так, после включения Национальной муниципальной лигой (общественная организация в США) в модель городского устава пропорциональной избирательной системы она постепенно входит в практику применения на муниципальных выборах: в Аштабуле (1915 г.), Кливленде и Цинциннати (в середине XX в.), в Нью-Йорке (1936 г.). К середине XX в. более чем в 20 американских городах применялась пропорциональная система[1]. При этом постепенно интерес к ней угас и, несмотря на очевидные плюсы, от выборов по партийным спискам американцы практически везде отказались: к началу XXI в. в США эта система применяется на выборах лишь в небольшом количестве муниципалитетов, в остальных используется мажоритарная система абсолютного и относительного большинства.

Согласно 22-й поправке (принята Конгрессом 21 марта 1947 г. и ратифицирована 1951 г.) «никто не может быть избран на должность президента более двух раз, а лицо, занимавшее должность президента или действовавшее в качестве президента в течение более двух лет от срока, на который был избран президентом другой человек, не может избираться на должность президента более одного раза». До принятия этой поправки в США де-факто пребывание президента в должности благодаря сложившимся конституционным обычаям ограничивалось двумя сроками. Изначально в формально-юридическом закреплении этого правила не видели необходимости, поскольку установленное первым президентом США Джорджем Вашингтоном, который находился в должности в течение двух сроков, правило неуклонно соблюдалось на протяжении полутора веков. При этом были и исключения. Так, Улисс Грант в 1876 г. решил баллотироваться на должность президента в третий раз уже после истечения второго срока, но Палата представителей встала на сторону конституционного обычая. Настоящим же поводом к принятию поправки стало многолетнее президентство Франклина Делано

[1] Amy Douglas. Real Choices / New Voices: The Case for Proportional Representation Elections in the United States. New York, Columbia University Press, 1993.

Рузвельта, который во второй четверти XX в. баллотировался четыре раза на пост главы государства (имея при этом колоссальную народную поддержку).

В американском научном экспертном сообществе введение 22-й поправки было встречено неоднозначно, высказывались мнения о том, что с введением ограничения идея народовластия (право избирателей свободно избирать своих руководителей) во многом теряет свой первоначальный смысл, лишает избирателей свободно выражать свое мнение, свободно поддерживать политических лидеров[1]. Тем не менее нельзя отрицать и закрепление определенных гарантий защиты от возможного развития авторитаризма как в самих США, так и во многих других государствах мира.

В этом же ряду и 25-я поправка (1967 г.), которая закрепила конституционный порядок замещения вице-президентом президентского поста в случае чрезвычайной вакансии, а также предоставила президенту право назначить себе вице-президента (утверждаемого затем Конгрессом) в случае чрезвычайной вакансии.

Как известно, Конституция США устанавливает фиксированные сроки переизбрания президента и конгресса, при этом при досрочном прекращении полномочий президента досрочные выборы не проводятся. В этом случае пост президента занимает вице-президент. Сложность первоначальной редакции указанной конституционной нормы состояла в том, что неясным был вопрос: становится ли вице-президент новым президентом или он просто исполняет его обязанности до новых выборов? По сложившейся конституционной практике вице-президент становился президентом, однако для урегулирования вопроса на законодательном уровне и принимается 25-я поправка (ратифицирована в 1967 г.). Таким образом, был окончательно установлен порядок замещения должности президента и вице-президента при временной невозможности первого исполнять свои обязанности.

Через несколько лет после одобрения 25-я поправка сыграла ключевую роль в политической карьере Джеральда Форда, когда в 1973 г. он был назначен вице-президентом после отставки Спиро

[1] Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории / пер. с англ., заключ. ст. В.И. Терехова. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – С. 455.

Агню. Через год Джеральд Форд стал президентом США (после добровольной отставки президента Никсона под угрозой импичмента после Уотергейтского скандала). Дж. Форд остается единственным, кто не был избран на эту должность всеобщим голосованием ни как президент, ни как вице-президент.

Интересна и эволюция самого института президентской власти, который до начала XX в. был нацелен исключительно на решение внутригосударственных проблем и в вопросы внешней политики не вмешивался: последние традиционно входили в сферу интересов Белого дома (одной из причин можно назвать преобладание в общественном сознании американцев, равно как и в идеологии правящих кругов, философии американского изоляционизма). В соответствии с таким подходом оценивать эффективность деятельности американских политиков, ставших президентами, американцы могли лишь с точки зрения их способности реагировать и распутывать узлы политических и социально-экономических проблем, стоящих перед американским обществом[1].

На рубеже XIX и XX вв. ситуация относительно функций президента и его роли во внутренней и внешней политике существенно меняется, чему непосредственно способствовали усиление политической, экономической и идеологической мощи США, постепенное превращение Америки к середине XX в. в глобальную сверхдержаву, диктующую свою волю всем ведущим странам. Примечательно в этот период мнение известного историка и политолога К. Росситера (1917–1970 гг.), который специализировался на изучении института президентской власти в США. В своем классическом труде «Американское президентство» (1956 г.) он прямо отстаивал точку зрения, в соответствии с которой после окончания Второй мировой войны «среди всех функций института президентской власти на первое место уверенно вышла роль главного дипломата»[2].

Американский президент теперь обязуется защищать права человека во всем мире, продвигать принципы и идеи демократического

[1] Травкина Н.М. Институт президентской власти в США: в поисках модели современной идентичности // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 267.

[2] Rossiter C. The American Presidency. – Second edition. – N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1960. – P. 11.

устройства общества, поскольку в этой своей новой роли глава государства, помимо всего прочего, представляет интересы нации иммигрантов, американских этнических меньшинств и диаспор. Последние, как концептуально обосновывалось в американской политической науке, имеют непосредственные (даже родственные) связи и общие корни практически со всеми странами и регионами мира.

С середины 70-х гг. XX в., исходя из такого нового понимания роли американских президентов, Государственный департамент США начинает публиковать ежегодные доклады о состоянии прав человека в каждой стране мира с подробными комментариями и аналитикой, которые одновременно содержат и оценки продвижения этих стран по пути демократического устройства. И с этого момента президент США начинает постепенно превращаться в мирового лидера (по единодушному мнению практически всех американских государствоведов), ему дозволяются некоторые шаги, свидетельствующие о том, что большая часть системы сдержек и противовесов более на президента не распространяется (в основном это касается условий и гарантий взаимодействия президента и иных ветвей власти в США, которые закрепляются Конституцией США и принятыми на ее основе законодательными актами[1].

Несмотря на принятые поправки, изменившие в лучшую сторону избирательную систему США, ее основания остались прежними. Наиболее ярко это проявляется в рамках процедуры голосования на выборах президента, когда победивший кандидат получает меньше голосов американцев, чем проигравший.

Например, победивший на выборах 2016 г. Дональд Трамп (кандидат от Республиканской партии) стал 45-м президентом США, набрав на 2,9 млн голосов меньше, чем Х. Клинтон (соответственно 65,8 млн голосов против 62,9 млн). Подобный случай в XX в. был зафиксирован на выборах 2000 г. (победитель – республиканец Дж. Буш – младший набрал меньше голосов американцев, чем А. Гор). Несмотря на известное несовершенство, предпосылок к изменению действующей системы выборов президента США не наблюдается.

[1] Травкина Н.М. Указ. соч. – С. 270.

Институт президентской власти в США на протяжении XX в. характеризуется определенной изменчивостью. Так, в частности, в первой половине XX в. наблюдаются периоды усиления роли президента за счет увеличения объема его полномочий, что было обусловлено, как правило, кризисными моментами в американской и мировой экономике (Великая депрессия), чрезвычайными ситуациями, вызванными войнами и иными вооруженными конфликтами (в особенности в период Второй мировой войны).

К середине XX в. в американском научном сообществе начинают говорить о появлении признаков так называемого «имперского президентства», когда институт президентской власти начинает ставиться выше Конституции США в силу обозначенных выше процессов превращения Соединенных Штатов в середине XX столетия в глобальную сверхдержаву, а президента – в мирового дипломата[1]. Функция спасения мировой демократии, а самого мира – от гибели к 60–70 гг. XX в. переносится и на внутреннюю политику. Своего апогея этот процесс достигает после трагических событий 11 сентября 2001 г., кардинально изменивших ситуацию и в самих США, и во всем остальном мире. Именно тогда американские политологи единодушно высказывались об укреплении института «имперского президентства», хотя в то же время оно вполне оправдывалось необходимостью присутствия сильного президента и мощной исполнительной власти для предотвращения угроз, подобных терактам 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне, противодействия нависшей над Америкой глобальной террористической угрозе[2].

Вместе с тем важно отметить, что параллельно с формированием образа президента США как мирового лидера внутриполитическая борьба не прекращалась, а в определенной степени даже усиливалась. В частности, с 70-х гг. XX в., когда в США уже давно утвердилась стабильная социально-экономическая обстановка, отношения президента и Конгресса начинают входить в противоречия. Специальной резолюцией Конгресса 7 ноября 1973 г. ограничивается право президента США начинать войну:

[1] Подробнее об этом: Schlesinger A. The Imperial Presidency. – N.Y.: Popular Library, 1974. – P. 209.

[2] Травкина Н.М. Указ. соч. – С. 279.

теперь требовалось соблюдать принцип коллективного обсуждения этого вопроса (иначе говоря, президент должен был заручиться поддержкой большинства Конгресса). В 1977 г. законодательно ограничиваются до этого момента практически абсолютные полномочия президента по реорганизации правительственного аппарата.

Следствием этого стала широко распространившаяся практика наложения вето Конгрессом на решения исполнительной власти по тем или иным спорным полномочиям. Признание в 1983 г. Верховным судом США такой конституционной практики не соответствующей самой Конституции США коренным образом ситуацию не изменило: в последние десятилетия Конгресс регулярно проводит специальные расследования деятельности администрации по самым разным направлениям, включая действия военных, спецслужб и разведывательных органов (особенно часто Конгресс пользовался таким правом в период президентства Д. Трампа, блокируя любые президентские инициативы, предусматривающие коллективное обсуждение с Конгрессом).

В середине 1970-х гг. Конгресс США принял ряд законов, направленных против так называемого «имперского президентства». Сюда прежде всего следует отнести Закон о военных полномочиях, принятый в 1973 г., несмотря на то, что президент Р. Никсон наложил на него вето; Закон о контроле над бюджетом и замораживанием средств (Congressional Budget and Impoundment Control Act of 1974), принятый в 1974 г. К этой же серии ограничений относится установление практики регулярных трансляций заседаний и слушаний, проходящих в Конгрессе США с 1979 г.[1]: открытость и прозрачность заседаний Конгресса усложняла деятельность лоббистских групп, не позволяла конгрессменам открыто поддерживать непопулярные решения.

Закон 1973 г. имел двоякий характер, поскольку наряду с закреплением за Конгрессом исключительного права объявления войны другому государству (или государствам) наделил президента правом использовать вооруженные силы США на срок от

[1] Statement of Donald R. Wolfensberger Before the House Select Committee on the Modernization of Congress // U.S. House of Representatives. – 2019. – March. – P. 5. URL: https://docs.house.gov/meetings/MH/MH00/20190327/109172/HHRG116-MH00-Wstate-WolfensbergerD-20190327.pdf.

60 до 90 дней для отражения неминуемых угроз безопасности государства, после чего войска должны быть отозваны, либо получить разрешение Конгресса на продолжение использования вооруженных сил США[1]. Мониторинг выполнения положений Закона о военных полномочиях показал, что в период с 1973 по начало 2017 г. президент США 168 раз извещал Конгресс об использовании вооруженных сил США за его пределами, а в период с 1973 по 1998 г. в 18 случаях «забывал» исполнить свои обязанности в соответствии с законодательством 1973 г.[2]

В XX в. исследователи признают наличие кризисных явлений в практике осуществления президентской власти в США. К ярким примерам можно отнести процесс импичмента президента У. Клинтона в 1998–1999 гг., погружение страны в период острейшего финансово-экономического кризиса в годы пребывания у власти президента-республиканца Дж. Буша – младшего (2001–2009 гг.), который запустил механизм обрушения многих финансовых рынков, что привело к кризису уже в других государствах мира. Современный виток кризиса института президентской власти пришелся на период нахождения в Белом доме демократа Б.Х. Обамы (2009–2017 гг.), который, столкнувшись с жесткой оппозицией Конгресса, вынужденно руководил с помощью президентских указов, нарушив конституционный порядок[3].

Приход же к власти президента Д. Трампа в 2017 г. и вовсе послужил основанием для утверждения о сломе института президентства в США[4].

Организация и деятельность самого Конгресса в Новейший период истории изменилась незначительно. С 1912 г. установилась постоянная численность депутатов в палате представителей – 435 (это было закреплено в специальном законе).

Число членов сената – 100 (избираются на шесть лет). Сложившаяся конституционная практика, когда каждый штат имеет представительство в лице двух сенаторов, независимо от количества

---

[1] CRS Report // The War Powers Resolution: Concepts and Practice. – 2019. – March. – P. 4. URL: https://fas.org/spg/crs/natsec/R42699.pdf

[2] Травкина Н.М. Указ. соч. – С. 278.

[3] Там же. – С. 263.

[4] Suri J. The Presidency Is Too Big to Succeed // The Atlantic. – 2018. – May. URL: https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/05/the-real-reasonthe-presidency-is-impossible/559877

проживающего в штате населения (концептуально это обосновывается неизменностью действия принципа независимости штатов), приводит к тому, что приблизительно 17% населения, проживающего в 26 штатах, делегируют 52 депутата, что вызывает в стране упреки в справедливости такого подхода к формированию верхней палаты Конгресса. Однако такое положение закреплено в Конституции и пока предпосылок для его изменения нет.

В результате выборов в Конгресс США 116-го созыва, которые состоялись 6 ноября 2018 г., большинство мест (235 из 435) в палате представителей заняли демократы, а в сенате – республиканцы, получившие 53 места из 100 против 45 у демократов (два оставшихся являются независимыми). 116-й созыв действовал с 3 января 2019 г. по 3 января 2021 г.

В структуре палаты представителей выделяют 22 постоянных комитета, в структуре сената – 16 постоянных комитетов. Кроме того, в связи с усложнением работы Конгресса с начала 70-х гг. работают подкомитеты (соответственно 133 и 147), где и ведется основная, черновая работа над законопроектами. Эти же структурные элементы парламентской системы занимаются контролем деятельности администрации президента США.

Институт лоббирования, имевший место в политической жизни США в Новое время, укрепился и в Новейший период. Так, к началу XXI в. в Конгрессе сложилось «еврейское», «латиноамериканское», «японское», а также собственное бюрократическое лобби[1]. Некоторые конгрессмены и сенаторы входят сразу в несколько лоббистских групп. И если в 90-е гг. XX в. исследователи насчитывали порядка ста лоббистских групп в Конгрессе, то к началу нового столетия только в Вашингтоне действовало почти 7 тыс. лоббистских организаций и групп. Основная часть из них представляет интересы либо промышленных корпораций, либо торговых и профессиональных организаций; остальные (меньшая часть) действуют в интересах общественности и национальных меньшинств.

Финансовая независимость конгрессменов, обсуждаемая и раньше в американском обществе, стала предметом пристального

[1] Исаев Б.А. Структура, генезис и функционирование партийно-политической системы США (часть 1) // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 2-3. – С. 38.

внимания также во второй половине XX столетия. Результатом дискуссии в экспертном сообществе стали одобренные ограничения в праве занятия коммерческой деятельностью. Среди прочего это отразилось на возможности получения авторского гонорара: 17-я поправка к Конституции (1992 г.) установила, что решение конгрессменов об увеличении своего вознаграждения вступает в силу только со следующего созыва Конгресса.

Существенные изменения происходят в политической системе США во второй половине XX в. Помимо обозначенных выше, в первую очередь необходимо выделить повышение роли праймериз – специфического американского демократического механизма, когда выдвижение кандидатов на выборные государственные должности осуществляется самими избирателями. Праймериз стали впервые вводиться еще в начале XX в. как средство ограничения влияния партийных боссов, однако после Первой мировой войны процесс практической реализации этого института затормозился[1]. В 1968 г. решением Национального съезда Демократической партии количество праймериз было увеличено (аналогичные решения приняла и Республиканская партия), а к концу столетия праймериз стали применяться в подавляющем большинстве американских штатов. Как следствие, именно волеизъявление рядовых избирателей можно считать определяющим в процессе выдвижения кандидатов в президенты США.

Заметной к концу XX в. становится и тенденция усиления контроля общества над основными элементами политической системы. Одним из таких проявлений стало увеличение количества государственных должностей, которые должны были замещаться на конкурсной основе. После решения Верховного суда США 1990 г. о том, что при найме государственных служащих на соответствующие должности партийная принадлежность не должна играть никакой роли, демократизация сферы внегосударственных политических институтов (и, в частности, политических партий) заметно возросла. Это же относится и к фракционной деятельности Конгресса США, контроль демократических процедур над которой был закреплен в ходе реформ Конгресса 1970-х гг.

[1] Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и Новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 3–27.

Вместе с тем политическая активность самих американских граждан в Новейшее время в США невысока. Традиционно считается, что для ее объективного определения необходимо учитывать такие показатели, как степень проявления активности в предвыборной борьбе; частота выдвижения гражданином своей кандидатуры на выборный пост; случаи внесения денежных средств в поддержку того или иного кандидата; партийная принадлежность или участие в иных организациях, поддерживающих того или иного кандидата; участие в агитационных мероприятиях и иных формах политического убеждения; непосредственное участие в выборах.

По статистике, менее 1% американцев когда-либо выдвигали свои кандидатуры на выборные должности, поэтому говорить об активной реализации своего пассивного избирательного права гражданами США не приходится. Другие показатели несколько выше, хотя также на минимальных уровнях. Например, лишь 5% американцев проявляли активность в партийной и избирательной кампании и около 10% осуществляли финансовые взносы. При этом треть американских граждан когда-либо участвовали в организациях, относимых к объединениям по группам политических интересов; около 30% избирателей принимали участие в праймериз. Лишь активное избирательное право было наиболее популярно среди американцев: непосредственно в самом голосовании в Новейшее время принимало участие в среднем около 50% взрослых американцев[1].

В Новейшее время продолжается эволюция социальной базы и программных основ двух главных партий США. Заметные изменения в прогрессивном развитии Демократической партии наблюдаются в 1930-е гг., когда ее лидеры начинают реализовывать программы социальных реформ и экономического регулирования. Все это позволило привлечь в число ее сторонников большинство представителей рабочего класса, членов профсоюзов, городских и средних слоев, расово-этнические меньшинства. Основным лозунгом и целью Демократической партии в этот период было объединение избирателей для достижения идеалов социального

[1] Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. – М., 1984. – С. 111–112; Statistical Abstract of the United States 1996. – Wash, 1996. – P. 287.

либерализма, объединение традиционно-индивидуалистических и реформаторско-коллективистских принципов властвования. Республиканская партия в целом также поддерживала курс на развитие социального государства, однако придерживалась более умеренных взглядов в вышеуказанных вопросах.

Во второй половине XX в. обе партии модернизировали свои программы, уделяя внимание в первую очередь максимальному привлечению числа голосов избирателей на свою сторону. В итоге все основные социальные группы и слои американского населения были вовлечены в сферу политического влияния. На рубеже 60–70-х гг. XX в. происходит расширение электората Демократической партии, в основном за счет поддержки политических и гражданских прав чернокожих американцев, принятия новой и более радикальной программы социальных расходов, поддержки комплекса соматических прав (нонконформистских социокультурных принципов) – права на аборт, нетрадиционную сексуальную ориентацию и т. д. Что касается Республиканской партии, то расширение программы можно увидеть лишь в плане расово-этнической политики; по всем иным фундаментальным общественным проблемам они занимали консервативные позиции. Конец XX в., особенно период 80–90-х гг., характеризуется воздержанием лидеров обеих партий от серьезных нововведений в программных положениях. Отметим также, что консервативность Республиканской партии и прогрессивность либеральных взглядов Демократической партии наиболее ярко проявились уже в XXI в., на выборах 2016 г., когда республиканец Дональд Трамп стал 45-м президентом США во многом благодаря своим ярким высказываниям консервативного характера.

4.2. Социально-экономическое развитие Соединенных Штатов Америки в XX веке

Развитие системы государственного управления в США в Новейший период связано прежде всего с разрастанием ее масштабов и, соответственно, усилением роли государства в регулировании различных сторон американского общества. Наиболее

наглядно данный процесс проявился в вопросах регламентации экономических отношений.

Практически до самого конца XIX в. экономика США была воплощением свободной частной инициативы, имеющей минимум правовых ограничений. Отрицательные последствия такой политики (в социальном плане) стали проявляться на рубеже XX в. с появлением мощных трестов, которые занимали монопольное положение в определенной сфере экономики и затем получали политическое влияние. Ведущая роль трестов, выразившаяся в их доминировании на рынке, влекла за собой ущемление интересов мелкого и среднего бизнеса (в большей или меньшей степени на протяжении всего XX в.), игнорирование общественных интересов на фоне погони за сверхприбылью. Совокупность вышеуказанных факторов и условий приводила к неуклонному росту социальной напряженности внутри государства.

Результатом создавшейся ситуации стали государственные меры по ограничению монополий. Еще в 1890 г. был принят антитрестовкий закон Шермана, который носил общий характер. В дальнейшем законодатель пошел по пути конкретизации сфер экономики, имея в виду, прежде всего, улучшение социальных условий труда наемных рабочих и защиту общественных интересов (охрана природы и др.).

Начало 30-х гг. в США характеризуется так называемым «Новым курсом» Рузвельта, причины и суть которого состоят в следующем.

В 1929 г. начался мировой экономический кризис (завершившийся в основном к 1933 г.), который в существенной степени затронул и США. После знаменитого биржевого краха последовало закрытие огромного числа предприятий, разорение фермеров, что, в свою очередь, вызвало массовое общественное недовольство. В создавшейся обстановке совершенно очевидным было государственное вмешательство, отход от традиционных принципов рыночной экономики, либеральных основ осуществления торговли (государство – «ночной сторож»), применение прямых, директивных методов управления экономическим сектором (т. е. фактически – обращение к модели командной плановой экономики).

В 1932 г. победивший на выборах кандидат от Демократической партии Ф.Д. Рузвельт предложил американскому народу политику «Нового курса», содержанием которой стала реализация следующих мер, направленных на оздоровление финансового и промышленного секторов американской экономики.

1. Установление государственного контроля за финансовой сферой (ключевым в этом плане можно назвать принятие Чрезвычайного банковского закона от 9 марта 1933 г., в соответствии с которым президент получил право изымать золото из владения частных лиц, возможность контролировать международные финансовые сделки и др.).

2. Установление режима экономического планирования в целях более справедливого распределения товаров и финансовых ресурсов, приспособления существенных элементов экономической организации к потребностям населения.

3. Введение жесткого контроля за рынком ценных бумаг.

4. Ограничение свободы банков и регламентация банковской деятельности.

5. Принятие и реализация комплекса мер по борьбе с безработицей (в первую очередь следует выделить образование администраций гражданских работ и гражданского строительства (1933–1934 гг.), в обязанности которых входило финансирование общественных работ, принятие решений в этой сфере; сюда же относится централизованное правительственное финансирование строительства дорог). Эта мера, по мнению многих исследователей, была вызвана не отсутствием дорог как таковых, а стремлением государственной американской администрации обеспечить оплачиваемой работой большую часть американских рабочих.

6. Реформа профсоюзной деятельности, позволившая легализовать деятельность различных профессиональных союзов. В частности, принятый 5 июля 1935 г. Закон Вагнера закреплял право профсоюзов организовывать пикеты, проводить стачки, выполнять функции по объединению рабочих и др. Одновременно запрещалось вмешательство предпринимателей в дела профсоюзов, что квалифицировалось с этого момента как осуществление «нечестной трудовой практики».

7. Принятие Закона о страховании 17 августа 1935 г., который фактически создал систему федерального социального

страхования и установил социальные гарантии. В сферу действия закона попадало введение (впервые в социально-экономической сфере) пенсий по старости и пособий по безработице. Вводимые пенсии и пособия начислялись на федеральном уровне и были доступны основной массе населения. Так, право на пенсию получали все граждане, достигшие 65 лет. В качестве источников финансирования при выплате пособий и пенсий использовались специальные налоги, взимаемые с госслужащих и предпринимателей.

8. Введение института минимальной оплата труда.

Указанные меры имели положительный эффект и позволили США успешно выбраться из кризиса с относительно небольшими потерями. Одновременно «Новый курс» Рузвельта заложил основы государственного регулирования социально-экономических отношений в стране. Окончание политики «Нового курса» было объявлено Рузвельтом в марте 1939 г. во время одного из публичных выступлений.

Результаты политики «Нового курса» следует оценивать более широко, не ограничиваясь положительными результатами в самих США. Впоследствии меры, апробированные в годы Великой депрессии, применялись многими другими странами для выхода из системных кризисов.

Практика применения директивных (прямых) методов управления экономической сферой была продолжена в период Второй мировой войны, из которой США вышли самой мощной в военном и экономическом отношении державой. Американские военные базы и армия размещались в Японии, Италии, Германии и других странах. В различных регионах мира к тому времени было уже оборудовано свыше 500 военных баз США. Это государство несколько лет обладало монополией на атомное оружие (за счет привлечения ведущих европейских физиков-ядерщиков, согласившихся помочь США овладеть атомной бомбой с целью скорейшего разгрома фашистской Германии). 33-й президент США Г. Трумэн, вступивший в должность 12 апреля 1945 г. после смерти Рузвельта, объявил, что США берет на себя «мировую ответственность». Внешняя политика США в послевоенный период, таким образом, еще ярче выражала стремление политических и экономических американских элит к установлению гла-

венствующего положения в международных отношениях, к доминированию в международной торговле.

Изменения в социальной структуре американского общества в XX столетии, особенно во второй его половине, были вызваны соответствующими экономическими факторами, которые в США сыграли ключевую роль. Традиционное деление общества на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное предполагает выделение в них трех секторов народного хозяйства: соответственно первичный, вторичный и третичный секторы. Доиндустриальное общество характеризуется преобладанием сельского хозяйства и добывающих отраслей, индустриальная стадия предполагает бурное развитие обрабатывающей тяжелой и легкой промышленности, а также строительства. Наконец, третичный сектор народного хозяйства, возникающий на постиндустриальной стадии, предполагает лидерство сферы услуг, которая в США во всей структуре ВВП с середины XX столетия занимает около 80%. К началу же XXI в. доля первичного сектора в ВВП США составила 3%, а вторичного – 14.[1]

Примечательно, что в структуре самого третичного сектора экономики США в постиндустриальную эпоху несколько уменьшается удельный вес торговли и финансов за счет усиления роли таких сфер, как медицина, образование и в целом производство знаний. С другой стороны, ведущая роль в обеспечении экономического прогресса США во второй половине XX в. окончательно переходит от промышленного и финансового капитала к человеческому капиталу[2].

Указанное укрепление постиндустриального общества со всей очевидностью приводило к изменениям в социальной структуре, что сопровождалось трансформацией основных классов, слоев и социальных групп, системы взаимоотношений между ними[3].

Так называемый средний класс к концу XX столетия насчитывал порядка двух третей всего американского общества. В то же время к этому периоду наблюдается серьезная дифференциация

---

[1] Экономика США / под ред. В.Б. Супяна. – М., 2003. – С. 18.

[2] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999. – С. 159.

[3] Согрин В.В. Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества // Новая и Новейшая история. – 2008. – № 3. – С. 4.

и неравенство между так называемым высшим, средним и низшим классами. Как правило, в обоснование причин подобной тенденции указывается усиление консервативных направлений во внутриполитическом курсе США, ярким выражением которых стала политика президентов Р. Рейгана и Дж. Буша – младшего. Уменьшение доли социальных расходов и налогового бремени на представителей верхнего класса упрочило социальное неравенство. В то же время к концу XX в. в США наблюдается улучшение экономического состояния и социального статуса чернокожих и женщин, что было достигнуто не в последнюю очередь благодаря успехам в борьбе за расширение ими своих гражданских прав.

Заметный кризис американский средний класс пережил в начале XX в., когда глобализация и последовавшее за ней резкое сокращение традиционного промышленного производства в США привели к Великой рецессии 2008–2009 гг., последствия которой сказались не только на экономической сфере, но и на всей политической системе, повлияв на деятельность Республиканской и Демократической партий.

В плане особенностей социально-экономического развития США в XX в., особенно на рубеже XX и XXI столетий, нельзя не отметить масштабные перемены в расстановке приоритетов в социальной сфере, которые явились следствием проводимой политики мультикультурализма и позитивной дискриминации в государстве. Последняя, понимаемая как система мер по предоставлению преимущественных прав или привилегий определенным группам населения, применяемая для обеспечения равенства в должностях, в получении образования, доходах представителей разных рас, полов, этнических групп, конфессий, представителей сексуальных меньшинств и т. д., к началу второго десятилетия XXI в. привела к негативным последствиям (например, движение Black Lives Matter (BLM) «Жизни черных важны»). Однако объективно оценить последствия указанных социальных изменений будет возможно несколько позднее, поскольку к 2021 г. далеко не исчерпан их позитивный и негативный потенциал.

Политика военного и экономического доминирования, начатая США в конце XIX в. и продолженная в XX столетии, в своей основе реализуется и в начале XXI в. Учитывая ту степень влия-

ния, которую имеют США в современном мире, их роль в основных геополитических процессах, следует признать, что внешняя политика США во многом достигла своих целей и успешно развивается в настоящее время (смена президентов, равно как и баланса сил в противостоянии партий республиканцев и демократов, особой роли в этих процессах не играет и не влияет на стратегический курс США).

Так, именно на территории США базируется Организация Объединенных Наций, под флагом которой, как отмечалось выше, это государство осуществило ряд военных операций. США занимают ведущее место в блоке НАТО. По большому счету, США вышли победителем в холодной войне в противостоянии с СССР.

В США один из самых высоких уровней жизни населения. Американцы занимают лидирующее положение во многих областях науки и техники, включая такие перспективные, как компьютеризация и космонавтика.

Благосостояние граждан США, наряду с их предприимчивостью и трудолюбием, в немалой степени определяется прибылью, получаемой за счет сбыта большого объема американской продукции в развивающихся странах, использования материальных и трудовых ресурсов этих государств. В этом плане представляется важным взвешенно оценивать имеющиеся сегодня полярные оценки роли и места США в мировой политике. Идеальный образ США, насаждавшийся в 90-е гг. XX в. в России, когда спасение нашей страны зависело исключительно от успешности заимствования западных образцов демократии, столь же далек от объективной истины, как и попытки демонизировать государственно-правовые структуры и демократические достижения американцев. Последние непременно должны учитываться в процессе построения своей уникальной модели государственного управления, определяемой историческими и социокультурными условиями развития Российского государства, однако не должно быть и их слепого заимствования.

4.3. Развитие правовой системы Соединенных Штатов Америки в XX веке

Право США в Новейшее время, так же как и государственное устройство, не претерпели существенных или кардинальных изменений. По-прежнему основными источниками права являются судебные прецеденты и отдельные законы (статуты).

Наметившийся в Новое время постепенный процесс кодификации американского права получил определенное развитие в XX в., что выразилось в довольно активном применении такого вида систематизации права, как инкорпорация. Сюда можно отнести практику издания сводов законов, охватывающих определенные сферы общественных отношений.

В области уголовного права и процесса в США можно отметить тенденцию к ужесточению уголовных наказаний в последние десятилетия.

Всплеск насилия, отмечаемый в последние годы, когда ежегодно более двух миллионов американцев становятся жертвами нападений, а более 20 тыс. в год погибают, не укладывается в общую тенденцию гуманизации жизни, демократизации основных государственных институтов, усиления защиты прав меньшинств и т. д.

При этом важно отметить, что указанные тенденции были замечены экспертным сообществом уже в 70-х гг., когда в США настойчиво появляются призывы к ужесточению уголовно-правовых санкций, назначению наказаний сообразно причиненному вреду. Цель исправления осужденных, активно пропагандируемая в государстве, оказалась недостижимой: уровень рецидивной преступности в стране повысился. В результате в середине 70-х – начале 80-х гг. в США вновь стали обращаться к возмездию как основной цели наказания (начинает набирать популярность и общественную поддержку «классическая» теория), чему способствовало и общественное мнение (оно показывает, в частности, что с 1972 г. большинство, а в последние годы – подавляющее большинство американцев являются сторонниками смертной казни).

Законодатели США не могли не откликнуться на требования избирателей ограничить преступность в государстве. Президен-

том США У. Клинтоном в 1994 г. был подписан принятый Конгрессом законопроект о контроле над насильственной преступностью и правоприменяющих органах.

В отечественной юридической литературе этот закон справедливо воспринимается как наиболее жесткий за всю историю правотворчества в Штатах. В качестве важнейших положений необходимо указать на возможность назначения смертной казни по дополнительным 50 составам федеральных преступлений (до этого было всего два). В этот перечень входят: убийство федерального должностного лица, государственная измена, убийство, совершенное при захвате автомашины, и др. Обязательное пожизненное лишение свободы назначалось в случае, если преступник был осужден за три насильственных тяжких преступления или три преступления, связанные с наркотиками, а вслед за этим совершил любое федеральное преступление.

Лицам, осужденным за половые преступления, предписывалось в течение 10 лет после освобождения из тюрьмы оставаться под наблюдением полиции соответствующего штата.

Особенностью американского уголовного законодательства является то, что выделяемые на реализацию закона средства в значительно большем объеме предназначены для правоприменяющих органов (13,5 млн долл.) и развития тюрем (9,8 млн долл.), чем для осуществления программ превенции (6,9 млн долл.). Данное обстоятельство свидетельствует о краткосрочных целях уголовной политики США.

Таким образом, является справедливым утверждение о том, что рост криминальной напряженности служит причиной ужесточения уголовных репрессий. Одной из самых неоднозначно оцениваемых в американском обществе (да и во всем мире) мер, связанных с усилением уголовного возмездия, является смертная казнь. В США на федеральном уровне смертная казнь была отменена 1972 г. Тогда Верховный суд США признал ее «дискреционным наказанием», однако уже в 1988 г. она была частично восстановлена.

По официальной информации, в последние месяцы пребывания у власти предыдущего президента США Д. Трампа в стране было приведено в исполнение 13 смертных приговоров, хотя казни на федеральном уровне в США не проводились

в течение 17 лет – до июля 2020 г., когда Д. Трамп отменил установленный мораторий.

В 27 штатах США из 50 в настоящий момент применяется смертная казнь, исполняемая по-разному (в настоящее время по законодательству различных штатов предусмотрено пять основных способов смертной казни: повешение, расстрел, электрический стул, газовая камера, смертельная инъекция). Специфическим проявлением гуманности при осуществлении смертной казни может считаться так называемый последний ужин (или последняя трапеза). Меню последней трапезы подбирается по просьбе осужденного, но в разумных пределах и исходя из установленной в каждом штате суммы (в среднем от 15 до 40 долл.). Исключением в этом вопросе является штат Техас, законом которого в 2011 г. последняя трапеза была отменена (причиной послужил случай, когда приговоренный к казни Л.Р. Брюер сделал большой заказ, но к еде не притронулся). При этом 23-м штатом, в котором введен мораторий на смертную казнь (в марте 2021 г.), стал штат Вирджиния (высшая мера наказания там заменяется на пожизненное заключение без возможности условно-досрочного освобождения).

Длительное время штат Вирджиния лидировал по числу приведенных в исполнение на его территории смертных приговоров. Так, за всю историю применения высшей меры наказания власти штата казнили почти 1,4 тыс. преступников. Первый случай казни зафиксирован в 1608 г.: в Джеймстауне казнили человека, считавшегося испанским шпионом.

Своего рода показателем усиления уголовно-правовой репрессии можно считать и возобновление практики исполнения смертной казни в отношении женщин. Так, в начале 2000-х гг. зафиксирован первый за 70 лет смертный приговор, вынесенный осужденной Лизе Монтгомери. Она была признана виновной в особо жестоком убийстве беременной женщины в 2004 г. Казнь Л. Монтгомери была осуществлена с помощью смертельной инъекции в тюрьме Терре-Хот (штат Индиана)[1].

[1] В США впервые за 70 лет казнили женщину. URL: https://ria.ru/20210113/kazn https://ria.ru/20210113/kazn-1592823855.html 1592823855.html

Из всех штатов, в которых в настоящее время применяется смертная казнь, более всего практикует эту меру наказания Техас. Например, когда губернатором штата был Дж. Буш – младший, в исполнение было приведено 140 смертных приговоров (один человек был помилован). Современная статистика говорит о том, что за 2020 г. в США было казнено 17 человек: на федеральном уровне приговор приводился в исполнение 10 раз, в Техасе – 3 раза и лишь однажды – в Алабаме, Теннесси, Миссури и Джорджии. По состоянию на 1 октября 2020 г. в США в камерах смертников содержались 2 553 человека, часть из которых ожидает своего приговора десятилетиями.

Существенные изменения в XX в. претерпело трудовое право США. Как было отмечено выше, первым этапом реформирования сферы трудовых отношений было принятие 5 июля 1935 г. Закона Вагнера, который фактически легализовал деятельность профсоюзов по организации пикетов, стачек, по объединению рабочих в группы, а также запретил любое вмешательство предпринимателей в работу профсоюзов (с этого момента подобная деятельность квалифицируется как «нечестная трудовая практика».

Важно отметить, что принятие Закона Вагнера 1935 г. носило исключительно либеральный характер. Но следующий этап реформирования трудового законодательства характеризуется обратной направленностью. В 1947 г. в США был принят знаковый нормативный акт – Закон Тафта – Хартли, определяющий принципы вмешательства государства в область трудовых отношений. Многими исследователями отмечается этатистский характер указанного документа, который по сей день определяет вектор отношений между трудом и капиталом[1].

Названный по имени сенатора Р.А. Тафта (R.A. Taft) и члена палаты представителей Ф. Хартли (F. Hartley) закон фактически поставил профсоюзы под контроль государства, обязав их ежегодно представлять в министерство труда сведения организационного и финансового характера, а руководителей и активистов профсоюзов – под присягой заявлять о непринадлежности к Коммунистической партии (последнее положение было, однако,

[1] Корякова И.К. Профсоюзы США против законодательного ограничения их участия в избирательных кампаниях (1947–1948 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. – 2014. – № 3(27). – С. 55.

отменено в 1959 г.). Существенному ограничению Закон Тафта – Хартли подверг право на забастовки: с 1947 г. политические забастовки и забастовки солидарности были признаны незаконными. Кроме того, при проведении экономической забастовки профсоюз должен предварительно (за 60 дней) уведомлять об этом предпринимателя и специальный административный орган – Федеральную службу по посредничеству и примирению. Суды получили право выносить решения о прекращении забастовок. Наконец, существенно было ограничено право рабочих на заключение коллективного договора на условии «закрытого цеха» (прием на работу только членов данного профсоюза).

Критику профсоюзов вызвали положения закона, установившие прямые ограничения на осуществление союзами рабочих политической деятельности. Из наиболее значимых ограничений подобного плана – запрет на финансирование любых избирательных кампаний. В соответствии со ст. 304 Закона Тафта – Хартли, которая фактически изменила ст. 313 федерального закона против коррупции, принятого в 1925 г., профсоюзам не разрешалось делать взносы или расходы в связи с любыми федеральными выборами, включая праймериз[1].

Длительная борьба профсоюзов за отмену указанной статьи не привела к успеху, но профсоюзы добились права направлять финансовые средства на проведение «кампаний по просвещению избирателей». Под понятие «просвещение избирателей» подпадали различные действия, в том числе высказывания по политическим вопросам в профсоюзных газетах, выступление в СМИ с политическими дебатами и т. д. Поэтому с середины XX в. можно говорить о некоторых послаблениях в отношении участия профсоюзов в политической жизни государства.

Итак, в государственном и социально-политическом развитии США в XX в. можно наблюдать усиление роли государства в общественной и экономической жизни, отличающееся гибкостью и вариативностью государственной политики в кризисные периоды.

Вместе с тем кардинальных и ключевых изменений во всей системе правовых и государственных институтов США на про-

[1] Legislative History of the Labor Management Relations Act, 1947. – Vol. I. – Washington: U. S. Government Printing Office, 1985. – P. 27.

тяжении XX столетия не отмечено: рассмотренные в настоящей главе законодательные изменения, конституционные поправки имели своей целью приведение избирательного права, государственных институтов в соответствие изменявшимся социально-экономическим условиям, большинство из которых носило объективный характер.

5. Особенности развития государства и права Японии

5.1. Государственное развитие Японии до начала Второй мировой войны

На протяжении всей своей государственно-правовой истории японцы оставались одним из самых закрытых и самобытных народов планеты, что отразилось на становлении и эволюции соответствующих институтов политической организации общества и права. Ситуация начала меняться во второй половине XIX в., достигнув апогея при императоре Муцухито. В Новейшее время заимствование западного опыта государственно-правового строительства осуществлялось более интенсивно, что, однако, было обусловлено внешними факторами, важнейшим из которых стала захватническая милитаристская внешняя политика, поражение во Второй мировой войне и последующая оккупация Японии в 1945–1952 гг.

К моменту окончания Первой мировой войны Япония по форме правления являлась монархией, в политической системе которой тенденции либерализма были весьма сильны.

В первой половине 20-х гг. XX в. внутренняя политика Японии осложнялась глубоким экономическим кризисом, на фоне которого, пользуясь слабостью императора Тайсе (правил с 1912 по 1926 г.), парламент упрочивает свое политическое влияние, усиливаются демократические партии.

С приходом же к власти в 1926 г. нового императора Хирохито (правил с 1926 по 1989 г.) экономические потери правительство решило компенсировать захватом сопредельных территорий. С этой целью в 30-е гг. в Японии ужесточается политический режим, запрещаются оппозиционные политические силы, усиливается роль военных, которые все больше сращиваются с государственным аппаратом. В результате указанной политики Япония в 1931 г. оккупирует Манчжурию, где создает государство *Маньчжоу-Го* – по сути марионеточное государство, управлявшееся японской военной администрацией (просуществовало до 19 августа 1945 г.).

В ответ на критику мирового сообщества Япония выходит в 1933 г. из Лиги Наций, а с 1936 г., после назначения К. Хирота 32-м премьер-министром Японии, в стране начинает развиваться фашистская идеология, имевшая, однако, свои следующие особенности.

Во-первых, в Японии, в отличие от Германии и Италии, не сложилось массовое фашистское движение, а большинство предпринятых попыток его организации потерпели неудачу. Близок к успеху в установлении фашизма был Ф. Коноэ, 34-й премьер-министр Японии (1937–1939 гг.), основавший «Ассоциацию помощи трону». Однако фашистскую идеологию не поддержали судебные чиновники, оппозиционные силы в законодательной власти и даже военные, которые опасались оказаться под контролем гражданской организации. В результате движение ослабло, продемонстрировав свою неэффективность[1].

Усилия по организации массового фашистского движения предпринимали также менее влиятельные организации, например «Тохокаи» (Восточная ассоциация), которую возглавлял Накано Сейго (1936 г.), и «Аикоку Кинрото» (Патриотическая рабочая партия) под руководством Шимонака Ясабуро (1930 г.). По большому счету эти политические силы можно считать маргинальными и мало влиявшими на вектор японской внутренней политики.

Во-вторых, в отличие от европейского опыта, в Японии не оказалось лидера, способного объединить фашистски настроенные массы. Можно выделить харизматичного лидера Ф. Коноэ, но, несмотря на желание быть диктатором, он не проявил требуемой для этого решительности и жесткости. Более значительным в этом смысле являлся генерал Тодзио Хидеки (1884–1948), который сумел сосредоточить больше власти, чем иные политические лидеры. Будучи 40-м премьер-министром (1941–1944 гг.), он выполнял функции министра по снабжению вооруженных сил, министра иностранных дел, начальника Генерального штаба армии. Однако и он не стал фашистским лидером Японии.

[1] Спильман К. Размышления о фашизме в Новейшей истории Японии (1918–1941) // Берегиня.777. Сова . – 2016. – № 4(31). – С. 277.

В-третьих, все предпринятые попытки захвата власти фашистски настроенными силами не привели к реальным переворотам. Одной из причин называется тот факт, что в Японии попытку осуществить переворот предпринимали кадровые военные, а не фанатично настроенные гражданские лидеры. На протяжении всего милитаристского периода японцы соблюдали основные нормативные акты, а заметные репрессии японского правительства объясняются, как правило, военной ситуацией, а не фашизмом. Кроме того, историки отмечают, что репрессии в Японии по своей жестокости не шли ни в какое сравнение с практиковавшимися в фашистской Италии, нацистской Германии или франкистской Испании.

Оставаясь нефашистским государством в современном понимании этого термина, Япония тем не менее считалась в глазах современников фашистской страной, чему не в последнюю очередь служили военные союзы с гитлеровской Германией.

Сами же идеи фашизма в Японии имели сильное влияние среди политической элиты. Этим влиянием на японских военных, чиновников и политиков во многом объясняется вступление страны в военный союз с Германией и Италией. Также идеи фашизма способствовали проведению ряда радикальных преобразований, способствовавших введению в стране модели контролируемой государством экономики, преобразованию всего государственного аппарата в военизированную структуру.

Агрессивная милитаристская политика продолжилась в 1937 г. развязыванием войны с Китаем, а в 1940 г. – оккупацией Французского Индокитая (Вьетнама).

Участие Японии во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии явилось закономерным следствием той политики, которую проводило правительство, и сопровождалось огромными жертвами среди мирного населения (особенно после ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки). 14 августа 1945 г. император Хирохито принял решение о безоговорочной капитуляции Японии, а 2 сентября, находясь на борту линкора США «Миссури» в Токийском заливе, подписал ее.

5.2. Послевоенное государственно-правовое строительство Японии

Непосредственным последствием поражения Японии в войне стала ее оккупация войсками союзников и последовавшие за этим процессы по изменению основ государственного строя, отчасти напоминавшие по своей глобальности период «Мэйдзи Исин», что отмечал впоследствии премьер-министр Я. Накасонэ. Однако самобытность Японии проявилась и в процессе проведения реформ в течение всего оккупационного периода. Так, в отличие от оккупированной Германии, преобразования в Японии проводились не директивно (напрямую), а посредством функционирования институтов старой власти, с учетом японской системы национальных ценностей и традиций[1]. В итоге политическая система Японии пережила своеобразную преемственность поколений, гладкую трансформацию политической системы без разрыва связи времен. Наибольшую роль при этом сыграл *император*, сохранивший свой пост и ставший символом нации, своеобразным связующим звеном между старой милитаристской и новой демократической Японией.

После окончания войны под руководством стран антигитлеровской коалиции начинается так называемый «обратный курс», проводимый с целью полной и безвозвратной перестройки милитаристской Японии, построения правового государства, основанного на демократических принципах[2]. Все это осуществлялось в рамках периода оккупации Японии, продолжавшейся с 1945 по 1952 г.

Вдохновителями политики «обратного курса» можно считать представителей американской администрации, определивших основы нового политического курса Японии. Американское влияние прослеживается, например, в подготовке проекта основного закона Японии, нормы которого содержали, аналогично с Конституцией США 1787 г., положения о *конституционном*

[1] Саркисов К.О. Японский опыт трансформации: от «монархического конституционализма» к тоталитарной системе // Япония. – 2019. – № 48. – С. 255–256.

[2] История Японии: учеб. пособие / отв. ред. А.Е. Жуков. – Т. 2: 1868–1998. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИВ РАН, 1999. – С. 488.

надзоре[1], ряде иных политико-правовых институтов. Тесный контакт японского правительства с администрацией США послужил одним из оснований превращения Японии в ключевого политического союзника США в будущем противостоянии с СССР в рамках политики холодной войны. При этом, несмотря на определяющую и ключевую роль Соединенных Штатов в процессе послевоенной модернизации Японии, все реформы, проводившиеся на японской территории в оккупационный период, осуществлялись от имени всех стран-победительниц[2].

Государствами – победителями в войне была успешно проведена кампания по удалению из государственного аппарата Японии нежелательных для демократического японского режима лиц, произведены расследование и суд над основными военными преступниками. Наиболее заметными в этом плане можно выделить следующие судебные процессы.

1. *Токийский процесс* (другое название «Международный военный трибунал для Дальнего Востока»), продолжавшийся с 3 мая по 12 ноября 1948 г. В целях успешного проведения этого процесса был организован специальный судебный орган, куда вошли представители 11 государств: СССР, США, Великобритании, Китая, Канады, Австралии, Нидерландов, Франции, Индии, Новой Зеландии, Филиппин (по итогам разбирательств 16 обвиняемых приговорены к пожизненному заключению, 7 военных преступников были повешены 23 декабря 1948 г. в тюрьме Сугамо в Токио).

2. Хабаровский процесс, организованный по инициативе СССР в декабре 1949 г. На скамье подсудимых предстали 12 бывших военнослужащих японской Квантунской армии, которых обвиняли в создании и последующем боевом применении бактериологического оружия, что грубо нарушало положения Женевского протокола 1925 г. в период Второй мировой войны.

Демократизация Японии коснулась избирательного права и политической системы: с 1945 г. вводится всеобщее избирательное право, ставшее равным для мужчин и для женщин (воспользо-

[1] Саидов А.К. Сравнительное правоведение: учеб. пособие / отв. ред. В.А. Туманов. – Ташкент: Адолат, 1999. – С. 203.

[2] История Японии. Указ. соч. – С. 489.

ваться им разрешалось по достижении 20-летнего возраста); создаются условия для деятельности различных политических партий.

Изменения коснулись и института монаршей власти. Так, в самый разгар милитаристической активности в Японии, в 20–30-х гг. XX в., именно император считался лидером нации, первым лицом в государстве. Но сразу после капитуляции в 1946 г. император во время новогоднего обращения к нации публично отрекся от своего «божественного происхождения», что не имело ранее аналогов в японской истории. Этот момент можно считать символическим началом процесса демократизации и демилитаризации в Японии.

Конституция Японии 1946 г. История принятия Конституции Японии обусловлена, естественно, теми международно-политическими условиями, в которых оказалось японское государство после капитуляции.

Как уже отмечалось выше, главная роль в определении судьбы послевоенной Японии принадлежит США, которые занимали четкую антимонархическую позицию. С другой стороны, в сентябре 1945 г. японское правительство представило свой проект новой Конституции, которая фактически была копией конституционного текста 1889 г. с незначительными изменениями. Это, однако, не входило в интересы стран-победительниц, поэтому японский проект Конституции был отвергнут.

Японский институт монархической власти американцы в целом воспринимали как пережиток феодализма, вредную архаику и главный фактор отсталости и реакционности режима. Эти взгляды демонстрируют слова главнокомандующего Штабом союзных войск Д. Макартура, который подчеркивал, что одной из причин поражения Японии стал чрезмерный феодализм, доминировавший в этой изолированной стране, который привел к фанатической вере японцев в непобедимость ее армии и в целом в превосходство ее народа над остальными.

При этом характерно, что Д. Макартур, осуждая «чрезмерный феодализм», не упоминал императора, с которым имел неплохие личные отношения[1]. И именно Штаб генерала Д. Макартура в период оккупации Японии разработал проект новой

[1] Саркисов К.О. Указ. соч. – С. 557.

японской Конституции, который основывался на положениях Конституции США и Конституции СССР 1936 г. (например, считается, что принцип равноправия мужчин и женщин в Конституции Японии имеет своей основой положение Конституции СССР 1936 г.).

Главное внимание в Конституции 1946 г. уделялось *императору* и его власти. Первая статья лишила его титула суверена и наделила им японский народ: «Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей народа, которому принадлежит суверенная власть»[1]. При этом важно понимать, что статус императорской власти неуклонно снижался даже в довоенный период, когда роль императора сводилась к символическим функциям, а ключевых решений он не принимал (иногда косвенно мог повлиять на их принятие). Поэтому положения Конституции Японии 1946 г. можно считать логически и исторически обоснованными.

С другой стороны, монархические традиции в Японии остались сильны и по настоящее время. Действующий император Японии Нарухито (родился в 1960 г.) является символом государства и единства японского народа. В этом плане К.О. Саркисов справедливо отмечает, что «система Мэйдзи» сохранила себя, несмотря на поражение в войне[2].

Согласно Конституции император Японии имеет право на назначение премьер-министра по представлению парламента (очевидно, что это формальность, поскольку никакого активного участия в выборе его кандидатуры он не принимает), а также главного судьи Верховного суда по представлению правительства. Кроме того, к полномочиям императора Конституция 1946 г. относит:

– промульгацию поправок к Конституции, законов, правительственных указов и договоров;

– созыв парламента;

– роспуск палаты представителей;

– объявление всеобщих парламентских выборов;

---

[1] Конституция Японии. URL: https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf (дата обращения: 19.02.2022).

[2] Саркисов К.О. Указ. соч. – С. 261.

– подтверждение назначений и отставок государственных министров и других должностных лиц в соответствии с законом, а также полномочий и верительных грамот послов и посланников;

– подтверждение всеобщих и частичных амнистий, смягчения и отсрочки наказаний и восстановление в правах; пожалование наград;

– подтверждение ратификационных грамот и других дипломатических документов в соответствии с законом;

– прием иностранных послов и посланников;

- осуществление церемониала.

Беспрецедентным и не имевшим аналогов в государственно-правовой истории был отказ Японии от права на ведение войны и от собственной армии. Под влиянием стран-победительниц это было отражено в ст. 9 Конституции Японии 1946 г.: «…японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров»[1]. Необходимо отметить, что включение в Конституцию ст. 9 вызвало активные дискуссии как среди современников, так и в последующих поколениях. В дальнейшем (с 1954 г.) в Японии были созданы *силы самообороны*, которые по сути играют роль современной японской армии. К 1979 г. силы самообороны насчитывали серьезную ударную группу из 180 тыс. военнослужащих сухопутных войск в составе пяти армий, 12 пехотных дивизий, одной механизированной дивизии и пяти бригад (с вооружением более 1 300 артиллерийских орудий, более 800 танков, более 800 БТР, 350 зенитных орудий и установок, более 400 вертолетов и самолетов). На службу в военно-воздушных силах было принято около 45 тыс. военнослужащих и около 43 тыс. военнослужащих насчитывалось в военно-морских силах.

В течение второй половины XX в. парламент Японии принимал постановления о расширении сил самообороны и возможностей их использования (например, в 1980 г. их было разрешено использовать за границей государства для спасения находящихся там граждан Японии, а парламентом было признано право

[1] Конституция Японии / пер. на рус. яз. – Токио: Научно-исследовательский институт Евразии при Обществе «Япония – страны Евразии», 1995.

на вооружение сил самообороны химическим и бактериологическим оружием). В 2003 г. военный контингент из Японии участвовал в международной военной операции в Ираке (впервые в Новейшей истории).

К 2011 г. в составе сил самообороны Японии насчитывается уже почти 250 тыс. человек, при этом до конца не является понятным правовой статус этих формирований. Хотя Конституция Японии однозначно запрещает создание любых вооруженных формирований, они на территории государства имеются. Правительственные источники официально называют силы самообороны невоенной (гражданской) организацией, а также избегают употребления термина «армия».

Парламент Японии по Конституции 1946 г. является двухпалатным: состоит из палаты представителей и палаты советников, которые формируются выборным путем. Члены палаты представителей избирались на четыре года, а члены Палаты советников – на 6 лет, при этом каждые три года осуществлялась ротация половины состава палаты.

Исполнительную власть возглавляет *кабинет министров*, который по Конституции несет коллективную ответственность перед парламентом. Возглавляет кабинет премьер-министр, выдвигающийся из членов парламента.

После принятия Конституции Японии США, находясь в обстановке холодной войны, придерживались политики превращения Японии в своего главного союзника на Дальнем Востоке[1]. Поддержка США позволила успешно восстановить экономику, воссоздать вооруженные силы (силы самообороны).

С подписанием в сентябре 1951 г. Сан-Францисского мирного договора, вернувшего суверенитет Японии, американская оккупация в 1952 г. завершается. Помимо мирного договора, между Японией и США был подписан договор о гарантиях безопасности (1951 г.), в соответствии с которым Япония становилась союзником США, предоставляя право американцам создавать в Японии военные базы и содержать на них свои военные контингенты. Указанные международные договоры определили

[1] Афонин Б.М. Япония и бывшие страны-противники после окончания Второй мировой войны // Россия и АТР. – 2015. – № 3(89). – С. 28.

дальнейшее военно-политическое объединение двух государств, после чего в апреле 1952 г. между Японией и США были восстановлены дипломатические отношения.

Формально-правовое закрепление отношений Японии и США продолжилось в январе 1960 г. подписанием в Вашингтоне нового варианта японо-американского договора безопасности, закрепившего основы внешней политики этих стран на Дальнем Востоке. Наконец, в 1970 г. указанный договор был продлен на неопределенный срок, а позже страны дополняли его содержание новыми соглашениями.

Основным моментом, требовавшим корректировки в этих соглашениях, был пункт относительно оборонного сотрудничества между США и Японией, поскольку в соответствии с законом о расширении полномочий японских сил самообороны они получили право участвовать в боевых действиях за границей, поддерживать вооруженные силы иных государств.

Военно-политическому союзу с США японцы придают огромное значение, что находит отражение в программных документах (например, в «Синей книге по вопросам дипломатии», где заявляется о важной роли союзных отношений Японии и США, союз с США именуется «основой японской дипломатии и политики безопасности»).

Важным направлением в политике Японии в XX – начале XXI в. являются отношения с СССР (теперь с Российской Федерацией). Японо-российские отношения в послевоенный период развивались *неоднозначно* и *противоречиво*.

В первую очередь следует отметить, что восстановление дипломатических отношений между Японией и СССР, прерванных войной, состоялось лишь 19 октября 1956 г. благодаря подписанию Совместной декларации СССР и Японии, давшей импульс к развитию двусторонних отношений.

Главной проблемой при этом остается мирный договор, подписать который не удавалось ни с СССР, ни с Российской Федерацией. Принципиальным вопросом для Японии стали острова Южно-Курильской гряды (Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан), на суверенитет над которыми претендовала Япония, а Советский Союз подобные требования отвергал. Компромиссный вариант стороны смогли зафиксировать в ст. 9 декларации:

«СССР и Япония согласились на продолжение после восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров по заключению мирного договора. При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Сикотан (Шикотан) с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией»[1].

Активное развитие экономических и культурных связей Японии уже с Российской Федерацией никак не влияло на решение главного – территориального вопроса, который находился без движения. Один за одним премьер-министры Японии объявляли территориальный вопрос и его решение главным направлением своей политики, но никто не смог приблизиться к достижению компромисса с руководством Российской Федерации. Показателен опыт Синдзо Абэ, 57-го и 63-го премьер-министра Японии, который неоднократно заявлял о своей главной цели – решении территориального вопроса, однако ни многочисленные шаги в этом направлении, ни встречи с президентом России В.В. Путиным не способствовали какому-либо продвижению в этой сфере.

Отчасти причиной этого является и жесткая позиция официального Токио, стремящегося заключать мирный договор исключительно после перехода всех четырех спорных островов под суверенитет Японии.

Итогом таких жестких позиций Японии и России становится ситуация, когда спустя десятилетия после поражения Японии во Второй мировой войне в Азиатско-Тихоокеанском регионе нет геополитической стабильности. При этом лишь с США Япония смогла установить серьезные и прочные союзнические отношения.

[1] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Госполитиздат, 1960. – . Вып. 17-18. – С. 257–260.

5.3. Эволюция государственного аппарата и системы управления Японии на рубеже XX–XXI веков

Эволюция государственного аппарата и системы управления в 70–80-е гг. XX в., а также на рубеже столетий в целом проходила на основе принципов, закрепленных в Конституции 1946 г. Вместе с тем можно выделить и следующие трансформации.

Так, увеличение государственного аппарата Японии во второй половине XX в., сопровождавшееся снижением качества управленческих функций, потребовало проведения соответствующих реформ. Первым направлением изменений стало сокращение фактической численности государственных служащих[1]. Вместо увольнений правительство Японии предложило заморозить замещение освобождавшихся естественным путем должностей государственной службы, а также установить лимит численности государственного аппарата (по Закону 1969 г. он составил несколько более полумиллиона чиновников[2]).

Вторым направлением реформ государственного аппарата было сокращение его структурных единиц. Министерства получили право самостоятельно оптимизировать свою структуру, хотя качественных изменений в их деятельности не наблюдалось.

С 2001 г. в Японии проводилась *реформа структуры центрального правительственного аппарата*[3]. В первую очередь меняется статус кабинета министров и премьер-министра. Традиционно для XX в. считается, что в Японии действует модель с назначаемым парламентом премьер-министром и его кабинетом. Сфера исполнительной власти понималась как математическая сумма полномочий, принадлежащих конкретному министерству, административному подразделению. Теоретическая модель правительства, таким образом, предполагала, что Кабинет министров был лишь «агрегатом властей», растворяясь в своих подразделениях.

---

[1] Илышев А.В. О некоторых подходах к анализу государственной службы Японии как социального института // Япония 2003–2004. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 31.

[2] Стрельцов Д.В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. – М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 74.

[3] Анисимцев Н.В. Правовая эволюция государственного строя Японии: внешнеполитические следствия (прогноз) // Известия Восточного института. – 2004. – № 8. – С. 74–83.

Например, решение вопросов внешней политики отводилось на усмотрение Министерства иностранных дел, вопросов национальной безопасности – Управления национальной обороны Японии. Как отмечают многие специалисты, следствием такого понимания исполнительной власти стали излишний бюрократизм и ведомственность, а премьер-министр воспринимался как звено в иерархии органов, как первый среди равных министров кабинета.

Соответственно, все шаги, совершаемые главой кабинета, исходя из его собственного видения ситуации, считались нежелательными и всячески ограничивались.

Для выхода из сложившейся ситуации с 1996 по 2001 г. усилиями трех кабинетов – Р. Хасимото (Ryutaro Hashimoto), К. Обути (Keizo Obuchi) и Е. Мори (Yoshird Mori), были проведены реформы, призванные решить следующие задачи: а) усилить роль премьер-министра и наделить его полномочиями по самостоятельному формулированию политических инициатив; б) усилить кабинет министров в качестве института агрегирования политики; в) освободить центральные структуры от рутинной работы путем делегирования части функций нижестоящим органам; г) усилить контроль над бюрократией со стороны политиков; д) определить новое место государства в системе публичных отношений: от государства всеобщего благосостояния к малому, но сильному государству в духе неоконсерватизма.

Для повышения эффективности работы кабинету и премьеру создают аналитические, координирующие и планирующие органы: *Секретариат кабинета* (Найкаку-камбо), *Канцелярию кабинета* (Найка-ку-фу), новое Министерство общих дел. В соответствии с реформой министерства должны обеспечивать практическую реализацию политического курса кабинета министров.

Реформа предполагала применение новых принципов подбора кадров в аппарат кабинета министров: теперь в дополнение к возможности привлекать к работе кадровых чиновников открывается возможность задействовать в работу аппарата ученых, политиков, бизнесменов и других профессионалов своего дела. Получив такое право, премьер-министры Японии стали привлекать на службу непрофессиональных чиновников, обходить классическое сопротивление бюрократии любым изменениям.

В начале XXI в. в современной Японии одним из активно обсуждаемых нововведений является предложение о введении прямого избрания премьер-министра на основании всеобщих выборов с последующим конституционным расширением его полномочий. Основная причина выдвинутого предложения – медлительность системы исполнительной власти в Японии, неспособность оперативно реагировать на изменяющуюся обстановку во внутренней политике.

Подобные предложения касаются и возможного изменения деятельности верхней палаты японского парламента – палаты советников. Предлагается ограничить прерогативы этой палаты, передав основную часть в ведение нижней палаты. В смысле перераспределения важным представляется обсуждаемое возможное изменение порядка голосования по кандидатуре премьер-министра, которое по Конституции 1946 г. проходит в обеих палатах. Предлагается передать право голосовать по кандидатуре исключительно нижней палате.

В конце XX в. происходят изменения и в системе местного самоуправления, которая в Японии разделена на два уровня: *префектуры* (всего в стране 47 административных единиц высшего уровня, среди которых выделяют столичную токийскую префектуру, одно губернаторство – Хоккайдо, две городские префектуры) и уровень муниципалитетов (города, поселки, уезды).

Система местного самоуправления была внедрена еще в 1871 г., и с тех пор одной из основных проблем длительное время являлась финансовая и политическая зависимость местных органов от центральных. Зависимые в материальном плане муниципалитеты вынуждены были в обязательном порядке исполнять ряд функций центрального правительства, объем которых составлял примерно 40% на уровне муниципалитетов и около 70– 80% – на уровне префектур. Зависимость местных органов носила и организационный характер, поскольку главы местных органов власти несли ответственность (вплоть до снятия с должностей) перед Министерством по делам местного самоуправления за любое неисполнение директив правительства Японии. В ходе проведенной реформы в самом начале 90-х гг. XX в. право на отстранение губернаторов за неисполнение центральных указов было ликвидировано. Вместе с этим японцы добились создания судебного

механизма рассмотрения споров между губернатором и министром по делам местного самоуправления (в большинстве случаев поводом к рассмотрению являлись нарушения порядка формирования поручений для местных органов власти[1]).

Еще одним направлением возможного реформирования системы местного самоуправления Японии было объединение муниципальных органов в более крупные структуры, однако конкретные законодательные шаги в этом плане предприняты не были.

Всего же в ходе реформ системы местных органов власти с 1994 по 2000 г. было принято почти полтысячи нормативных правовых актов, которые в своей совокупности позволили японцам добиться следующих результатов.

1. Были четко определены принципы и условия вмешательства государственных органов и структур в сферу местного самоуправления, закреплены границы автономности местных органов; в качестве главных принципов подтверждена незыблемость законности и открытости работы местных органов.

2. Были разграничены функции, компетенция и предметы ведения местных и центральных органов власти путем окончательного закрепления ряда из них за префектурами и муниципалитетами, а другой части – за местными представительствами исполнительных органов власти. При этом ряд полномочий и функций по решению местных вопросов получил статус делегируемых (изначально полномочия являются центральными, но передаются на места для более эффективного их осуществления). Подобное делегирование в Японии сопровождалось уточнением ответственности местных органов перед центральными за осуществление соответствующих полномочий.

3. Было расформировано устаревшее и неэффективно действовавшее Министерство по делам местного самоуправления с переходом его функций к Министерству общих дел Японии.

4. Был создан действенный механизм взаимодействия по урегулированию споров между правительственными структурами Японии и органами местного самоуправления, который позволил гораздо более оперативно разрешать споры в досудебном порядке.

---

[1] Сапрыкин Д.А. Эволюция местного самоуправления в Японии в XIX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – С. 25.

5.4. Изменения в политической системе в начале XXI века

Политическая система Японии в современном виде есть результат действия многих факторов – исторического, географического, геополитического и других, в том числе не в последнюю очередь демографического. Справедливо в этом плане заявляется, что на современную модель политической системы Японии повлияла относительная этническая гомогенность японского общества: представители иных этносов в Японии сегодня составляют всего лишь около 1% населения[1].

В период оккупации и позже усилиями в первую очередь США в Японии была создана традиционная для Запада модель политической системы с характерной структурой высшей власти и взаимоотношений между ее элементами. Институционально в Японии успешно закреплен принцип разделения властей, сформирована система сдержек и противовесов, проводятся открытые демократические выборы (опять же в соответствии с самыми высокими стандартами демократичности и прозрачности), создана многопартийная система. Однако если применить функциональный подход к исследованию политической системы Японии, то сразу будут заметны ее определенные специфические характеристики.

Например, японцы и в XX, и в XXI столетии используют для принятия важнейших и ключевых государственных решений практику кулуарных (закулисных) переговоров лидеров парламентских фракций с представителями крупного бизнеса и политических элит, и уже после этого вопросы выносятся на широкое обсуждение с привлечением парламента и научных кругов. Понятно, что кулуарность свойственна многим западным державам, но в Японии это выражено наиболее ярко. Сюда же можно отнести и высокую степень аполитичности простых японцев, которых в большей степени волнуют проблемы достижения благосостояния и социальной защищенности. Часто это объясняется высокой степенью патернализма власти в японском обществе, имеющего глубокие исторические корни.

---

[1] Политическая система современной Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 9.

Исторические корни и верность традиции проявляются в японском обществе и политической системе во многом, но более всего – в отношении к императору и в целом к институту императорской власти. 126-й император Японии Нарухито с императрицей Масако очень почитаемы японцами, которые не только не собираются отказываться от императорской династии, но не хотят вносить никаких изменений в правовой статус императорской семьи. По мнению большинства японцев, статус императора как символа государства и единства нации наиболее удачно сочетается с идеей народного суверенитета. Особенностью японского института монаршей власти является то, что император Нарухито с супругой, в отличие от европейских монархов, отстраняются от простых японцев, не часто становятся объектами обсуждения в прессе, избегают излишней публичности (с этой задачей успешно справляется *Управление императорского двора* Японии).

Важно отметить, что в современной политической системе Японии на протяжении всего послевоенного периода сохранялись силы, стремившиеся к восстановлению имперских методов осуществления власти, изменению Конституции 1946 г. и исключению из нее ст. 9 о невозможности иметь вооруженные силы. Однако эти силы подавлялись общим стремлением к либерализации политической системы и экономики Японии. Последнему направлению также уделялось немалое внимание, проведены соответствующие реформы в государственном аппарате, показавшие свою эффективность.

В частности, для административного управления экономикой созданы не только классические властные институты (министерства), но и так называемые «квазиадминистративные» органы – специальные административные субъекты. К их числу относят различные крупные фирмы и корпорации, связанные с государством и образующие так называемый *третий сектор* японской экономики (смешанный сектор, созданный наряду с государственным и частным).

5.5. Развитие права

Система права Японии до 1946 г. развивалась по буржуазно-демократическим принципам, установленным еще в период революции Мэйдзи. Однако после капитуляции Японии во Второй мировой войне, а также в результате оккупации ее территории демократические процессы в государственном управлении отразились непосредственно и на модернизации правовой системы, которая стала отражением успешного процесса формирования правового государства и гражданского общества.

Правовая система Японии, основанная на положениях Конституции 1946 г., сочетает в себе принципы современной буржуазной демократии: разделение властей и взаимный контроль всех ветвей власти, демократизм в избирательной системе, приоритет либеральных принципов при закреплении и реализации прав и свобод человека и гражданина – в конституционном праве[1], открытость и свобода имущественных отношений – в гражданском праве, равенство супругов – в семейном праве, гуманизм – в уголовном праве Японии.

Систему японского права можно охарактеризовать преобладанием элементов континентальной системы права, что стало следствием заимствования основных западных правовых институтов и принципов. При этом существенное значение в Японии сохраняет прецедент: в большом количестве судебные решения и их мотивировочные части цитируются при принятии аналогичных решений судами различных инстанций.

Особенностью правовой системы Японии является неопределенность в вопросе о юридической силе норм международных договоров и соотношении их с национальным законодательством. В соответствии с доктриной японского права национальное законодательство и международные договоры Японии обладают равной силой, однако в случае коллизии норм приоритет отдается национальному законодательству.

Что касается эволюции отдельных отраслей японского права, в первую очередь следует отметить гражданское право, которое

[1] Анисимцев Н.В. Правовая эволюция государственного строя Японии: внешнеполитические следствия (прогноз) // Известия Восточного института. – 2004. – № 8. – С. 74.

продолжает модернизироваться с активизацией гражданского оборота. Основным источником гражданского права является Гражданский кодекс 1898 г. с существенными изменениями, внесенными в него в 1947 г. Процессуальные гражданские отношения регулируются принятым в 1996 г. и вступившим в действие в 1998 г. Гражданско-процессуальным кодексом Японии. К задачам процессуального законодательства относят решение проблемы сокращения сроков рассмотрения гражданских дел.

Особенностью трудового права Японии является отсутствие единого кодекса законов о труде. Вместо этого в стране действует масса законодательных актов, регулирующих как индивидуальные трудовые, так и коллективные трудовые отношения. Япония в XX в. превратилась в высокоразвитое социальное государство, чему во многом способствовали законодательные акты в сфере социального обеспечения, здравоохранения и пенсионных гарантий.

Похожая ситуация и в уголовном праве, где основным источником является Уголовный кодекс 1908 г. (с последующими изменениями и дополнениями), а также иные «специальные законы». Последних в Японии насчитывается около 30, при этом именно они, а не действующий УК закрепляют некоторые составы преступлений. Традиционно Япония считается одним из самых благополучных государств мира в плане уровня преступности.

Отличительной особенностью уголовно-процессуального законодательства Японии являются длительные сроки судебных разбирательств, а также активное применение так называемых «непринудительных мер» в ходе расследования преступлений.

В структуре судебной системы Японии выделяют Верховный суд, высшие суды (в количестве восьми апелляционных инстанций в крупнейших городах страны), около 50 местных судов, систему семейных и дисциплинарных судов.

Таким образом, подводя итог рассмотрению государственно-правового развития Японии в Новейшее время, можно прийти к выводу, что после Второй мировой войны эволюция японских государственных и правовых институтов была обусловлена в большей степени внешними факторами. К началу XXI в. Япония представляет собой развитое демократическое государство, сочетающее передовые западные демократические принципы и традиционные подходы к государственному строительству.

6. Государство и право Китая

6.1. Государственно-правовое развитие Китая после Синьхайской революции

Без сомнения определяющим государственно-правовым событием в новейшей истории Китая стала *Синьхайская революция*, которая сама явилась следствием бурного развития социально-политических событий рубежа XIX–XX вв., при этом определив векторы дальнейшего развития государства в первой половине XX столетия.

Как и во многих других многочисленных исторических примерах, революционная ситуация к 1911 г. в Китае была вызвана социально-экономической политикой в целом, а также налоговой политикой цинского правительства на рубеже веков и в первые годы XX столетия. В первую очередь изменение фискальной политики Китая было вызвано особенностями внешней политики государства, а именно выплата контрибуции Японии требовала усиления налогового бремени для всего населения Китая. Не последнюю роль в создании напряженности сыграла необходимость выплаты контрибуций западным державам в результате *Ихэтуаньского восстания*, а также «миссионерских вознаграждений» за разрушенные христианские больницы, храмы, школы и т. д. Фактически кризисные явления охватили не только китайских крестьян, но также и представителей крупной земельной собственности, а это, в свою очередь, вызвало политические противоречия, нарастание недовольства действиями во внутренней политике маньчжурской династии.

Условия, предпосылки и причины Синьхайской революции 1911–1912 гг. (в результате которой шестилетний император *Пу И* отрекся от престола, а в стране было создано Временное правительство во главе с Сунь Ятсеном и провозглашена Китайская Республика) многими учеными сравниваются с так называемым «*Движением 4 мая*» 1919 г. – массовым антиимпериалистическим и антияпонским движением в Китае в мае – июне 1919 г., инспирированным не только реакцией на унизительное для Китая решение Парижской мирной конференции по результатам Первой

мировой войны, но и общим негативным восприятием империализма в Китае. По итогам работы Парижской мирной конференции Китаю не были возвращены захваченные ранее Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. Начавшееся 4 мая 1919 г. в Пекине в ходе студенческой демонстрации (участвовало более 3000 студентов Пекина) массовое антиимпериалистическое движение переросло в масштабные выступления рабочих и широких слоев средней и мелкой городской буржуазии.

Указанные события в целом можно считать революцией не только в плане коренного изменения формы правления, но и поворотным событием в социально-политической и культурной жизни Китая, поскольку после заявления правительства о непризнании Версальского мирного договора последовали отставки скомпрометировавших себя представителей высшей власти, ускорился процесс распространения марксизма, изменение во взглядах интеллектуальной элиты Китая. Так, отмечается, что события, последовавшие после 4 мая 1919 г., привели к формированию критического отношения к традиционной китайской историографии, переосмыслению республиканских основ и форм осуществления власти, появлению новых требований к развитию системы образования, а также распространению новых политико-правовых теорий и взглядов (в первую очередь, социализма и социал-дарвинизма).

Результатом рассмотренных событий и процессов стало скачкообразное развитие политической системы Китая, которая формировалась в ходе ожесточенной борьбы сторонников Сунь Ятсена и временного президента Китайской Республики Юань Шикая.

Основными политическими силами на рубеже 10–20-х гг. XX в. в Китае были националистическая партия *Гоминьдан*, созданная под руководством Сунь Ятсена (иероглиф «*го*» в названии партии означал государство, иероглиф «*минь*» символизировал народ, а «*дан*» – партию[1]), и созданная в 1921 г. в результате переговоров между Коминтерном и китайскими марксистами *Коммунистическая партия Китая* (КПК).

[1] Поликарпова Е.В. Трансформация китайской государственности в Новое и Новейшее время // Lex Russica. – 2016. – № 2(111). – С. 157.

Возглавляемая Сунь Ятсеном партия *Гоминьдан* начала борьбу за усиление своего политического влияния, и с этой целью была создана даже собственная партийная армия (по мнению лидера партии, не подкрепленное преданными вооруженными силами революционное партийное движение обречено на проигрыш). В 1924 г. состоялся 1-й Конгресс Гоминьдана (в нем принимали участие также некоторые коммунисты), в результате работы которого провозглашается политика борьбы за суверенитет Китая единым фронтом. Средством для достижения успеха Сунь Ятсен считал построение строгой партийной дисциплины и создание централизованного политического ядра – партии (многие принципы работы Сунь Ятсен перенял от советской революционной модели).

На первых этапах развития двух политических сил (Гоминьдана и КПК) наблюдалась их кооперация. Так, с целью объединить все антиимпериалистические силы Китая в 1923 г. коммунисты приняли решение о вступлении в партию Сунь Ятсена (вместе с его Гоминьданом), главным же условием было сохранение идейной и организационной самостоятельности. Однако после смерти Суть Ятсена КПК действовала самостоятельно.

Со смертью Сунь Ятсена в марте 1925 г. его партия перешла к активным действиям. В частности, 1 июля 1925 г. гуанчжоуское правительство Гоминьдана объявляет себя *Национальным правительством Китая*, заявляет о начале борьбы за объединение страны. Лидером партии начиная с весны 1926 г. становится Чан Кайши (1887–1975), занимавший пост главнокомандующего 1-й национальной революционной армии (на более ранних этапах он занимал должность начальника военной школы Вампу, готовившей кадры для революционной армии партии Гоминьдан, а также начальника Генерального штаба). В июле 1926 г. в ходе наступления гоминдановских войск (получило название «Северный поход») войска генералов-милитаристов были разгромлены. Именно военные части становятся фундаментом, на котором строится новая власть в захваченных провинциях. На этих территориях наблюдается объединение административно-политической и военной функций, сращивание государственного и партийного аппарата. В этом смысле следует отметить, что подобные тенденции не были новым явлением для Китая, но, наоборот, шли в русле

конфуцианских китайских традиций, поскольку именно конфуцианство воспринималось как олицетворение бюрократии, единства государственного и партийного начала.

После устранения прежних политических лидеров весной 1927 г. Чан Кайши объявляет о создании собственного Национального правительства в Шанхае, столицей которого стал Нанкин. С этим событием связывается окончательное объединение Китая. Основными политическими силами в стране (за исключением, конечно, коммунистов, которые резко осудили свершившийся переворот) правительство Чан Кайши было признано и одобрено. Коммунисты же приступили к планомерной революционной борьбе за власть.

Официально Центральный исполнительный комитет партии Гоминьдан объявил о конце военной фазы революции в конце 1928 г., анонсировав масштабные политические преобразования. Представители партии получили в наследство право владения казенными предприятиями, установив следующие направления развития:

а) дальнейшее укрепление государственного сектора экономики как основа социально-экономической политики;

б) создание действенного и эффективного механизма планирования и государственного контроля за темпами и качеством экономического развития;

в) ограничение привилегий иностранного (как правило, японского и английского) капитала;

г) наращивание в государственном секторе экономики доли национального капитала с одновременным уменьшением влияния колониального капитала.

Помимо этого, Чан Кайши стремился создать сильное государство с опорой на традиционные китайские методы регулирования экономических отношений и социальной сферы: сосредоточение экономических и политических интересов в одних руках, передача государству полномочий верховного собственника и верховного субъекта власти.

Указанные изменения и направления государственного строительства были закреплены в 1931 г. во Временной конституции. В стране периода расцвета политической опеки главой государства был провозглашен Центральный исполнительный

комитет партии Гоминьдан, сам же Чан Кайши возглавил китайское правительство.

В 30-е гг. внутреннее развитие Китая было осложнено внешними факторами, основным из которых стала японская оккупация значительной части восточного побережья Китая в июле 1937 г., включая Шанхай и Пекин. Важнейшие в экономическом отношении районы Китая, а также крупнейшие городские агломерации (например, Гуанчжоу вместе с Нанкином, Ухань) также были заняты японцами в 1938 г. Следствием указанных процессов стало образование в Маньчжурии марионеточного государства *Маньчжоу-Го,* которое возглавил последний император Пу И. В Нанкине было сформировано правительство Ван Цзинвэя, бывшего лидера Гоминьдана.

В науке небезосновательно отмечается, что в течение всего 14-летнего периода существования Маньчжоу-Го реальной власти не имели ни правительство во главе с премьер-министром, ни император Пу И. Отчасти этот факт доказывается тем, что каждому министру марионеточного правительства предписывалось иметь заместителя-японца, который и решал фактически все ключевые вопросы внутренней и внешней политики[1].

В ходе политики сопротивления Японии Чан Кайши, переместившийся на запад Китая, опирался в первую очередь на помощь союзников по антигитлеровской коалиции.

Параллельно с указанными событиями в южной части Центрального Китая в 1931 г. провозглашается Китайская Советская Республика, население которой насчитывало несколько миллионов человек. Во главе Временного правительства республики встал Мао Цзэдун[2], под чьим руководством Красная армия успешно противостояла четырем карательным экспедициям правительственных войск.

Ситуация изменилась в 1934 г., когда в ходе пятой военной операции «по умиротворению» правительственная армия, насчитывавшая около полумиллиона бойцов, смогла заблокировать советские районы Центрального Китая. Последовавшие вслед за этим тяжелые бои, сопровождавшиеся многочисленными потерями

[1] Поликарпова Е.В. Указ. соч. – С. 162.

[2] Там же. – С. 161.

Красной армии, закончились тем, что армия, вырвавшись из окружения, отступила на северо-запад Китая. Отступление армии получило символическое название «Великий поход». Действительно, отступление армии сопровождалось преодолением многочисленных ущелий и гор, бурных горных рек и иных препятствий, непрерывными боями с вооруженными отрядами Гоминьдана.

К 1935 г. Красная армия вышла к северо-западной провинции Шэнси, где в г. Яньане, расположенном в горной местности, был создан «советский район». Именно там, в переоборудованных пещерах жили лидеры Коммунистической партии Китая более 10 лет, планомерно разрабатывая стратегию военной и политической борьбы.

События 1937–1940 гг. явились в целом продолжением военно-политического противостояния КПК и партии Гоминьдан. Чан Кайши стремился ликвидировать всех коммунистических лидеров. Подобным образом были настроены и лидеры КПК. Необходимо понимать, что нежелание КПК идти на союз с чанкайшистами подкреплялось весьма обширными контролируемыми территориями Северо-Западного Китая, на которых проживало весьма внушительное население – до 100 млн человек.

В свое время в руководстве КПК серьезно обсуждался вопрос о создании единого антияпонского фронта вместе с гоминьдановцами, однако с приходом к власти в КПК в 1935 г. Мао Цзэдуна это направление было признано ошибочным. Коммунистические революционные военные силы вели борьбу как с японцами, так и с чанкайшистами, поставив задачу получения контроля над всем Китаем.

Опорой в этом плане для КПК было китайское крестьянство, видевшее в коммунистах сплоченную организацию с сильной централизованной властью, основной целью которой являлось восстановление социальной справедливости.

Тем не менее серьезная угроза войны с Японией, а также ее неотвратимость, ставшая очевидной для представителей обеих противодействующих сил, привела к тому, что весной 1937 г. они заключили соглашение. В результате достигнутой договоренности руководство Гоминьдана должно было остановить карательные акции, а лидеры КПК обязались считать «советские районы»

особыми районами Китая и отказаться от названия «Красная армия» (она сохраняла фактическую самостоятельность, но должна была считаться частью Национально-революционной армии Китая). При этом обе противоборствовавшие ранее стороны подчеркивали приверженность народным принципам Сунь Ятсена.

К 1940 г. Китай фактически представлял собой три разрозненные территории: одна контролировалась японцами и их марионетками; вторая – Гоминьданом; третья – КПК. Правительство Китайской Республики находилось в эвакуации в расположенном на западе страны городе Чунцин, а вооруженные силы компартии действовали в освобожденных районах Северного и Центрального Китая. При этом в освобожденных районах коммунисты во главе с Мао Цзедуном провозгласили курс на формирование новодемократического государства на основе «трех народных принципов» Сунь Ятсена[1]. В частности, начиная с 1940 г. формирование политической власти в Пограничном районе происходило по системе трех третей: третья часть мест в органах власти отдавалась членам КПК (беднейшее крестьянство и пролетариат), еще одна треть – прогрессивным левым элементам (как правило, представителям мелкой буржуазии), оставшаяся треть – промежуточным элементам (по Мао Цзэдуну, это средние классы, состоявшие из представителей передовых помещиков и средней буржуазии[2].

Что касается формально-юридической основы китайской государственности, то главной ее особенностью являлось действие двух основных законов – Временной Конституции Китайской Республики 1912 г. (разработана под руководством Сунь Ятсена) и Конституции Китайской Республики 1923 г. (принята под давлением милитаристов и распространяла свое действие фактически лишь на северные и центральные китайские провинции, так как южные территории были под контролем кантонского правительства Сунь Ятсена).

Конституция 1912 г. содержала ряд буржуазных принципов, например, в соответствии с принципом разделения властей высшей законодательной властью в унитарном Китае наделялся

[1] Смирнов Д.А. К вопросу об идейных истоках теории «Новой демократии» Мао Цзэдуна // Общество и государство в Китае. – 2012. – № 1. – С. 382.

[2] Там же.

двухпалатный парламент (сенат и палата представителей), получивший право вынесения вотума недоверия правительству. Главой исполнительной власти и государства в целом провозглашался избираемый на пять лет президент республики, обладавший широкими полномочиями по ведению внутренней и внешней политики. Провозгласив свободу слова, равенство всех граждан перед законом, свободу вероисповедания, тайну переписки и иные демократические ценности, Конституция тем не менее не закрепила принцип всеобщих и равных выборов. Так, для участия в выборах был предусмотрен возрастной ценз (21 год), ценз оседлости (гражданин должен был проживать в избирательном округе не менее двух лет), имущественный ценз (избиратель должен был платить прямой налог или обладать определенным имуществом). При этом выборы были косвенными: сначала избирались выборщики, а потом уже непосредственно депутаты парламента.

Принцип разделения властей был закреплен и в Конституции 1923 г. В системе высшей власти выделяется двухпалатный парламент и избираемый на пять лет президент. Правительство (Государственный совет) несло ответственность перед парламентом (палатой представителей).

В 1947 г. вступила в силу Конституция Китайской Республики, разработанная партийным руководством Гоминьдана. Ее структура и содержание отражали положения теории государственного строительства Сунь Ятсена, а именно: в системе власти выделялось пять ветвей (они осуществлялись законодательными, исполнительными и судебными органами, а также традиционной для Китая экзаменационной и контрольной палатами); граждане получили ряд политических прав, в том числе избирать и отзывать представителей, право законодательной инициативы и др.; закреплялось существование национальных автономий с подчинением центральному правительству. С многочисленными поправками Конституция 1947 г. действует и по сегодняшний день в Тайване.

Право Китайской Республики в первой половине XX в. Свершение Синьхайской революции со всей очевидностью перенаправляло вектор государственного развития с традиционного на буржуазный. Изменения не обошли и правовую надстройку, а возможно, в первую очередь ее коснулись. Главной целью китай-

ского революционного законодательства было модернизировать старое традиционное китайское право и защитить интересы буржуазии.

В первую очередь следует выделить принятое в 1912 г. Уголовное уложение (с 1928 г. – Уголовный кодекс Китая), в котором первоначально выделялось 411 статей с последующим сокращением этого количества до 357. Этот документ был основан на буржуазных принципах уголовного законодательства таких европейских государств, как Германия и Франция, поэтому имел ярко выраженную классовую направленность и в первую очередь защищал интересы буржуазии (достаточно сказать, что для защиты интересов буржуазии вводились смертная казнь и каторжные работы).

Из наиболее ярких нововведений уголовного закона можно выделить закрепленный принцип невозможности назначения наказания по аналогии, а также минимизация абстрактных норм с неопределенными санкциями. Уголовное уложение, а потом и Уголовный кодекс содержали ряд статей с подробной регламентацией института вины, случаев соучастия в преступлении, возможностей досрочного освобождения от наказания, а также классификацией наказаний (в первую очередь телесных).

Начиная с 1928 г. в уголовное законодательство вносятся изменения, вызванные объединением страны после Северного похода и связанные с внедрением конфуцианских основ. Так, в Уголовном кодексе получили отражение такие традиционные институты уголовного права, как оригинальная трактовка соучастия, выкуп от наказания и т. д.

Вместе с тем после прихода к власти Чан Кайши уголовное законодательство и уголовно-правовые репрессии существенно ужесточаются, в законе появляются такие категории, как «опасные мысли», «преступные намерения», что говорит о введении ответственности не за деяния, а за мысли, что, безусловно, является шагом назад в плане юридической техники и уровня развития права. Фактически можно говорить о том, что уголовное законодательство возвратилось к принципам действовавшего еще с 1646 г. свода законов *Дацин люйли*, в котором для правоприменителя в качестве основного аспекта предписывалось анализировать именно субъективную сторону преступления. Соответственно,

кодекс 1928 г. также относил к категории главных преступников подстрекателей и организаторов преступления (при этом часто последние даже не участвовали в совершении преступления физически). Дальнейшее развитие принципы уголовного права, закрепленные в Дацин люйли, получили в Уголовном кодексе редакции 1935 г., доказательством чему служит норма, предписывавшая привлекать к ответственности подстрекателя даже тогда, когда реальный исполнитель не смог довести задуманное до логического завершения, т. е. не было реализации преступных намерений.

В ст. 41 Уголовного кодекса Китая 1935 г. был закреплен также институт выкупа наказаний, который можно с полным правом считать традиционным для китайского правосознания и правовой культуры. Например, если судья обоснованно опасался, что приговор не будет исполнен по причине семейного статуса осужденного либо исходя из его личных качеств или по каким-либо иным соображениям, то он имел право заменить наказание и назначить эквивалентную тюремному заключению или аресту сумму штрафа (как правило, это была сумма в пределах 1–3 юаней).

Изменения коснулись и гражданского права, которое должно было регулировать изменившиеся в ходе революции отношения, обеспечивать гражданский оборот. При этом и в сфере частноправовых отношений можно отметить противоречивость и дуализм китайской системы права. В частности, в 20–30-е гг. XX в. происходит ряд преобразований, направленных на восстановление традиционных принципов регулирования гражданско-правовой сферы. При этом сам гражданский оборот был несвободен от государственного воздействия на субъектов предпринимательства и экономической деятельности.

Дуализм в гражданском праве проявлялся еще и в том, что наряду с традиционными принципами принимается ряд весьма прогрессивных нормативных правовых актов, среди которых можно указать Лесной устав 1915 г. и Горнопромышленный устав 1914 г.

В течение нескольких лет в Китае разрабатывался проект кодифицированного правового акта в области гражданского права, и к 1931 г. он был, наконец, принят в форме Гражданского кодекса Китайской Республики. Кодекс в своей основе имел прин-

ципы гражданского права Германии (Германское гражданское уложение) и Японии, хотя и содержал ряд уникальных и самобытных положений. Например, можно выделить весьма слабую и неподробную регламентацию отдельных гражданско-правовых институтов, предполагавшую решение ряда спорных моментов в соответствии с традиционными китайскими ценностями, нормами обычного права и основываясь на традиционном правосознании китайцев. В этом, как представляется, находит выражение имеющее многовековую историю неприятие правовых регуляторов; явное предпочтение в Китае отдается нормам традиций и обычаев.

Вместе с тем в Китае был принят ряд законов, регламентировавших отдельные стороны гражданского оборота. Например, в сфере торговли и промышленности действовали такие нормативные акты, как Закон о банковской деятельности 1930 г., Закон о товарных знаках и ценных бумагах 1930 г., а в 1933–1935 гг. активно развивалось законодательство о патентной и страховой деятельности.

В отсутствие ряда норм права в силу вышеуказанных причин более активную роль в правовой системе Китая начинает играть Верховный суд, своими решениями по сути выполняющий функции квазиправотворческого органа. Деятельность Верховного суда в определенной степени способствовала адаптации традиционных принципов и сочетанию их с буржуазными основами, закрепившимися в гоминьдановский период. Активно использовались достижения западноевропейской правовой доктрины для разрешения возникавших споров между предпринимателями и иными субъектами хозяйственной деятельности.

Развитие страны в постреволюционный период требовало разработки и внедрения социально-правовых и трудовых норм права. Эта деятельность приобретает особый размах в 20–30-е гг. XX в., чему способствовала активная позиция Чан Кайши по этим вопросам. В результате в Китае вводятся в действие правила работы арбитражных комиссий, многочисленные правила урегулирования споров предпринимателей и рабочих (в основном в портовых и прибрежных зонах).

Социально-трудовое законодательство Китая этого периода отличается императивностью и жесткостью, которая проявлялась,

например, во введении строгой обязанности обращения в арбитражные и иные примирительные комиссии в случае наличия споров между рабочими и руководством предприятий. Нарушение таких социальных норм каралось уголовной ответственностью с возможностью применения тюремного заключения для нарушителей. Жестко регламентировались забастовки, а в период разрешения вышеуказанных споров они и вовсе запрещались. Принятый в 1928 г. так называемый Фабричный закон регламентировал рабочее время и время отдыха, устанавливал четкие и понятные условия труда, регулировал отношения в сфере найма рабочей силы, трудового страхования и многие иные аспекты фабричной жизни.

Еще одной особенностью социального законодательства в постреволюционный период была декларативность норм: отношения найма, ряд требований к условиям труда лишь рекомендовались к исполнению, а в отношении ряда категорий рабочих и вовсе не распространялись (до наступления соответствующих условий).

Реформы гоминьдановского правительства и законодателей в области права, направленные на систематизацию и унификацию законодательства на всей территории Китая, во многом остались фикцией, равно как нереализованной осталась главная цель – тотальная модернизация правовой сферы Китая. Существенным фактором, затруднявшим поставленную задачу, была раздробленность страны: возможности гоминьдановского правительства были ограничены, его юрисдикция и полномочия распространялись до северно-восточных областей и ряда приморских районов.

6.2. Изменения в государстве и праве Китая после Второй мировой войны

Период Второй мировой войны для Новейшей истории Китая характеризуется продолжением противостояния вооруженных сил партии Гоминьдан и Коммунистической партии Китая, но уже против милитаристской Японии. При этом после того, как советские войска заняли Маньчжурию, внушительный военный арсенал и множество единиц техники были переданы в руки КПК.

Капитуляция Японии с новой силой обнажила старые противоречия между двумя политическими силами Китая, и гражданская война возобновилась с новой силой на протяжении 1945–1949 гг. Опорной территорией китайских коммунистов стала Маньчжурия, которая контролировалась советскими вооруженными силами.

В июле 1947 г. вооруженные силы КПК получают наименование Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и переходят в решительное наступление на силы армий Гоминьдана. Период 1948–1949 гг. характеризуется успешными военными наступательными операциями китайских коммунистов, что в конечном итоге привело к их победе и образованию Китайской Народной Республики. Все руководство партии Гоминьдан во главе с ее лидером – генералиссимусом Чан Кайши, захватив с собой весь золотой запас страны, перебралось на остров *Тайвань*. При этом длительное время США признавали за ними легитимную власть, а сама Китайская Республика на Тайване признавалась многими международными организациями и государствами как законная власть всего Китая вплоть до 70-х гг. XX в. Более того, до 1971 г. представитель Тайваня был полноправным членом ООН (с 1971 г. представитель Тайваня был заменен в ООН представителем так называемого Большого Китая).

Тайваньское правительство, именовавшее себя либо Китайской Республикой, либо Тайванем, таким образом, длительное время находилось под гарантиями защиты со стороны США. Официальная позиция политических лидеров партии Гоминьдан заключалась в том, что именно на Тайване находится легитимное и признанное центральное правительство Китая, а весь материковый Китай является «зоной, охваченной коммунистическим восстанием».

Очередной этап государственно-правового развития Китая связывается с приходом к власти Мао Цзедуна, который 23 марта 1949 г. в Пекине становится главой ЦК КПК. Мао Цзедун проявил себя во внутренней политике как твердый лидер, умеющий использовать опыт, полученный в условиях Японо-китайской войны (1937–1945 гг.) и Великого похода в мирной жизни.

В сентябре 1949 г. в Пекине, который снова был объявлен официальной столицей Китая, собралась *Народная политическая консультативная конференция*, выполнявшая по сути функции

Учредительного собрания. В ходе работы конференции сформировано *Центральное народное правительство,* которое возглавил Мао Цзэдун. Наконец, на митинге на площади Тяньаньмэнь, состоявшемся 1 октября 1949 г., была официально провозглашена *Китайская Народная Республика*.

Как справедливо подчеркивает О.Е. Непомнин, в 1949 г. произошла трансформация власти в Китае: из повстанческой она превращается в государственную с соответствующим изменением сущности. Превращаясь во власть чиновников, новая власть отражала вековые китайские традиции публичной организации общества[1].

Правление коммунистов на первых этапах сопровождалось небывалым народным подъемом и легитимацией действующей власти. При этом ряд ученых полагает, что не были учтены объективные закономерности экономического развития, что привело к постановке задачи превращения Китая в ведущую империалистическую державу мира (во внутренней экономике основной задачей была аграрная реформа[2]). В 1958 г. был сформулирован лозунг «Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья!», а все население Китая стало свидетелем и во многом главной жертвой так называемой политики «*большого скачка*» (комплекс мер в различных сферах общественной и государственной жизни, в первую очередь в экономике, одобренный после VIII съезда Коммунистической партии Китая). «Большой скачок» планировался как чрезвычайная индустриализация китайской экономики, осуществляемая форсированными темпами для придания Китаю статуса великой державы в максимально сжатые сроки.

Выбранный Мао Цзедуном курс на ускоренное строительство коммунизма не учитывал особенностей в выборе средств, что и привело в итоге Китай к экономическому кризису. Попытка Китая «догнать и перегнать» Запад в основных показателях выплавки стали, по наращиванию тяжелой промышленности и т. п. привела к упадку китайского производства, массовому голоду и миллионным жертвам.

---

[1] Непомнин О.Е. История Китая. XX век. – М.:. Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. – С. 496.

[2] Ефимов Г.В. Очерки по Новой и Новейшей истории Китая. – 2-е изд. – М., 1951. – С. 524.

К середине 60-х гг. благодаря усилиям «прагматиков» негативные последствия «большого скачка» были в основном преодолены. При этом современная китайская наука и экспертное сообщество оценивают период «большого скачка» как ошибочный. Так, в 1981 г. Пленумом ЦК КПК принят документ «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», определяющий официальную версию истории компартии Китая и всей страны. В соответствии с содержанием указанного документа и «большой скачок», и последовавшая за ним «культурная революция» (тяжелейшее потрясение, выразившееся в гонениях на представителей интеллигенции, убийствах учителей, осквернении храмов; по словам самого Мао Цзедуна, за период «культурной революции» было репрессировано 46 тыс. представителей интеллигенции) в Китае однозначно считаются ошибочными, прямым следствием неправильной политики лично Мао Цзэдуна, достижения которого, естественно, не ставятся под сомнение.

В настоящее время государственное строительство КНР осуществляется по принятой в 1982 г. четвертой Конституции, в которую регулярно вносились изменения (последние – в 2018 г.). Система власти по Конституции 1982 г. определяется особенностями всей политической организации общества. Так, в основном законе подчеркивается, что КНР – это социалистическое государство демократической диктатуры народа, основанное на союзе рабочих и крестьян. Республиканская форма правления в КНР основывается на разделении властей, среди которых следует выделить ВСНП – *Всекитайское собрание народных представителей* – выборный орган, формируемый советами народных представителей различных уровней (городов, автономных округов, провинций), *председателя КНР* (избирается на пять лет ВСНП), а также Государственный совет КНР, или Центральное народное правительство (высший орган исполнительной власти, который, однако, формируется и контролируется ВСНП).

В настоящее время генеральным секретарем ЦК КПК (с 2012 г.) и председателем КНР (с 2013 г.) является Си Цзиньпин. Занятие им, помимо обозначенных, ряда иных высших постов в государстве дает основание считать его верховным лидером Китая, а коммунистическая партия с 2016 г. официально именует

его «основным лидером». К достижениям Си Цзиньпина относят последовательную политику по укреплению системы управления с учетом национальных традиций, упрочение партийной дисциплины, проведение дальнейших рыночных экономических реформ. В настоящее время Китай по праву является одной из ведущих мировых держав.

6.3. Экономическое и внешнеполитическое развитие Китая во второй половине XX – начале XXI века

Очередной этап развития государственности в Китае в Новейшее время связывается с «политикой реформ и открытости» (начались в 1978–1979 гг.), которую начал проводить Дэн Сяопин (1904–1997) – духовный лидер Китая, в разные годы бывший генеральным секретарем КПК, заместителем премьера Госсовета КНР, первым вице-премьером КНР. Целью политики реформ и открытости было построение *социализма с китайской спецификой*, достижение значительных успехов в рыночной социалистической экономике.

Дэн Сяопин получил власть в тот сложный период китайской Новейшей истории, когда экономика и духовная сфера государства были практически уничтожены в ходе разразившихся политических и социальных конфликтов, ставших прямым следствием «большого скачка и «культурной революции». Дэн Сяопин был ярким представителем второго поколения китайских руководителей, которые стремились сформировать и закрепить в сознании китайских граждан основы нового социалистического мышления. Так, благодаря политике Сяопина в Китае были концептуально разработаны и внедрены базовые принципы «социализма с китайской спецификой», проведены масштабные экономические реформы, превратившие Китай в ведущую индустриальную державу мира с устойчивой экономикой, в активного участника мирового рынка (наряду с США и Советским Союзом).

Реальные экономические успехи Китая стали результатом быстрых, решительных, часто радикальных шагов, которые проводились на протяжении 1979–1981 гг., объявленных «годами реконструкции». В ходе реформ происходила ликвидация колхоз-

ных хозяйств (коммун), производилась передача земли в крестьянское пользование, была легализована коммерческая деятельность, произошла своевременная корректировка основ централизованного регулирования (в отличие от модели, бывшей в этот период в СССР и показавшей свою неэффективность и ущербность).

В целом можно говорить о том, что успех всех основных реформ китайского политического и экономического руководства во многом был определен неудачным опытом перестройки в СССР. Китайские лидеры стремились не допустить подобного негативного развития событий, которые могли привести к развалу страны (провозгласить курс на рыночный капитализм китайцы не решались, поскольку это могло создать риски в сфере экономической, а затем и военной безопасности, что в конечном итоге могло привести к гибели государственности). Реализация социализма с китайской спецификой, однако, имела и ряд негативных последствий. Например, протестные выступления на площади Тяньаньмэнь в Пекине, проходившие с 15 апреля по 4 июня 1989 г., завершившиеся жестким и кровавым их подавлением с помощью Народно-освободительной армии Китая, с применением бронетехники и огнестрельного оружия. В ходе данной акции погибло не менее 800 человек. Но дальнейшее государственно-политическое развитие Китая показало правоту китайских лидеров в выборе стратегического курса развития страны.

Дэн Сяопин видел основной целью реформ повышение экономической мотивации у крестьян и рабочих, а также вывод экономики из кризиса. В итоге экономика Китая к концу 80-х гг. XX в. представляла собой уникальную смешанную модель, не являясь полностью ни рыночной, ни плановой (административно-хозяйственной). Так, преследуя цель снизить инфляцию и повысить темпы производства сырья, в экономике реализовывались два направления: уход от тотального контроля экономических субъектов государством и создание автономной рыночной структуры. При этом факт нахождения ряда товаров и ценообразования на них под государственным контролем не позволял считать модель экономики рыночной. Немаловажную роль в успехе реформ сыграла твердая решимость Дэн Сяопина в проведении

курса на децентрализацию управления экономикой и борьбу с коррупцией.

Политика Дэн Сяопина была в целом продолжена его последователями – Цзян Цземинем (занимал должности генерального секретаря ЦК Компартии Китая с 1989 по 2002 г., председателя КНР с 1993 по 2003 г., председателя Центрального военного совета КНР с 1990 по 2005 г.) и Ху Цзиньтао (являлся генеральным секретарем ЦК КПК с 2002 по 2012 г., председателем КНР с 2003 по 2013 г., председателем Центрального военного совета КНР с 2005 по 2013 г.). К основным результатам их работы во главе КНР можно отнести успешную борьбу Китая за мировые рынки, вступление во Всемирную торговую организацию, лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, укрепление военно-экономического потенциала государства и др.

Результатами государственно-политического развития КНР на рубеже XX–XXI вв. являются следующие:

– развитие экономики в условиях огромных людских ресурсов, но ограниченности природных ресурсов в сочетании с низкой стоимостью рабочей силы;

– высокая степень планирования и административно-командных мер в развитии экономической сферы общества;

– повышенное внимание к развитию высоких технологий, что позволило Китаю стать технологически развитой державой, объединяющей на своей территории различные высокотехнологические производства;

– повышенное внимание к наращиванию военной мощи, совершенствованию Народно-освободительной армии Китая.

XVII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, проходивший с 15 по 21 октября 2007 г. в Пекине, определил следующие стратегические направления развития государства:

– достижение социальной гармонии в китайском обществе за счет улучшения качества жизни населения, укрепление среднего класса, проведение последовательных реформ в сфере образования и здравоохранения;

– внедрение принципов научного развития экономической модели, создание независимой экономики, предполагающей достижение успеха с учетом имеющегося опыта и новейших научных разработок.

В начале XXI в. наиболее важными направлениями внутренней и внешней политики Китая являются разделение политики и экономики, ограждение политической сферы от вмешательства Запада (в первую очередь США) во внутренние дела (наиболее ощутимыми для Китая являются вопросы независимости Тайваня и Тибета), расширение гарантий прав человека, эффективное и прогрессивное развитие политической системы (без резких скачков и шатаний) под руководством КПК.

Внешнеполитическая концепция китайского руководства использует принцип многополярного мира, подразумевающий блокирование (ограничение) растущего военно-политического влияния США за счет экономической активности других государств, интеграции их на взаимовыгодных условиях в те или иные межгосударственные объединения, недопущения одностороннего выхода из ключевых международно-правовых соглашений и договоров.

7. Государство и право Индии

7.1. Движение за независимость Индии

Начиная с середины XVIII в. Индия контролировалась Англией, которая жестоко подавляла все антиколониальные восстания, случавшиеся на подконтрольной территории.

Колонии традиционно выполняли роль средства к личному обогащению и способом ускорения экономического развития для контролирующего государства. Англия также использовала характерный метод для эксплуатации территории Индии – насильственное ограбление индийского народа (за счет бесконтрольного взимания произвольных налогов и сборов, вымогательства взяток и подношений, злоупотребления полномочиями налоговых чиновников, обладавших широкой полицейской и судебной властью).

Что касается задач английской таможенной политики в индийском регионе, то она в первую очередь была направлена на искусственное торможение развития национальной промышленности, на принуждение населения осуществлять покупки в Англии (при этом уже приблизительно со второй четверти XIX в. колониальные владения Индии служат для англичан объектом массового вывоза товаров).

К началу XX в. в политическом плане Индия представляла собой весьма пеструю совокупность политических сил и движений, однако главным игроком на политической карте Индии являлся Индийский национальный конгресс (ИНК), созданный в 1885 г. и объединявший представителей различных общин (в основе своей индусов).

На рубеже XIX–XX вв. ИНК представлял собой лояльную британскому правительству оппозицию, выражал в основном интересы высших слоев индийской буржуазии, помещиков и ряда зажиточных слоев индийской интеллигенции. В числе руководителей ИНК можно выделить Г.К. Гокхале, Д. Наороджи, М.Г. Ранаде. Однако к началу XX в. внутри ИНК выделяется мелкобуржуазное демократическое направление «крайних», возглавляемое Б. Тилаком. Раскол, произошедший в рядах ИНК в 1907 г., слу-

чился между «крайними» и «умеренными» по причине расхождения во взглядах на процесс ведения борьбы за независимость. Так, представители «крайнего» направления, впоследствии вышедшие из ИНК, считали, что главной задачей конгресса должно стать самоуправление – *сварадж*, достичь которого можно путем организации национально-освободительного народного движения. «Умеренные» в соответствии с программой утверждали, что свараджа можно достигнуть только в сотрудничестве с английскими властями, без резких политических шагов (к 1916 г. «крайние» вновь вошли в состав ИНК, так и не сумев создать сплоченную организацию).

Еще одним этапом развития ИНК стало появление левого крыла, ставшее возможным в результате широкого недовольства в конгрессе политикой руководства. Основу левых составили представители мелкобуржуазных кругов, наиболее сильно страдавшие от экономического и политического влияния империализма. Левые выступали за более активные действия в борьбе с колониальным режимом. Идеологами и лидерами левого движения в конгрессе стали *Джавахарлал Неру* (1889–1964) и *Субхас Чандра Бос* (1897–1946) – выходцы из верхушки индийского общества, которые получили образование в университетах Англии.

Укрепление левого крыла в Конгрессе позволило упрочить влияние ИНК в народе, повысить его популярность, укрепить уверенность в необходимости национального движения и участия в нем представителей национальной буржуазии.

Важную роль в политическом движении за независимость сыграла образованная в 1906 г. Мусульманская лига, боровшаяся за образование Пакистана. Лидером лиги был будущий основатель Пакистана М.А. Джинна (1876–1948). Он изначально входил в состав ИНК, при этом выступал за межконфессиональное сотрудничество. В 1921 г. М.А. Джинна покинул конгресс, он готовил общественность к разделу Индии по религиозному принципу, а также предлагал создать исламское государство «чистых» – «страну Пак», Пакистан.

20-е гг. XX в. в Индии характеризуются завершением процесса формирования во главе с ИНК политической оппозиции колониальному английскому правительству. Внутри самого конгресса отчетливо выделяются два течения: *радикальное* – во главе

с Джавахарлалом Неру (выступал за полную независимость Индии) и либеральное – во главе с Мотилалом Неру, выступавшее за статус Индии как доминиона британской короны. Еще одним заметным политическим лидером Индии в 20-е гг. XX в. становится Махатма Ганди (1869–1948) – политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании, объединявший политические интересы индусов и мусульман.

М. Ганди считал, что истинная цивилизация может быть основана на принципах добровольного самоограничения. В экономическом плане он указывал на опору на деревню и кустарные промыслы. Символом национально-освободительного движения М. Ганди избрал прялку, которую считал орудием национального возрождения. Прялка могла бы восстановить ремесла, освободить индийцев от зависимости колониального импорта тканей, обеспечить массовую занятость людей и тем самым избавить страну от безработицы[1]. Также М. Ганди был сторонником децентрализации производства и противником тенденций по накоплению капитала в одних руках.

Политико-правовой идеал М. Ганди – ненасильственная цивилизация, достичь которой можно лишь с помощью изменения характера международных отношений. Последнее же, по мнению политика, достижимо с созданием всемирного правительства или всемирного союза свободных наций. М. Ганди считал, что такой союз может положить конец колониальному гнету и гарантировать равенство всех народов.

М. Ганди, помимо философии ненасилия (*сатьяграх*), известен также конструктивной программой, включавшей в себя поощрение ручных ремесел, борьбу с «неприкасаемостью» (он выступал категорически против социально-бытовой дискриминации представителей низших каст), пропаганду мусульманского единства.

Стремительная популярность М. Ганди и превращение его в общенационального лидера можно объяснить также тем, что его философские и общественно-политические взгляды, выразившиеся в политической программе и тактике освободительной борь-

[1] Степанянц М.Т. Махатма Ганди: «апостол ненасилия» // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 156.

бы, были приняты и одобрены различными классами индийского общества.

Не последнюю роль в росте популярности М. Ганди сыграли и его личностные качества: доступность народу (он практиковал поездки по стране исключительно третьим классом, свободно говорил на многих индийских языках), аскетическая простота его частной жизни, познания в психологии, понимание интересов простых индийцев.

В качестве своей главной политической цели М. Ганди видел постепенное движение к независимости Индии. Основным средством к ее достижению политик считал объединение всех классов индийского общества и политических сил под единым буржуазно-национальным руководством. Соответственно, М. Ганди последовательно выступал против каких-либо проявлений межклассовой борьбы в индийском обществе, продвигал идеи компромиссного урегулирования социальных и экономических конфликтов среди городского и деревенского населения. Специфика индийского общества, заключавшаяся в глубокой религиозной и кастовой разобщенности, привела к тому, что одним из ключевых положений политики М. Ганди было достижение единства индусов и мусульман, а также объединение кастовых и национальных групп.

М. Ганди считал, что, однажды встав на путь политической борьбы, необходимо проявлять упорство в борьбе против колониального господства англичан, империалистической системы в целом, против империалистической эксплуатации, так как эти негативные проявления, помимо угрозы развитию индийского народа, также глубоко аморальны. С таких позиций можно оценивать трактовку М. Ганди основ антиимпериалистической политики[1].

Позже, в период подготовки к провозглашению независимости Индии, в момент острой конфронтации между ИНК и сторонниками образования независимого Пакистана, М. Ганди прилагал максимум усилий для прекращения братоубийственной индусско-мусульманской резни (например, в августе 1946 г. он находился в Калькутте, где четыре дня длилось кровавое побоище[2]).

---

[1] Степанянц М.Т. Философия ненасилия. Размышления о Ганди и его экспериментах // Коммунист. – 1990. – № 13. – С. 106–112.

[2] Девяткина Т.Ф. Индийский национальный конгресс (1947–1964). – М., 1970. – С. 114.

В результате острой внутрипартийной борьбы М. Ганди пошел на серьезные уступки свараджистам, подписал специальный документ – пакт Ганди – Ч.Р. Дас. В 1925 г. деятельность свараджистов была признана основной формой работы ИНК. Однако, по мнению исследователей, свараджистам (сторонникам индийского самоуправления) с помощью активного использования законосовещательных органов так и не удалось добиться каких-либо существенных уступок от английской колониальной администрации. В результате свараджисты потеряли политическое влияние в буржуазно-помещичьих кругах и потерпели поражение на выборах 1926 г.[1]

В 1929 г. ИНК формулирует свою главную цель – полную независимость Индии. Она легла в основу движения индийского гражданского неповиновения (*сатьяграхи* – «упорство в истине»).

Развитие национально-освободительного движения в Британской Индии оказало воздействие на внутреннее положение в провинциях. В некоторых из них в 1931–1933 гг. началась освободительная борьба, переросшая в вооруженные восстания[2].

В 30-е гг. XX в. активизируется крестьянское освободительное движение, получившее более организованный характер. Так, восстания в Соединенных провинциях, Бихаре, Пенджабе, Карнатаке, Бешгалии и Андхре проходили в основе своей в форме агитационно-пропагандистской деятельности Кисан Сабха (ведущая общеиндийская крестьянская организация, основанная в 1936 г.), направленной на коллективную неуплату государственных налогов. В Соединенных провинциях кампания гражданского несотрудничества, организованная в сельских местностях (например, в округе Аллахабад), перерастала в вооруженные выступления крестьянских отрядов.

В индийских провинциях создавались местные крестьянские союзы, в которые входили представители зажиточных и средних крестьян. В ряде районов Индии влияние на крестьянские союзы оказывали мелкобуржуазные революционные демократы и коммунисты.

---

[1] Полонская Л.Р. Махатма Ганди: смысл жизни. Святой или политический деятель? // Новая и Новейшая история. – 1991. – № 4. – С. 84–110.

[2] Райков А. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905–1930 гг. – М.: Наука, 1979. – С. 81.

На протяжении 30-х гг. XX в. были сформулированы основные принципы индийского независимого конституционализма: демократия, федеративное устройство, признание социальных и экономических прав граждан. В этот же период политическое влияние ИНК усиливается, результатом чего стал успех выборной кампании 1936–1937 гг. В итоге в девяти из одиннадцати провинций Индии устанавливаются правительства из представителей ИНК.

К середине 30-х гг. XX в. корпус конституционных законов колониальной Индии составляли колониальная Конституция 1935 г., акты о британских поселениях 1887 г., акты о действительности колониальных законов 1865 г., Вестминстерский устав 1931 г. и ряд других документов.

В период Второй мировой войны Индия автоматически стала воюющей стороной после обращения вице-короля к населению с соответствующим заявлением. При этом следует отметить, что лидеры Индийского национального конгресса определенно высказались против подобного развития событий, указав, что при принятии решения по вопросам войны и мира не было учтено мнение самих индийцев.

Во время Второй мировой войны Индия отказалась участвовать в антифашистской коалиции. По мнению представителей ИНК и Мусульманской лиги, бороться с фашизмом Индия должна была лишь после достижения независимости и создания собственного правительства.

Лидеры освободительного движения ожидаемо потребовали от английского правительства отчета о планах по окончании войны и роли Индии в послевоенном мире. Конгресс не поддержал военные намерения английской короны и отозвал министров Индии из провинциальных правительств. Однако 10 января 1940 г. вице-король объявил о планах британских властей предоставить после войны Индии статус доминиона. Сразу после этого, в марте 1940 г., Мусульманская лига поставила вопрос о разделе страны.

Политический кризис, вызванный отсутствием договоренностей между ИНК, Мусульманской лигой и расширенным Советом при генерал-губернаторе, привел в октябре 1940 г. к началу кампании гражданского неповиновения.

Очередная попытка договориться была предпринята в марте 1942 г., когда в Индию прибыл Ричард Стаффорд Криппс (сотрудник английского военного кабинета). Англичане предложили разработать Конституцию Индии (при этом сделать это при помощи специального выборного органа, созванного в Индии сразу после окончания войны), а также согласились на возможный выход по желанию Индии из Британского Содружества.

Английское правительство даже было готово передать представителям индийской политической элиты управление государством во всех ключевых сферах жизнедеятельности общества, за исключением обороны. Все вышеуказанные предложения были отвергнуты Индией, в стране начались волнения, вскоре, однако, подавленные. М. Ганди и его сторонники по Индийскому национальному конгрессу были подвергнуты тюремному заключению[1].

В 1942 г. ИНК провозгласил курс на немедленное достижение государственной независимости Индии. 8 августа 1942 г. была утверждена резолюция Quit India («Оставьте Индию»), где заявлялось требование к англичанам немедленно покинуть страну. На отказ Британии исполнять резолюцию ИНК объявил о начале гражданского неповиновения под руководством М. Ганди.

Это движение получило название «Августовская революция» 1942 г. Движение сыграло роль в приближении независимости Индии, однако окончательно утвердило раскол в индийском обществе.

Договориться англичанам с Индийским национальным конгрессом и Мусульманской лигой не удалось и после окончания Второй мировой войны. Так, после встречи вице-короля Индии Арчибалда Персивала Уэйвелла с представителями политических партий в июне 1945 г. (в г. Шимле), соглашение достигнуто не было. Всеобщие выборы, проведенные в государстве вскоре после этого, показали, что большинство мусульман желает раздела Индии.

После провала в очередных переговорах в марте 1946 г. британское правительство, однако, согласилось на проведение выборов в Учредительное собрание, с последующей разработкой

[1] Дьяков А.М. Индия во время и после Второй мировой войны (1939–1949). – М., 1952. – С. 221.

проекта конституции Индии, а также формированием Временного правительства, в которое должны были войти представители Индийского национального конгресса и Мусульманской лиги.

Временное правительство в соответствии с этими планами должно было передать власть в руки самих индийцев, при этом не дожидаясь принятия конституции. Временное правительство, сформированное 24 августа 1946 г., возглавил лидер ИНК Джавахарлал Неру, а глава Мусульманской лиги Лиакат Али Хан получил в нем пост министра финансов. При этом вице-король Британии полностью продолжал контролировать полицию и англо-индийские вооруженные силы. В стране же нарастала напряженность и противостояние между мусульманами и индусами.

Окончательные договоренности об индийской независимости от британской короны были достигнуты в июне 1947 г. А в августе этого же года английский парламент утвердил план Маунтбеттена в качестве Закона о независимости Индии. План был предложен вице-королем Индии Л. Маунтбеттеном и утвержден королем Великобритании Георгом VI. Документ провозглашал принципы самоопределения различных индийских территорий, а также порядок раздела страны. В частности, ряду областей давалось право самостоятельно решить, с кем оставаться в одном государстве – с Индийским Союзом или с Пакистаном. Кроме того, провозглашалось право выхода из Содружества каждого из указанных доминионов, заявлялось о прекращении сюзеренитета английской монархии над индийскими княжествами, подтверждалось действие заключенных договоров. Кроме того, оформился раздел двух провинций – Пенджаба и Бенгалии. Население Западного Пенджаба и Восточной Бенгалии высказалось в пользу Пакистана, а жители Восточного Пенджаба и Западной Бенгалии, соответственно, в пользу вхождения в состав Индийского Союза.

Таким образом, в результате борьбы за независимость образовались два доминиона – Индийский Союз и Пакистан. Вопрос о разделе спорных территорий (Северо-Западная пограничная провинция и Силхетский округ Ассама, Пенджаб, Бенгалия) решался по религиозному признаку в порядке раздельного голосования депутатов от частей провинций с преобладанием индусского и мусульманского населения.

Необходимо отметить, что план Маунтбеттена, основанный на разделении Пенджаба, привел к серьезному вооруженному противостоянию и кровопролитию, в результате которого в процессе раздела Британской Индии погибло свыше 1 млн человек, а более 15,6 млн стали беженцами.

С победой национальной революции с 14 августа 1947 г. в истории Индии начался новый период независимого развития. Независимость Индии была завоевана усилиями многих политических деятелей, народа в целом, однако следует выделить роль Махатмы Ганди и всего Индийского национального конгресса, которые открыли один из самых важных периодов индийского национального движения. Как справедливо подчеркивается в литературе, М. Ганди и иные члены партии Конгресса успешно вели Индию к обретению свободы и независимости, однако допустили разделение страны на два независимых государства (Индию и Пакистан).

7.2. Конституция Индии 1949 года

Разработка и принятие основного закона государства для Индии явились факторами, укрепившими суверенитет, поэтому значение этого документа сложно переоценить. Конституция Индии была принята Учредительным собранием 26 ноября 1949 г. (в силу вступила позже, 26 января 1950 г.). Учредительное собрание, состоявшее из 299 членов, включало в себя по большей части избранных провинциальными органами депутатов (их число составляло около 3/4 от всех членов собрания), а также представителей княжеств Индии, выдвинутых в ходе консультаций (соответственно, они составляли четвертую часть представителей собрания). Большинство мест в Учредительном собрании ожидаемо получил Индийский национальный конгресс, стоявший у истоков всей индийской борьбы за независимость.

Ключевую роль в разработке текста Конституции Индии (она является самым объемным среди действующих основных законов государств мира – состоит из 465 статей и более 70 поправок к ним) сыграл *Б.Р. Амбедкар* (1891–1956) – политический де-

ятель Индии, юрист, лидер «неприкасаемых», критик ислама и иудаизма, противник кастового деления в индийском обществе.

По мнению современных исследователей, Б.Р. Амбедкар следовал принципу, в соответствии с которым западные формы и методы демократии не были полностью применимы к Индии, поскольку они не могли адекватно учитывать социальные противоречия в индийском обществе, которое в своей основе было построено на неравенстве[1]. По мнению Б.Р. Амбедкара, в Индии социальный статус человека определялся его правом по рождению и не зависел от способностей.

Напротив, разработчик текста индийской Конституции считал, что условием успешного функционирования демократических институтов должна быть ликвидация социально-экономического неравенства. Б.Р. Амбедкар был твердо убежден, что в Индии не должно быть класса, обладающего всеми привилегиями, и класса, имеющего только одни обязанности[2]. Здесь важно отметить, что интерес к Б.Р. Амбедкару и иным деятелям индийской независимости в советской отечественной науке был невысок, лишь в постсоветский период появилось множество исследований на эту тему. Так, Л.А. Черешнева справедливо указывает, что в отечественной индологии существует определенный дефицит научных работ, посвященных выдающимся фигурам индийского освободительного движения и государственного становления независимой Индии[3].

Главой суверенной индийской республики провозглашался президент, наделенный такими полномочиями, как назначение премьер-министра, осуществление функций главнокомандующего вооруженными силами, рекомендация к назначению министров центрального правительства, а также губернаторов штатов (последние являлись представителями центральной исполнительной власти). Президент получил право издавать и отменять законы в период между сессиями парламента. В его полномочия входила также приостановка действия Конституции. Замещение

[1] Юрлова Е.С. Б.Р. Амбедкар. Жизнь, творчество, наследие. Создатель конституции Индии. Борец за свободу неприкасаемых. – М.: ИВ РАН, 2020. – С. 159.

[2] Юрлова Е.С. Указ. соч. – С. 160.

[3] Черешнева Л.А. Амбедкар – великий неприкасаемый Индии // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – С. 78–80.

должности президента происходило выборным путем: он избирался специальной избирательной коллегией, которая образовывалась из депутатов парламента и представителей законодательных собраний штатов.

В качестве высшего законодательного органа власти учреждался *Центральный парламент*, состоящий из двух палат: *Народной палаты* (орган общенародного представительства) и *Совета штатов* (представлял интересы соответствующих территорий). В каждом из штатов формировались свои законодательные собрания. Активное избирательное право получали граждане Индии по достижении 21 года, а пассивное избирательное право индийцы получали с 25 лет.

Конституция Индии восприняла закрепленный во многих основных законах ведущих стран мира принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Правительство Индии (*Совет министров*) и правительства штатов ответственны перед Центральным парламентом и законодательными собраниями штатов. Премьер-министр назначался президентом из числа партии Народной палаты, имеющей большинство. С 1989 г. в Индии сложилась практика, в соответствии с которой премьер-министром становится лидер коалиции партий Народной палаты.

В соответствии с принципом федерализма Верховный суд Индии и высшие суды индийских штатов получили право осуществлять толкование законов и возможность приостанавливать действие противоречащих Конституции нормативных правовых актов.

Депутаты Учредительного собрания единогласно избрали Раджендра Прасада (1884–1963), а первым премьер-министром стал Джавахарлал Неру (1889–1964).

Текст Конституции Индии отличается своеобразием не только из-за своего беспрецедентно большого объема, но и в содержательном плане. Будучи преемником многовекового развития индийской цивилизации, индийская Конституция включает различные по степени гарантированности и значимости нормы, которые далеко не всегда имеют отношение исключительно к конституционному праву. Так, можно выделить несколько при-

меров второстепенных норм, обычно составляющих содержание иных нормативных правовых актов, принимаемых в развитие основного закона, наиболее ярким из которых является запрет на коров и телят. Появление этой и иных подобных норм в тексте Конституции обусловлено спецификой традиционного индийского общества, для которого сакральные аспекты приобретают особое значение. Однако, несмотря на то что текст Конституции Индии излишне детализирован, основное ее содержание все же регулирует важнейшие стороны государственного и общественного строя, правового статуса личности.

Рассматривая текст Конституции Индии, можно выделить в нем две логические части (что косвенно подтверждается как доктриной, так и практикой Верховного суда Индии), текстуально, однако, не разделенные. Первую часть составляют так называемые «основные черты конституции» (иначе – юридические свойства Конституции), имеющие статус неизменных принципов (например, положения относительно руководящих основ политики государства, нормы об основных конституционных правах граждан). По аналогии с кодифицированными актами можно считать эту группу норм общей частью.

Следует отметить, что закрепление в общей части Конституции Индии базовых принципов государственного строительства и прав личности позволило придать определенную стабильность индийскому основному закону и обеспечить его приспосабливаемость к изменяющимся условиям XX столетия и начала XXI в.

К числу основных содержательных характеристик Конституции (в плане закрепления базовых принципов государственности) можно отнести следующие.

1. Народный и государственный суверенитет провозглашался в качестве высшего завоевания индийского антиколониального движения.

2. Граждане получали широкий круг прав и свобод, сформированный с учетом специфики индийского общества, пережитков и борьбы с кастовой системой (отголоски кастового деления общества длительное время сохраняются в обществе Индии в различных формах несбалансированности уровней развития этнических групп).

3. Эксплуатация и угнетение жестко порицаются и запрещаются. Так, индийские граждане получили право на защиту от экономической эксплуатации (запрещается детский труд, незаконной и подлежащей запрету объявляется торговля людьми), право на достаточные средства к существованию, на выплату денежных средств в размере прожиточного минимума и т. д.

4. Ряд традиционных индийских институтов получили право на существование в условиях независимого государства наряду с западными институтами, явившимися следствием глобального развития конституционно-правовой доктрины по всему миру.

5. В сфере закрепления формы правления Конституция установила парламентскую республику с присущей ей системой органов государства и отношений между ними.

6. В сфере государственно-территориального устройства Конституция закрепила федерацию как особую форму территориально-политического устройства Индии. Федеративные отношения строятся с учетом национальных и языковых особенностей проживающего в штатах Индии населения, основываются на принципах автономии штатов (Конституция предоставляет возможность создания автономных округов в некоторых штатах, при этом закрепляет принцип высокой централизации власти на этих территориях).

7. Экономическая модель предполагает построение системы производственных отношений на основах смешанной экономики с преобладающей ролью государственного сектора. Экономика Индии XX в. – капиталистическая экономика с расширенными элементами государственного контроля (помимо этого, к принципам построения экономической системы относятся упразднение либо ограничение ряда монополий, развитие антимонопольного законодательства, введение государственного планирования).

8. В области внешнеполитических отношений Конституция Индии установила цель поддержания всеобщего мира и международной безопасности с сохранением в качестве приоритетных национальных интересов Индии. Указанное направление особенно ярко проявляется в XXI столетии, когда Индия все чаще показывает себя как независимое государство, реализующее собственные интересы. Период пандемии коронавируса явился еще

одним доказательством способности государства противостоять современным угрозам.

Остальной массив норм Конституции Индии составляют традиционные для подобного рода нормативных актов положения (о структуре власти, административном делении и т. д.). Отметим также, что основной закон Индии предусматривает упрощенный (по сравнению с иными зарубежными странами) порядок внесения поправок, в результате чего за годы своего действия она подверглась значительным изменениям (более полутысячи изменений).

Веденная в действие 26 января 1950 г., в очередную годовщину Дня независимости, Конституция Индии действует по настоящее время (с внесенными поправками и изменениями). 26 января отмечается индийцами как национальный праздник – День Республики.

7.3. Социально-экономическое и внутриполитическое развитие Индии во второй половине XX – начале XXI века

В социально-экономическом плане в Индии преобладала доля государства в экономике, что отражало один из главных принципов, закрепленных в Конституции 1949 г.

Одним из первых экономических шагов нового независимого государства стала аграрная реформа, в ходе которой ликвидировались все посредники между земледельцем и государством. Результатом иных аграрных преобразований стало принятие к середине 60-х гг. в большинстве штатов законов о максимальных размерах землевладения (так называемый «потолок» землевладения).

В 1950 г. правительство Д. Неру образовывает Плановую комиссию под руководством самого премьер-министра. Характерно, что политическая элита Англии в целом одобрительно приняла переход Индии к плановой экономике, более того, британское правительство оказывало содействие в повышении уровня индийских производительных сил.

В результате планирования экономики Индия смогла добиться опережающих темпов роста соответствующего (государственного)

сектора. Его доля к 1966 г. составляла в общем объеме валовой продукции порядка 18%.

В течение 50-х гг. XX в. Индия активно привлекала капитал из-за рубежа на развитие национальной экономики, увеличив число стран-инвесторов (так, иностранные долгосрочные капиталовложения в экономику Индии удвоились с 1948 г., составив на 31 декабря 1955 г. 4 806 млн рупий). Ведущую роль в притоке зарубежных капиталов в Индию продолжала играть Англия, однако переход к политике протекционизма со стороны индийского правительства (вводились квотные ограничения и высокие пошлины на товары, ввозимые в страну) привел к сокращению английского экспорта.

К началу 60-х гг. в Индии начинает развиваться частный сектор экономики. К этому периоду происходит ускорение роста общественного продукта, создается мощный промышленный потенциал, в определенной степени происходит стабилизация продовольственного положения, развиваются базовые технологически сложные отрасли. В результате уже к середине 1960-х гг. Индия предотвратила риск массового голода, а также вышла на самообеспеченность зерном.

Внутриполитическая ситуации в Индии в 60-х гг. XX столетия характеризуется продолжавшимися этническими и языковыми проблемами, которые наиболее ярко проявлялись в штатах с преобладанием национальных меньшинств (последние образовывали там значительные и компактно проживающие группы населения). Например, движение за национальную автономию крупных этнических групп и формировавшихся народностей *кхаси*, *нага*, *микир*, *лушаев*, *гаро*, *мизо* привело к появлению в 1972 г. нового штата – Мегхалайя. Усилению проблемы межнациональных отношений способствовала дальнейшая консолидация различных этнических общностей, становление различных индийских наций, а также усиливавшийся в связи с этим местный национализм.

При этом следует отметить, что чувства солидарности и взаимопомощи, основанные на кастовой либо религиозной принадлежности, и по сегодняшний день в Индии продолжают играть дестабилизирующую роль, что проявляется и в управленческой, и в профессиональной сфере, и в области бизнеса. Наконец,

конфликты между отдельными группами торговцев или иными группами людей, принадлежавших к различным религиозным общинам, нередко превращались в индусско-мусульманские столкновения. Развитию таких конфликтов способствовал непрекращающийся индо-пакистанский пограничный конфликт.

В 60-е годы XX в. усиливается внутрипартийный кризис, чему в немалой степени способствовал состоявшийся в апреле 1961 г. VI съезд Коммунистической партии Индии (КПИ). Раскол КПИ, начавшийся де-факто в конце 1962 г., завершился к октябрю 1964 г. Смерть Л.Б. Шастри, занимавшего пост премьер-министра Индии с 1964 по 1966 г., вызвала новый взрыв противоречий в руководстве правящей партии. Впервые в истории конгресса на пост премьер-министра было выдвинуто две кандидатуры: Индира Ганди (дочь Неру) – от центристской и левой фракции и Морарджи Десаи – от правой фракции. В результате острой политической борьбы внутри парламентской фракции ИНК премьер-министром большинством голосов была избрана Индира Ганди.

К началу 70-х гг. XX в. позиции ИНК среди основной массы избирателей еще более укрепились, а на выборах в законодательные собрания штатов в 1972 г. конгресс завоевал уже 48% голосов. Росту влияния ИНК во многом способствовали успешные преобразования в экономике и финансовой сфере, проведенные И. Ганди.

Годы независимого развития принесли Индии определенные позитивные результаты в экономической сфере, хотя были предприняты серьезные усилия всего общества для их достижения. Так, общий объем промышленного производства к середине 70-х гг. увеличился более чем в четыре раза, укрепилась энергетическая база, созданы новые отрасли добывающей промышленности. Несколько регрессивным на этом фоне выглядело индийское сельское хозяйство, развивавшееся инерционно и подверженное действию факторов, сохранившихся как пережитки колониальной системы.

Внешнеполитический курс Индии определялся особенностями южно-азиатского субконтинента, где сталкиваются интересы ряда ведущих держав современного мира. Место Индии в системе международных отношений определяется неуклонным

движением в сторону укрепления суверенитета и национальной безопасности. В этом плане важно выделить проведенные в 1974 г. ядерные испытания, а также создание в 1998 г. собственной ядерной бомбы. Современная Индия без сомнения входит в число ведущих мировых держав, с которой считаются главные игроки на геополитической карте мира. Вместе с тем Индия испытывает и серьезные трудности в развитии, связанные в первую очередь с неравномерностью в экономическом положении различных индийских штатов, а также с сохраняющейся межэтнической и межрелигиозной напряженностью.

С мая 2014 г. пост премьер-министра Индии занимает Нарендра Моди, проводящий независимую экономическую политику. Так, Н. Моди провел инвестиционную реформу, ряд денежных и налоговых преобразований. Одним из главных достижений кабинета Н. Моди считается активизация отношений с Российской Федерацией, особенно в сфере военно-технического сотрудничества.

Современная Индия начала XXI столетия – это демократическое республиканское федеративное государство, имеющее сложную социальную и этническую структуру, огромную территорию и весьма сложные отношения с геополитическими соседями. Несмотря на это, усилиями политических индийских лидеров XX–XXI вв. государство имеет все основания для дальнейшего прогрессивного развития как в политическом плане, так и в социально-экономической сфере.

8. Государства Центральной и Юго-Восточной Европы

8.1. Государственно-правовое развитие Польши

Период между двумя мировыми войнами в XX в. ознаменовался восстановлением независимости Польши в 1918 г. 11 ноября этого года немецкий гарнизон в Варшаве был разоружен, а вернувшийся из немецкого плена Ю. Пилсудский 20 февраля 1919 г. был провозглашен сеймом «верховным вождем». Как справедливо считают исследователи польской государственно-правовой истории, основной заслугой Ю. Пилсудского можно считать временную консолидацию разделенной сословными и корпоративными перегородками польской государственно-политической общности, пусть и достигнутую с использованием силовых и популистских методов[1]. С этого времени и по настоящий момент 11 ноября является Днем независимости Польши (до 1918 г. государство было разделено между Россией, Пруссией и Австрией).

После поражения Красной армии в Советско-польской войне 1919–1921 гг. Рижским мирным договором был зафиксирован переход западной части украинских и ряда белорусских земель к Польше.

Находясь фактически между Германией и Советским Союзом, Польша пыталась дипломатическим путем обеспечить свою безопасность. Так, 15 июня 1931 г. Польша заключила с СССР договор о дружбе и торговом сотрудничестве, в январе 1932 г. был подписан совместный Договор о ненападении. В январе 1934 г. поляки подписали Пакт о ненападении и с Германией, однако в апреле 1939 г. А. Гитлер признал польско-немецкий документ о неприменении силы противоречащим интересам Германии.

В результате 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, а бывшие польские земли Западной Белоруссии и Западной Украины были заняты СССР.

Послевоенное развитие Польши началось с освобождения государства Красной армией от оккупации нацистами и установления

[1] Бирюков С.В. Юзеф Пилсудский: случай бонапартизма // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 4(82). – С. 154.

режима народной демократии. Польская государственность начала восстанавливаться лишь в 1944 г., когда в г. Люблине было сформировано Временное правительство, в котором преобладали коммунисты. Временное правительство функционировало под прямым контролем политического руководства Советского Союза.

В 1952 г. Законодательный сейм принял Конституцию Польской Народной Республики, за основу которой были взяты положения советской Конституции 1936 г. В результате в Польше создается социалистическое государство народной демократии, страна объявляется республикой трудового народа.

Фактически ликвидировав принцип разделения властей, Конституция провозгласила в качестве верховного органа сейм Польской Народной Республики (состоял из 460 депутатов), который избирал Государственный совет. Председатель Государственного совета фактически был главой государства. К ключевым полномочиям сейма относились издание законов, принятие постановлений, определяющих основные направления деятельности государства, осуществление контроля за деятельностью иных органов государственной власти.

Высшим исполнительным органом власти объявлялся Совет министров, избираемый сеймом и ему подотчетный.

С 1989 г. Государственный совет Польши был ликвидирован, а в качестве верхней палаты парламента учреждается так называемая «высшая палата» – сенат, а также пост президента страны.

Сенат Польши (100 членов) получил право отлагательного вето на законы сейма (преодолевалось сеймом 2/3 голосов).

В послевоенный период основную роль в политической жизни играла *Польская объединенная рабочая партия* (ПОРП), образованная в результате союза Польской рабочей партии и Польской социалистической партии.

Особенностью политической системы Польши в послевоенный период было наличие сравнительно сильной (для подобного рода режимов) оппозиции. Политика ПОРП по внедрению принципов светского государства, ограничение прав личности и другие факторы привели к массовым протестам в 1956 г.

70-е гг. XX в. характеризуются в Польше трансформацией политико-правового режима в сторону некоторой либерализации.

Этому во многом способствовала деятельность образованного *Комитета защиты рабочих* и независимого самоуправляющегося профсоюза «*Солидарность*».

К началу 80-х гг. XX в. «Солидарность» и ПОРП становятся главными противоборствующими политическими силами в Польше, при этом профсоюз «Солидарность» пользовался народной поддержкой и выступал за смену тоталитарной коммунистической системы власти.

На первых свободных парламентских выборах в июне 1989 г. победила «Солидарность», а с декабря государство получило название Республика Польша.

Либеральное направление в развитии политической системы Польши закрепляется 29 января 1990 г., когда Польская объединенная рабочая партия объявила о своем роспуске. В декабре 1990 г. президентом Польши избран Лех Валенса, который являлся политическим лидером профессионального союза «Солидарность».

2 апреля 1997 г. Национальное собрание Республики Польши приняло новую Конституцию, которая была утверждена на всенародном референдуме 25 мая этого же года. Основной закон закрепил такие естественные права, свободы и гарантии прав личности, как неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки, свобода совести, свобода передвижения и свободный выбор форм деятельности, свобода слова и печати, свобода объединения в союзы, свобода собраний, право подачи петиций, широкие культурные права, свобода преподавания.

В новой Конституции четко закрепляется принцип равновесия разделения властей; установлено, что законодательную власть осуществляют сейм и сенат, исполнительную – президент республики и Совет министров, а судебную – соответствующие суды и трибуналы.

Помимо депутатов сейма, сенаторов, президента республики и Совета министров, Конституция предоставила право законодательной инициативы группе граждан численностью не менее 100 тыс. человек, обладающих избирательными правами, что было весьма демократичным для этого периода развития государственности в Польше.

По Конституции Польши 1997 г. президентские полномочия были ограничены, а юрисдикция Конституционного суда расширена. Сейм по-прежнему состоял из 460 депутатов, выборы же проводились по пропорциональной системе. В сенате – 100 членов, которые избирались на 4-летний срок большинством голосов в 16 воеводствах.

Президент Польши избирался всенародным голосованием на 5 лет с возможностью последующего переизбрания еще на один срок.

В системе местного управления в Польше до 1998 г. существовала практика иерархического формирования народных советов с избираемыми на 3 года членами. С 1990 по 1998 г. территориальными единицами были общины.

Крупнейшей административной единицей в Польше является воеводство, исполнительную власть в котором возглавляет маршал воеводства. С 1975 по 1998 г. в государстве насчитывалось 49 воеводств, однако после проведенной в 1999 г. административной реформы вся территория Польши теперь состоит из 16 воеводств.

Нижней единицей местного самоуправления является *гмина* (пол. – gmina), которая охватывает территорию небольшого города и окружающих его поселений.

Судебная система Польши возглавляется Верховным судом, который функционирует на основе Конституции и Закона о Верховном суде 2002 г. и выступает кассационной инстанцией по отношению к судам общей юрисдикции, военным судам, а также контролирует деятельность всех судов в государстве. В состав Верховного суда входят палата по гражданским делам, палата по уголовным делам, палата по делам, возникающим из трудовых правоотношений, социального страхования и публичным делам, а также военная палата.

В качестве специального судебного органа в Польше функционирует *Государственный трибунал*, принимающий решения о привлечении высших должностных лиц государства к конституционной ответственности при совершении конституционных деликтов (последние являются такими правонарушениями, за которые не может быть назначена уголовная ответственность). Законодательство Польши закрепляет перечень конкретных долж-

ностных лиц, которые подлежат юрисдикции Государственного трибунала в случае совершения соответствующих правонарушений. В их числе можно выделить президента, председателя Совета министров, членов Совета министров, председателя Народного банка Польши, председателя Верховной контрольной палаты, верховного главнокомандующего вооруженными силами Польши.

Наконец, еще одним ключевым элементом высшего звена судебной системы Польши является Конституционный трибунал, цель которого – проверка соответствия ряда нормативных актов Конституции Польши. Трибунал состоит из 15 судей, которые избираются сеймом на девять лет.

На рубеже XX–XXI вв. Польша в целом превратилась в современное демократическое государство, в котором, однако, серьезным влиянием во внутренней и внешней политике пользуется католическая церковь (в сравнении с государствами Западной Европы, в Польше довольно высокий процент граждан, считающих себя верующими). О влиянии церкви на внутреннюю политику свидетельствует вступивший в силу 28 января 2021 г. закон о фактически полном запрете абортов. Решение о запрете абортов было принято Конституционным судом Польши осенью 2020 г. Поддержанное католической церковью, данное решение вызвало, однако, массовые протесты польских женщин и практику так называемого «абортного туризма», когда за проведением указанной процедуры женщины выезжали в другие страны.

К началу 90-х гг. XX в. и первом десятилетии XXI в. в польской политической жизни продолжились процессы, истоки которых восходят к 1989 г. В первую очередь следует выделить консолидацию партийной системы, которая была в целом нестабильна, поскольку политические силы и партии сменяли друг друга, возникали популистские движения (например, «Самооборона», «Лига польских семей»)[1].

Во внешней политике Польша придерживается открытого прозападного курса, выступая с полной поддержкой всех инициатив США и НАТО по военному сдерживанию Российской Федерации, а также предоставляя военизированным подразделениям

[1] Подробнее об этом: Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. – М.: Индрик, 2012. – С. 904.

НАТО свою территорию для размещения военных баз (Польша стала членом Североатлантического альянса в 1999 г. и является его активным участником).

8.2. Государственное развитие Венгрии в Новейшее время

Ряд событий, произошедших в геополитическом плане в Европе вначале XX в., позволил обрести Венгрии суверенитет и оформить независимое государство.

Так, кайзер Австрии и король Венгрии Карл I 11 ноября 1918 г. самоустранился от царствования над Австрией, после чего рейхсрат упразднил монархию, что повлекло ликвидацию Австро-Венгрии. Вслед за самоустранением от царствования над Австрией, 13 ноября 1918 г., Карл I самоустранился и от царствования над Венгрией. Таким образом, в ноябре 1918 г. упразднялась монархия и Королевство Венгрия провозглашалось Венгерской демократической республикой. Президентом первого демократического государства в Венгрии стал М. Каройи (1875–1955).

В марте 1919 г. Коммунистическая партия Венгрии и Социал-демократическая венгерская партия образовали *Социалистическую партию Венгрии* и получили более половины мест в Будапештском рабоче-солдатском совете. Государственное собрание и Венгерский национальный совет были упразднены, после чего Рабоче-крестьянский совет, получивший власть, провозгласил учреждение *Венгерской Советской Республики*.

После состоявшихся в январе 1920 г. выборов в Национальное собрание большинство мест в нем получили консерваторы, Национальное собрание в марте 1920 г. объявило о восстановлении монархии. Регентом был объявлен Миклош Хорти.

События, непосредственно предшествовавшие началу Второй мировой войны, характеризуются агрессивной венгерской политикой, в ходе которой в течение 1938–1939 гг., Венгрия поучаствовала в разделе Чехословакии: южная часть Словакии, Карпатская Русь и часть восточной Словакии вошли в состав Венгерского государства. Кроме того, в состав Венгрии были включены и территории Северной Трансильвании (август 1940 г.) с преимущественно проживавшим там венгерским населением.

С началом Второй мировой войны Венгрия выступила на стороне нацистской Германии.

В ходе наступательных операций Красной армии в 1944–1945 гг. территория Венгрии была освобождена советскими войсками (понесшими при этом серьезные потери). Политическое влияние СССР в регионе привело к переходу власти к коммунистическому правительству.

Конституционное развитие Венгрии между Первой и Второй мировыми войнами закреплялось в принимаемых отдельных нормативных правовых актах, регламентировавших формирование и функционирование ключевых государственных органов власти и управления, при этом единого конституционного акта принято не было.

После окончания Второй мировой войны Государственное собрание Венгерской Народной Республики (ВНР) 18 августа 1949 г. приняло Конституцию, ставшую фактически первым единым конституционным документом. Имевшая сильное сходство с Конституцией СССР 1936 г., Конституция Венгрии была весьма идеологизированным документом: ее разработчики закрепляли партийные принципы строительства венгерского общества, заявляли о том, что народ Венгрии под руководством «закаленного в революционной борьбе рабочего класса, обогатившись опытом Советской Республики 1919 г., опираясь на содружество социалистических стран», заложил основы социализма. Следовательно, как в тексте Конституции, так и исходя из ее духа, можно видеть отражение тех изменений, которые произошли в венгерском обществе под влиянием идеологических принципов социализма.

Верховным органом власти и народного представительства в ВНР Конституция провозгласила *Государственное собрание*. К его компетенции были отнесены издание законов, утверждение народнохозяйственного плана и государственного бюджета, объявление войны и мира, формирование Президиума ВНР, Совета министров, учреждение министерств, избрание председателя Верховного суда и генерального прокурора. Государственное собрание избиралось на шесть лет.

Важной функцией Государственного собрания являлось избрание Конституционно-правового совета, который контролировал конституционность принимаемых правовых норм и правовых

директив, а также мог приостанавливать противоречащие Конституции акты.

Совет министров формировался и распускался Государственным собранием по предложению Президиума ВНР.

В плане административно-территориального устройства Венгрия состояла из областей, городов и сельских поселений, в которых действовали советы, избираемые на пять лет.

Созданная наподобие советской сталинской Конституции, Конституция Венгрии 1949 г. содержала обширный комплекс прав и свобод личности, гарантий их осуществления, однако, как и свой советский прообраз, отличалась тем, что многие ее положения не выполнялись. В первую очередь это относится к области реализации закрепленных прав и свобод граждан. Ясно, что политический режим, установившийся в Венгрии в послевоенный период, отличался жесткостью и антидемократичностью.

После смерти Сталина и осуждения на XX съезде КПСС культа личности в политическом режиме Венгрии наметилась определенная либерализация, при этом в общественной жизни произошли события, подорвавшие стабильное развитие политической системы.

Апогеем внутриполитической борьбы стали события октября – ноября 1956 г., называемые *Венгерским восстанием*, или *Венгерской революцией* 1956 г. Основной причиной выступления против коммунистического правительства стало недовольство населения Венгрии просоветским коммунистическим режимом, а также военное присутствие в Венгрии советских вооруженных сил. Восстание началось со студенческих выступлений в Будапеште и формулировки ряда требований к органам власти, главными из которых были требования немедленного созыва внеочередного партийного съезда, вывода советских войск из страны, сноса памятника Сталину и т. д.

23 октября 1956 г. политическим руководством Венгерской партии трудящихся принято решение о назначении И. Надя премьер-министром (отличался резкими реформаторскими высказываниями и либеральными взглядами).

В конце октября – начале ноября 1956 г. в Будапешт были введены советские войска, солдаты и тяжелая военная техника,

шли уличные бои, однако к 8 ноября после ожесточенных уличных боев все очаги сопротивления были подавлены. В результате указанных событий численность советских войск в Венгрии была увеличена, но произошла частичная либерализация коммунистического режима. Из-за событий 1956 г., а также в силу иных схожих факторов в Венгрии был установлен более либеральный политико-правовой режим, особенно в сравнении с другими восточноевропейскими странами. Либерализация же в экономической сфере позволила венгерцам достичь такого уровня экономики и благосостояния граждан, который сопоставим с уровнем жизни в ряде западноевропейских государств.

К началу 70-х гг. XX в. в Венгрии возникает необходимость корректировки конституционно-правового вектора развития, результатом чего стала новая редакция Конституции Венгрии 1972 г. Вносимые в основной закон республики поправки были обусловлены идеологическими изменениями. В частности, политическое руководство настаивало на том, что к этому моменту республика в целом завершила формирование основ социализма и требуется переход к построению развитого (полного, совершенного) социализма. Следует отметить, что по своей сути все основные институциональные основы политической системы Венгрии остались неизменными, хотя ряд формулировок приобрел более демократический смысл и значение (можно привести в пример конституционно-правовую норму об уважении республикой прав и свобод человека, а также иные внесенные уже после 1972 г. поправки либеральной направленности).

Радикальные изменения, вызванные очевидным для основных политических сил Венгрии социально-экономическом кризисом, были внесены в Конституцию Венгрии в 1989 г. Венгерское общество требовало принятия поправок и внесения изменений в основной закон государства, которые бы способствовали модернизации всей политической и экономической системы.

В результате конституционной реформы, проведенной Государственным собранием Венгрии, в стране была принята новая редакция Конституции, в текст основного закона внесены новации, отражавшие изменившуюся раскладку политических сил в венгерском обществе, трансформацию экономических основ.

С другой стороны, Венгрия отказалась от идеологизации текста Конституции, которая сопровождала ее начиная с 1949 г. В Конституции с 1989 г. закреплялся ряд общепризнанных принципов, основ демократической организации государственной власти. Отметим также и такое положение обновленной Конституции Венгрии, в соответствии с которым устанавливалось, что внесенные изменения являются основой для последующего мирного перехода к правовому государству. Несмотря на то, что и после 1989 г. в конституционный текст вносились некоторые изменения и дополнения, политическое руководство страны недвусмысленно давало понять, что в ближайшем будущем в Венгрии планируется разработка и принятие новой Конституции, содержащей положения демократического характера.

Структура государственной власти, построенная по принципу разделения властей, включала высший законодательный орган – венгерский однопалатный парламент (Государственное собрание), депутаты которого выбирались на всеобщих выборах на четырехлетний срок. Государственное собрание, наряду с основной функцией (законодательной и представительной), осуществляло ряд иных весьма значимых полномочий.

Главой ВНР являлся президент, который избирался Государственным собранием сроком на пять лет. Президент, в соответствии с нормами Конституции, олицетворяет единство нации и стоит на страже демократии. Помимо полномочий главы государства, президент наделялся функциями верховного главнокомандующего вооруженными силами, рядом представительских функций, имел существенные полномочия в процессе формирования правительства.

Высшую исполнительную власть в Венгрии осуществляло правительство. Кандидатуры на должность министра-председателя предлагал президент, а утверждало их Государственное собрание. Что касается рядовых членов правительства, то они назначались и освобождались президентом Венгрии по предложениям министра-председателя.

Первые свободные выборы в парламент состоялись в Венгрии в мае 1990 г. По итогам выборов власть в стране перешла от бывшей правящей Венгерской социалистической партии к право-

консервативному блоку во главе с находившейся в оппозиции партией *Венгерский демократический форум*[1]. Можно также говорить о том, что с 1990 г. в Венгрии меняется структура и характер всей политической системы общества, а также экономической модели развития.

К концу XX – началу XXI в. Венгрия достигла определенного уровня развития экономики, а также превратилась в государство, проводящее независимую внутреннюю и внешнюю политику. Заметной фигурой в политическом руководстве страны является венгерский политический и государственный деятель Виктор Орбан, ставший в 1998 г. самым молодым (35 лет) премьер-министром в современной истории Венгрии (сформированное им правительство было правоцентристским, включало представителей победившей на выборах в 1998 г. партии «Фидес»).

К заслугам В. Орбана можно отнести укрепление должности премьер-министра в системе власти Венгрии, успешно проведенную реформу государственного аппарата, укрепление венгерской экономики, снижение парламентского влияния в системе власти (за счет укрепления личной власти премьер-министра).

В связи с распространением пандемии коронавируса в Европе парламент Венгрии 30 марта 2020 г. расширил полномочия правительства В. Орбана на неопределенный срок. Решением парламента в государстве запретили проведение досрочных выборов, а правительство получило право приостанавливать действие некоторых нормативных правовых актов. В. Орбан не пользуется поддержкой руководителей государств Европейского союза в силу проводимой им независимой (и часто оппозиционной) внешней и внутренней политики.

[1] Усиевич М.А. Венгрия: 10 лет реформ // Современная Европа. – 2000. – № 4(4). – С. 70.

8.3. Эволюция государственности Болгарии в Новейшее время

История Болгарии в XX в. исключительно динамична. Многие исследователи считают, что ее развитие можно отождествлять с радикальной сменой направлений социально-экономической и политической эволюции[1].

К началу XX в. в Болгарии наблюдались разнонаправленные процессы, вызванные внутриполитическими, а чаще внешнеполитическими событиями. Исследователи отмечают экономический скачок в развитии государства при сохранении признаков аграрной модели экономики. В начале столетия в истории Болгарии важнейшим событием было провозглашение независимости, сопровождавшееся приходом к власти различных партийных коалиций, повышением роли монарха в структуре политической системы.

Противоречивым было развитие Болгарии и после Первой мировой войны. После свержения правительства А. Стамболийского в результате государственного переворота 1923 г. к власти пришел А. Царков. Установившийся режим и в отечественной, и в болгарской литературе традиционно воспринимается как фашистский, но с болгарскими особенностями[2].

19 мая 1934 г. в Болгарии произошел военный переворот, в результате которого установилась личная диктатура царя Бориса III (с этого времени в стране усиливается влияние нацистской Германии). Как следствие, Болгария вплоть до окончания Второй мировой войны сохраняла де-юре статус монархии, в целом симпатизировала гитлеровскому режиму.

Если обобщить результаты Второй мировой войны для Болгарии, то можно сказать, что в государственно-политическом плане была свергнута монархия, а также провозглашена республика коммунистической (социалистической) направленности (в сентябре 1946 г.). Исследователи, однако, подчеркивают, что «свержение монархии и установление схожего с СССР государ-

[1] Болгария в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. Е.Л. Валева. – М.: Наука, 2003. – С. 8.

[2] Там же. – С. 167.

ственного строя были в меньшей степени обусловлены влиянием СССР, чем в других восточноевропейских странах»[1].

Первая послевоенная Конституция Болгарии была принята Великим народным собранием 4 декабря 1947 г. (в 1971 г. принимается ее новая редакция). В целом она была характерной для своего времени и носила социалистический характер.

Существенные изменения в государственном строе и политической системе произошли в Болгарии на рубеже 80–90-х гг. XX в. Так, в декабре 1989 г. сформирован коалиционный *Союз демократических сил* (в него вошло 13 политических организаций), превратившийся в реальную оппозиционную Болгарской коммунистической партии силу. Результатом антикоммунистических настроений в болгарском обществе стала отмена 15 января 1990 г. на сессии Народного собрания конституционного положения о руководящей роли Болгарской коммунистической партии в государстве и обществе. После отставки правительства Г. Атанасова и формирования нового кабинета во главе с А. Луканoвым в апреле 1990 г. Народное собрание единогласно избрало президентом республики П. Младенова.

С этого момента в Болгарии закрепляется равноправие форм собственности, упраздняется Государственный совет, вводится принцип многопартийности. Наконец, на общепартийном референдуме коммунистов в апреле 1990 г. Коммунистическая партия была преобразована в *Болгарскую социалистическую партию* и стала проводить в жизнь социал-демократическую политику.

Новая Конституция Болгарии была принята в 1991 г. Документ зафиксировал кардинальное изменение государственных институтов и закрепил принцип построения социального государства. Конституция изменила идеологические основы, ввела принцип разделения властей, провозгласила основные права и свободы личности. По форме правления Болгария провозглашалась парламентской республикой. В соответствии с конституционными положениями высшим законодательным органом в стране становился болгарский однопалатный парламент (Народное

[1] Подробнее об этом: Гущина Л.И., Епифанова Е.В. История государства и права зарубежных стран: учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ, 2015.

собрание), депутаты которого избирались на всеобщих выборах на четырехлетний срок.

Исполнительная власть по Конституции находилась в руках *Совета министров*, в который входили министр-председатель (утверждается Народным собранием по представлению президента), его заместители и министры. Как принято в общемировой практике республиканского парламентского правления, в Болгарии традиционно кандидатура министра-председателя определялась по результатам парламентских выборов: должность занимал лидер партии, занимавшей максимальное число мест в Национальном собрании. В Болгарской системе сдержек и противовесов, которая четко была прописана в нормах Конституции, предполагалось, что утверждение министра-председателя может состояться лишь в том случае, если им в семидневный срок после президентского поручения будет сформировано правительство. Если такого не происходит, по Конституции президент должен поручить осуществление функций лидеру следующей по численности парламентской партии. Гарантией взаимосвязи парламента и правительства Болгарии служит норма Конституции, в соответствии с которой в случае отсутствия решения по формированию правительства президент распускает Народное собрание и назначает новые выборы.

Что касается самого президента Болгарии, то его должность замещалась выборным путем. Он являлся верховным главнокомандующим, а также наделялся некоторыми традиционными для парламентской республики государственными функциями.

Исследователи выделяют некоторые недостатки Конституции Болгарии, одним из которых можно считать отсутствие должного внимания статусу и роли политических партий. Партийная система Болгарии, по сути, «висит в воздухе», возникает вопрос о связи между партийной системой и социальными структурами, которые эта система должна обслуживать. Это повлекло, в свою очередь, трансформацию государственных институтов, когда под видом парламентаризма возникли явления, не соответствующие декларированным перед обществом целям[1]. Аналогич-

[1] Подробнее об этом: Стоилов Я. Конституционная модель и функционирование политической системы в Болгарии (в переводе) // Ново време. – София, 2003. – С. 12–31.

ный кризис доверия в Болгарии существует и по отношению к судебной власти.

Что касается результатов эволюции избирательной системы Болгарии в Новейшее время, то вначале XXI в. она является пропорциональной, с 4-процентным барьером для партий, желающих быть представленными в парламенте. На первых выборах 13 октября 1991 г. именно этот барьер не позволил четвертой части электората быть представленными в парламенте. Несмотря на это, Народное собрание утвердилось в политической жизни Болгарии как политический форум по обсуждению основных проблем общественного развития и согласованию национальных интересов при принятии законодательных решений[1].

С начала XXI в. во внешней политике Болгария занимает активную прозападную позицию, результатом чего стало членство страны в НАТО (с 2004 г.) и в Европейском союзе (с 2007 г.). Вместе с тем двадцатилетний период трансформации государственности Болгарии в XXI столетии показал, что остаются проблемы в преодолении бедности, достижении европейских показателей развития, построении правового государства и гражданского общества. Поскольку в 90-е гг. XX в. переход к парламентской модели развития произошел в Болгарии сверху, перестроечное десятилетие, вселявшее вначале надежды на резкое улучшение жизни болгар в связи с приходом демократии, завершилось разочарованием большинства населения, оказавшегося в худшем социальном положении, чем при социализме[2].

8.4. Румыния в Новейшее время

Весьма интересной представляется и Новейшая история Румынии, которая своими истоками уходит к начавшейся в апреле 1877 г. Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Война способствовала

[1] Близнашки Г. Парламентское управление в Болгарии // Процессы демократизации в Восточной Европе: ожидания и реальность. – 2001. – № 2001. – С. 17–23.

[2] Светлорусова Л.М. Развитие парламентаризма в Болгарии (обзор) // Процессы демократизации в Восточной Европе: ожидания и реальность: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Игрицкий Ю.И. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. – С. 15.

освобождению Румынии и других народов Балканского полуострова от господства Османской империи. В 1881 г. Румыния была провозглашена королевством.

Первая половина 1918 г. в Румынии отмечена массовыми забастовками и восстанием на флоте. Румыны активно включались в движение солидарности с победившим пролетариатом в советской России, поэтому участие правящих кругов Румынии в интервенции против РСФСР и Венгерской советской республики в 1919 г. встретило открытое неодобрение активной части румынского общества. В результате активизации политических процессов Социал-демократическая партия Румынии была преобразована в Социалистическую партию Румынии (СПР).

В качестве политико-правовых итогов Первой мировой войны можно отметить разразившийся политический кризис буржуазно-помещичьего режима, что выразилось в частых реорганизациях и сменах правительств в Румынии, а также в появлении новых партий. Так, в 1921 г. создается Коммунистическая партия Румынии, а в 1926 г. – Национал-царанистская партия (НЦП) – румынская политическая крестьянская партия. При этом в области внешней политики Румыния укрепляла связи с рядом западных держав.

В 1930 г. в страну возвратился наследный принц Кароль, изгнанный в 1926 г. из Румынии, который был тесно связан с монополистическими кругами Великобритании и Франции. В июне 1930 г. происходит его коронация под именем Кароля II, а 1931 г. ознаменовывается созданием фашистской организации «Железная гвардия».

Активная фашизация государства способствовала появлению различных политических группировок фашистской направленности, например Национал-либеральной партии, Национал-христианской партии и иных фашистских группировок.

Изначально объявив о нейтралитете во Второй мировой войне, к лету 1940 г. монархо-фашистское правительство Румынии отказалось от такой политики, а в стране полностью укрепился фашистский режим: после устранения в сентябре 1940 г. Кароля II новым королем был провозглашен его сын Михай. Фактическая же власть в государстве перешла в руки генерала

И. Антонеску, который в сотрудничестве с «Железной гвардией» установил военно-фашистскую диктатуру.

Как результат усиления фашистских идей, 22 июня 1941 г. Румыния вместе с нацистской Германией начала войну против СССР. Лишь с подписанием 12 сентября 1944 г. перемирия с Советским Союзом и государствами антигитлеровской коалиции Румыния вновь обрела суверенитет, построила демократическую политическую систему, а в ноябре 1946 г. в стране были проведены первые послевоенные парламентские выборы (победу на них одержала коалиция демократических сил, собрав 80% всех голосов) с последующим отречением короля Михая от престола 30 декабря 1947 г.

Провозглашение Румынской Народной Республики (РНР) символизировало трансформацию народно-демократической революции в Румынии в социалистическую: функцию диктатуры пролетариата стало выполнять само народно-демократическое государство.

Первая Конституция РНР была принята в апреле 1948 г., в результате чего сразу же была проведена национализация основных средств производства и ликвидирована как класс крупная буржуазия.

Заметным событием на внутриполитической арене Румынии, которое оказало значительное влияние на дальнейшее развитие всей страны, стало избрание на пост генерального секретаря ЦК РКП в 1965 г. Н. Чаушеску. Режим, сформировавшийся в Румынии за годы нахождения у власти Н. Чаушеску, отличается противоречивостью, однако можно утверждать об имевшем место культе личности, а также о недовольствах его внутренней политикой со стороны партийных сил страны.

События 1989 г. в Румынии, известные как *Румынская революция* (по сути – антикоммунистическое восстание, приведшее к свержению правительства президента Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску), завершились судом над Н. Чаушеску (предъявлялись обвинения в преступлениях против государства, в геноциде собственного народа, в открытии тайных счетов в иностранных банках) и расстрелом его и супруги 25 декабря 1989 г.

Выход Румынии из социалистического содружества государств Восточной Европы и ликвидация тоталитарного политического режима означали, как и в ряде других европейских стран, сближение с Европейским союзом и НАТО, однако членом этих организаций Румыния стала не сразу (в 2004 г. – член НАТО, с 2007 г. – член Европейского союза).

После принятия Конституции Румынии 1991 г. ключевым элементом политической системы становится парламент, формирование которого явилось следствием процессов демократизации общества. Парламент Румынии состоит из двух палат (сената и палаты депутатов) и избирается на четыре года. В соответствии с румынским законодательством депутаты и сенаторы избираются на основе списков независимых кандидатов, однако должны представлять определенные партии и политические движения[1].

8.5. Возникновение, развитие и распад Чехословакии

В Новейшей истории Европы нельзя не выделить становление и развитие Чехословакии – государственного образования, сложившегося в 1918–1919 гг. и включавшего в себя территории Чехии, Моравии, Силезии, Словакии и Подкарпатской Руси (земли Верхней Венгрии).

По Конституции 1920 г. основным законодательным органом Чехословакии объявлялся двухпалатный парламент – Национальное собрание, состоявшее из сената и палаты депутатов. В полномочия Национального собрания входило избрание президента и утверждение сформированного им кабинета министров.

В послевоенный период государственность Чехословакии была восстановлена в 1945 г. в пределах прежней территории (исключением стала включенная в состав Украинской ССР Подкарпатская Русь). При этом следует отметить, что рубеж 40–50-х гг. XX в. характеризуется сильным политическим влиянием СССР на внутреннюю политику страны.

[1] Биткова Т.Г. Парламентаризм и политические партии в Румынии // Процессы демократизации в Восточной Европе: ожидания и реальность. – 2001. – № 2001. – С. 55.

В 1960 г. Национальное собрание принимает новую Конституцию, ознаменовавшую собой закрепление *Чехословацкой Социалистической Республики*. С 1968 г. Чехословакия становится федеративным государством, состоящим из двух равноправных единиц – Чешской Социалистической Республики и Словацкой Социалистической Республики. Заметным событием этого периода стал приход к власти на посту первого секретаря ЦК КПЧ (Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии) А. Дубчека, который провозгласил своей главной целью «построение социализма с человеческим лицом». Соответственно поставленной цели был взят курс на демократизацию управления и либерализацию политической системы, получивший общее название «Пражская весна». Однако после ввода в Чехословакию контингента войск Организации Варшавского договора (вооруженные силы СССР, Венгрии, Болгарии, Польши, ГДР) курс на либерализацию был свернут, некоммунистические организации были ликвидированы, восстановлена цензура.

С приходом к власти в 1989 г. новых политических сил, обусловленных общей для Восточной Европы тенденции к смене коммунистических режимов, в Чехословакии утвердились идеи размежевания двух государств. В результате история Чехословакии завершилась в 1993 г. мирным распадом на Чехию и Словакию в ходе так называемого «бархатного развода».

В истории государства и права Чехословакии в Новейшее время многими исследователями делается акцент на факторах, способствовавших образованию государства в 1918 г. В этом плане можно отметить, что это был во многом спонтанный процесс, который соответствовал преимущественно политическим, философским взглядам и устремлениям небольшой группы интеллектуалов[1]. Это и явилось одной из ключевых причин распада государства под действием внутриполитических и международных факторов.

По мнению М.В. Ведерникова, ключевую роль для Чехословакии в течение всего времени ее существования как суверенного государства играл внешнеполитический фактор, который выражался

[1] Ведерников М.В. Особенности возникновения Первой Чехословацкой Республики (1918–1938 гг.) // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. – 2019. – № 1-2(1-2). – С. 158.

не только во влиянии событий за рубежом на положение самой страны, но и в неспособности внутренних политических сил формулировать повестку политического развития страны, что приводило к необходимости подчиняться идеям, развивавшимся за пределами Чехословакии (даже если их идейными вдохновителями были чехи или словаки)[1].

Таким образом, обозревая всю политико-правовую и государственно-правовую историю развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в Новейшее время, можно отметить, что им присущи общие закономерности в плане развития форм правления, политической системы, а также трансформации государств после крушения Советского Союза и исчезновения его влияния.

[1] Ведерников М.В. Соотношение внешних и внутренних факторов в реализации политических проектов Чехословакии // Современная Европа. – 2018. – № 7. – С. 58.

9. Государство и право стран Латинской и Южной Америки

9.1. Общая характеристика государственно-правового развития стран Латинской и Южной Америки в XX веке

К концу XIX в. Латинская Америка превратилась в континент, который населяло свыше 60 млн человек, проживающих на территории 20 независимых государств. Государства отличались политическим, экономическим и социальным развитием, из всех стран континента насчитывалось порядка 18 испаноязычных стран, в Бразилии использовался португальский язык, в Гаити – французский. Две трети территории и практически такая же часть населения приходились на такие государства, как Бразилия, Аргентина и Мексика, что делало их наиболее крупными и развитыми латиноамериканскими государствами, определявшими политико-правовой и экономический климат на всем континенте.

Особенности государственного и правового развития Латинской Америки во многом предопределены происхождением латиноамериканских наций. Эти страны формировались из разнородных расово-этнических компонентов – европейских колонистов, индейского населения, выходцев из Африки, имевших разные обычаи, языки, культуры.

В целом в странах этого региона в XIX в. сформировались патриархально-патерналистские традиции, что в немалой степени предопределило олигархическую форму правления. Важную роль играла и играет католическая церковь.

В конце XIX – начале XX в. в ряде стран набирают силу либерально-демократические движения, которые, поддерживаемые обществом, начинают устанавливать более демократические институты. Так, в Бразилии республика была провозглашена в 1891 г. после свержения монархии. В Мексике, истерзанной гражданской войной и противостоянием с США, конституция была принята в 1917 г.

Первая мировая война в целом способствовала ускорению развития капиталистических отношений, хотя специфика региона состояла в определенной инертности производственных отношений,

а экономика даже после завершения мировой войны развивалась крайне медленными темпами.

Во многом благодаря такой особенности экономической модели стран Латинской Америки формируется и политическая модель. Последняя также эволюционировала весьма медленными темпами, чему способствовал фактор отстранения широких масс неграмотного и малограмотного населения от участия в выборах. Поэтому говорить о первоначальной стадии зарождения гражданского общества, свойственного государствам европейского континента этого же периода, можно лишь условно. В связи с этим провозглашенные латиноамериканские республики на деле таковыми не являлись, а реальная власть во многих государствах была в руках монархической верхушки.

Кардинально ситуацию изменил мировой кризис 1929–1933 гг. Так, в Бразилии буржуазная революция 1930 г. покончила с олигархическим режимом. В Чили и на Кубе рухнули диктаторские режимы. А вот в Аргентине произошел обратный процесс – к власти пришли консервативные круги.

Государственное регулирование экономики (в целях преодоления кризиса) в латиноамериканских республиках в 30-е гг. XX в. проявлялось в первую очередь во введении сравнительно высоких протекционистских пошлин на импорт и других форм стимулирования экономического развития (наиболее популярными инструментами в этом плане были субсидии, предоставление кредитов, введение финансовых и налоговых льгот местным предпринимателям, развитие государственного сектора). Все это осуществлялось под влиянием соответствующих антикризисных мер в развитых странах.

Характерной чертой развития государств Латинской и Южной Америки вначале XX в. было одновременное наличие двух противоположных тенденций: рост капитализма и соответствующих отношений с сохранением признаков латифундизма и клерикализма с параллельными процессами национальной консолидации и этнической интеграции. Заметной тенденцией также стал рост политической активности зарождающегося среднего класса, а также постепенное преодоление присущего латиноамериканским странам в течение предыдущего столетия изоляционизма.

Значительную роль в развитии Латинской Америки сыграло изменение политики США в отношениях со странами этого региона. В 1933 г. Рузвельт заявил о том, что Соединенные Штаты отказываются от интервенции и других форм вмешательства в дела латиноамериканских государств и начинают переход к политике добрососедских отношений. На деле, естественно, указанная политика означала в первую очередь переориентацию США на более гибкие формы экспансии.

Вторая мировая война и ее катастрофические в экономическом и социальном плане последствия обошли стороной территории латиноамериканских государств, что позволило им определенным образом продвинуться в экономическом развитии. Результатом этого стало укрепление представителей национальной промышленной буржуазии, которые стремились потеснить иностранный капитал, лишить буржуазно-помещичью олигархию традиционных источников дохода. Эти намерения нашли поддержку у значительной части населения латиноамериканских стран. На основе такой консолидации появляются и укрепляются различные национал-реформистские партии и движения, программные документы которых призывали к единству нации во имя социального развития и экономического прогресса. Еще одной задачей указанных политических сил было стремление к достижению социальной справедливости и укреплению реального суверенитета своих стран. Из типичных примеров можно выделить Аргентину и Мексику, в политической системе которых данные политические движения получили наибольшее распространение и развитие.

Вместе с тем во многих латиноамериканских государствах внутреннее положение оставалось крайне неустойчивым. Огромная разница в уровне жизни между крупными собственниками, банкирами и поддерживаемым ими чиновничеством, с одной стороны, и основной массой трудящихся, с другой стороны, нищета значительной части последних создавали предпосылки для революционных потрясений. Так было, например, в Гватемале, Колумбии, Сальвадоре, Боливии (50-е гг.), Перу (1968–1975 гг.), Никарагуа (1979–1990 гг.) и др.

При этом самой заметной и оказавшей существенное влияние на развитие многих государств континента, по мнению

большинства исследователей, стала революция на Кубе в 1959 г., когда коммунистически настроенные революционеры, возглавляемые Фиделем Кастро, смогли свергнуть режим генерала Батисты. Следует отметить также революцию в Чили, где в 1970 г. к власти путем выборов пришло движение «Народное единство» во главе с президентом Сальвадором Альенде, которое через три года было свергнуто посредством военного переворота (не без поддержки США), включая военный штурм президентского дворца, а главой хунты стал генерал Пиночет. Эту акцию мировая общественность осудила, но положение в Чили не менялось из-за позиции США.

И если режим Кастро еще длительное время сохранялся и продолжает существовать уже в XXI в. с нынешним президентом Мигелем Диас-Канелем (несмотря на весьма скромные успехи в различных областях жизни, за исключением, вероятно, спорта, где кубинцы традиционно сильны в боксе и волейболе), то в Чили диктатура Пиночета пала в 1990 г. Нелегкие испытания выпали также на долю Бразилии, Аргентины, Уругвая, Парагвая, Боливии, Гаити и ряда других стран, где в разное время устанавливались режимы фашистского и полуфашистского толка.

Во второй половине XX в., в течение 80-х гг., в абсолютном большинстве латиноамериканских государств сформировались государственные органы власти и управления на общепризнанных сегодня демократических началах (выборность властей, разделение власти, наличие демократических процедур при принятии важнейших государственных решений, парламентаризм, гласность, независимость судов и др.).

Однако экономически эти страны, несмотря на определенные успехи в экономике (особенно это касается Аргентины, Мексики, Чили, Бразилии), по-прежнему относятся к разряду развивающихся, с сильной стратификацией общества по уровню доходов. В 1992 г., по данным ООН, порядка 40% латиноамериканцев проживало ниже черты бедности, что составляло примерно 220 млн человек.

В сфере развития права латиноамериканские страны переняли в основном европейское континентальное право, причем наибольшее влияние оказали нормы и институты французского и немецкого права. При этом важно понимать, что базовые прин-

ципы, а также фундаментальные основы правовой политики в Латинской Америке были сформированы еще в XIX в. В Новейшее время они лишь совершенствовались с учетом общемировых тенденций в развитии права, гражданского общества, уровня цивилизации и т. д.

Таким образом, можно прийти к выводу, что государственно-правовое развитие стран Латинской и Южной Америки в XX в. характеризуется видовым единством при наличии ряда особенностей, обусловленных политическим, социальным и экономическим развитием конкретного государства континента. Принципиальным здесь является тот факт, что большинство государственных и правовых институтов латиноамериканских стран имеют в своей основе европейские образцы, фактически латиноамериканская государственность имеет европейское происхождение.

Что касается общих закономерностей государственного развития стран Латинской Америки, то можно выделить противоречивость и нелинейность становления и эволюции государственно-правовых институтов, в которых преобладали олигархические и диктаторские тенденции (применительно к формам правления). Относительно стабильное развитие органов власти и управления, основанное на демократических принципах, начинается лишь приблизительно с 80-х гг. XX в.

9.2. Эволюция форм правления в странах Латинской и Южной Америки

XX век стал периодом формирования и расцвета на континенте такой формы правления, как президентская республика, при этом большинство установившихся президентских режимов в целом, учитывая особенности и трудности реализации, показали и доказали свою жизнеспособность. Многочисленные попытки изменить установившуюся тенденцию к утверждению президентских республик, а также научно обосновать необходимость закрепления парламентарных моделей республиканского правления в странах Латинской и Южной Америки успеха не имели. Одной из главных причин этого в науке называется социокультурная и политическая преемственность власти в рассматриваемом регионе.

Следует отметить, что в государствах Латинской и Южной Америки не сформировалось единой и общей для всех стран модели президентской республики: разнообразные ее модификации были обусловлены поддержкой относительных достоинств и стремлением к минимизации недостатков сильной власти президента. Кроме того, конкретная модель президентской республики определялась в Латинской Америке также этническим составом населения, культурным разнообразием, особенностями национальной истории, а также рядом иных социально-экономических факторов.

К рубежу XX–XXI вв. в странах континента в целом, с учетом конкретного распределения полномочий и сфер влияния между законодательной и исполнительной властью, сформировалось несколько конкретных моделей президентской республиканской формы правления. В первую очередь следует выделить *модель с сильной президентской властью*, часто именуемой *гиперпрезидентством*. Эта модель характеризуется наличием явных недостатков, среди которых выделяют отсутствие поддержки населения (легитимности) в процессе формирования правительства, высокий уровень персонификации власти (персоноцентричная организация управления), отсутствие консенсуса между политическими партиями и постоянные политические столкновения между представителями и органами законодательной и исполнительной властей, фактическая неспособность политических элит достигнуть коалиционного соглашения, затрудненный процесс смены правительств в случае снижения уровня поддержки народом политического курса, выбранного действующим президентом и ряд иных.

Сильные президентские полномочия весьма часто в государствах Латинской и Южной Америки не служили залогом прогрессивного развития общества, а во многом препятствовали решению насущных задач, способствовали большому количеству государственных переворотов (специфика региона в этом плане заключалась в том, что в случае появления на посту главы государства слабой личности, которая к тому же не пользовалась поддержкой большинства представителей политической элиты, государственный переворот был практически неминуем).

Относительно сбалансированное разделение властей, сопровождающееся некоторым незначительным усилением полномочий президента за счет уменьшения влияния парламента, было характерно для *умеренной президентской модели*. Здесь в большинстве случаев не предусматривалось досрочного прекращения полномочий парламента (тем более его прямого роспуска), но конституционно закреплялось право на возбуждение и реализацию процедуры импичмента.

Следующей распространенной моделью стала *полупрезидентская республика* (другое название – *президентско-премьерская республика*), где должность президента замещалась выборным путем (на основе всеобщего голосования на определенный фиксированный срок), однако в системе высшей власти присутствовал и *премьер-министр*, бывший фактическим главой кабинета министров и сохранявший относительную независимость от главы государства.

Близкой к рассмотренной выше можно считать еще одну нетипичную разновидность республики – *президентско-парламентскую республику*. В этой модели глава государства являлся всенародно избранным лидером страны, имел серьезные полномочия по решению важнейших государственных вопросов, но наряду с этим в системе власти присутствовал премьер-министр, а в соответствии с конституцией парламент реализовывал свое право утверждения всех либо только ключевых министров правительства. Указанная форма правления позволяла (продолжает использоваться и в настоящее время) избежать явных недостатков чистой президентской и чистой парламентской республиканской модели.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов при построении структуры исполнительной власти в странах Латинской и Южной Америки в конце XX – начале XXI в. стала проблема наличия должности *вице-президента*. Этот пост предусматривался во всех президентских республиках, за исключением Мексики (в ряде стран учреждалось несколько должностей вице-президентов, например, в Панаме, Перу и Коста-Рике было два вице-президента, в Гондурасе – три.). Определенные отличия от общепринятой на континенте конституционной практики наблюдались в Аргентине, где вице-президент одновременно занимал должность председателя сената, а также в Чили, когда обязанности

вице-президента могли быть возложены в случае необходимости на председателя верхней палаты парламента.

В соответствии со сложившейся конституционной практикой в латиноамериканских странах вице-президент в президентских республиках нередко исполнял президентские функции в случае досрочного прекращения полномочий главы государства (по различным причинам). Нередко вице-президент выступал в роли представителя коалиционной партии с целью обеспечения претендентам на пост президента максимальное количество голосов. Во всех иных случаях в обязанности вице-президента традиционно входил прием иностранных послов, получение верительных грамот, вручение государственных наград и иные подобные функции.

Как отмечают исследователи, в большинстве латиноамериканских стран должность вице-президента была конституционно закреплена в первую очередь для минимизации рисков в период чрезвычайных ситуаций, поэтому в обычных обстоятельствах обязанности вице-президентов часто были недостаточно четко определены[1]. В качестве примера можно привести законодательство Парагвая, предоставившее вице-президенту право представлять президента на международном и внутригосударственном уровнях, право участвовать в заседаниях Совета министров и координировать взаимоотношения между исполнительной и законодательной властью. Нормы же конституций Бразилии и Перу и вовсе не конкретизируют полномочия вице-президента.

Более подробно функции вице-президента были закреплены в Конституции Венесуэлы 1999 г.: на исполнительного вице-президента, которого назначал президент, были возложены многие обязанности премьер-министра, а именно: руководство Государственным советом, координация отношений между субъектами федерации и федеральным центром, руководство совместно с президентом вопросами работы правительства, право внесения предложений по назначению и смещению министров, право председательствовать на заседаниях Совета министров с разрешения президента страны.

---

[1] Ивановский З.В. Конституционные реформы в Латинской Америке и их политические последствия (конец XX – начало XXI в.) // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 121.

В Новейшей государственно-правовой истории стран Латинской и Южной Америки встречались примеры, когда в периоды политических либо экономических кризисов вице-президенты становились главами государств, что в определенной степени обеспечивало преемственность власти, вело к некоторой стабилизации политической системы. Например, подобная ситуация наблюдалась в Бразилии, когда вице-президенты дважды становились главами государства (Ж. Сарней после смерти Т. Невиса в 1985 г. и И. Франку после импичмента Ф. Коллора в 1992 г.), а также в Парагвае: Федерико Франко после отставки Фернандо Луго стал президентом в 2012 г.

Таким образом, если проанализировать в целом развитие института форм правления в странах Латинской и Южной Америки, а также полномочия основных ветвей власти, то можно увидеть, что в практической конституционно-правовой деятельности наблюдается множественность форм правления, которые отличаются крайним динамизмом, находятся в постоянной эволюции и модификации, подавляющее большинство из них являются нетипичными.

Спецификой латиноамериканского конституционного развития и взаимоотношений органов высшей власти в Новейшее время можно считать усиление авторитарных тенденций во власти, с одной стороны, а также сохранение практики использования неписаных правил и норм поведения – с другой. Во многих странах нормы действующего законодательства носили формальный характер, отмечалось широкое применение незакрепленных в конституциях методов и средств политической борьбы.

9.3. Изменения в государственном строительстве стран Латинской и Южной Америки во второй половине XX – начале XXI века

Становление и эволюция конституционно-правовых институтов, форм государства, политических режимов, а также иных элементов, обусловленных принятием и действием основного закона в государствах Латинской и Южной Америки, имеют свою специфику. Она заключается в том, что в указанных странах

весьма заметным является расхождение так называемой юридической и фактической конституции. Собственно, сам текст принятой конституции далеко не всегда в Новейшее время означает фактическое наличие провозглашенных в нем принципов, институтов или сложившихся отношений в странах континента. На это же указывает и У.С. Ф. Мансилья, говоря, что даже прогрессивный текст конституции не решает структурных проблем государства, однако в известной степени способствует модернизации политических институтов и норм, непосредственно связанных с государственным аппаратом[1].

80-е гг. XX в. для стран Латинской и Южной Америки стали ключевыми, поскольку именно в этот период происходит ликвидация большинства *военно-диктаторских режимов*. Соответственно, в результате переработки прежнего авторитарного (либо тоталитарного) законодательства в силу вступили новые конституции, основанные на демократических принципах. При этом нередко за основу брались тексты основных законов, действовавших до военных переворотов (но были и иные примеры, в частности, в странах Центральной Америки, Парагвае демократические институты создавались фактически заново). Так, новые конституции вступили в силу в Гондурасе (1982 г.), Сальвадоре (1983 г.), Гватемале (1985 г.), Суринаме (1987 г.), на Гаити (1987 г.), в Никарагуа (1987 г.), Бразилии (1988 г.), Колумбии (1991 г.), Парагвае (1992 г.), Перу (1993 г.), Аргентине (1994 г.), Уругвае (1997 г.), Эквадоре (1998 г.), Венесуэле (1999 г.), Доминиканской Республике (2010 г.). Существенному реформированию подверглись основные законы Панамы (1978, 1983 и 1994 гг.), Никарагуа (1995, 2000 и 2005 гг.), Боливии (1994, 2002, 2004 и 2005 гг.), Гватемалы (1993 г.), Бразилии (1997 и 2005 гг.), Сальвадора (2000 г.), Уругвая (2004 г.), Колумбии (2005 г.) и особенно Чили (1989, 1991, 1997, 2000 и 2005 гг.)[2].

В начале XXI в. в ряде латиноамериканских стран установилась демократическая практика одобрения на референдумах новых, кардинально переработанных конституций (например, в ходе

[1] Цит. по: Ивановский З.В. Конституционные реформы в Латинской Америке и их политические последствия (конец XX – начало XXI в.) // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 111.

[2] Там же. – С. 112.

референдума в сентябре 2008 г. была одобрена Конституция Эквадора, а в январе 2009 г. – Конституция Боливии).

Характерной чертой ряда латиноамериканских государств до масштабных конституционных реформ было установление и развитие *режимов президентской власти* в той или иной модификации. Фактически избранный президент становился равным королю (демократические формы президентской власти соседствовали с возможностью ее усиления гипертрофированным развитием института чрезвычайного и осадного положения, нестабильностью партийных систем, слабостью политических партий, высокой степенью централизации вертикали власти, фактической неподконтрольностью кабинета министров конгрессу, а также политической активностью вооруженных сил).

Несмотря на то, что в странах Латинской и Южной Америки провозглашался принцип разделения властей, глава государства традиционно был наделен широкими полномочиями в законодательной сфере, чем большинство из президентов активно пользовались путем издания большого количества нормативных актов. Наиболее распространенной практикой стало использование *президентского вето* по отношению как к целым законам, принятым парламентом, так и к отдельным параграфам или разделам нормативного акта. Широкие полномочия глав латиноамериканских государств, естественно, распространялись и на деятельность судебной власти, когда президенты традиционно оказывали влияние на формирование высших судов, могли отправить ненужных им судей в отставку. Подобные прерогативы имелись и в отношении исполнительной власти: президенты назначали губернаторов, которые приводили к власти мэров (алькальдов) и иных представителей местной власти. Некоторые конституции содержали возможность роспуска президентом парламента, однако для этого должны были быть весомые аргументы.

На рубеже XX–XXI столетий власть президентов в странах Латинской и Южной Америки существенно ослабевает, происходит децентрализация управления за счет обеспечения автономии местных органов власти, повышения роли парламентов и приоритета законодательной власти над исполнительной.

Конституционные реформы рубежа веков, имея общие черты, все же обладали своей спецификой в каждом конкретном

государстве. Например, Конституция Колумбии 1991 г. существенно ограничила чрезвычайные полномочия главы государства, закрепив обязательное согласие конгресса на их реализацию. Здесь также были ликвидированы ограничения на деятельность средств массовой информации и политических партий. Более значимой представляется передача контроля над армией (которая на континенте всегда играла определяющую политическую роль) в руки правительства. Как справедливо отмечается исследователями, результатом реформ стало превращение колумбийского режима де-юре из ограниченной демократии в плюралистическую представительную демократию с элементами активного участия граждан в политическом процессе[1].

Ограничена президентская власть была и в Чили, где в начале 90-х гг. XX в. президент лишился права назначать мэров (их стали избирать жители на всеобщих выборах), был сокращен срок его полномочий (до четырех лет без права переизбрания), ликвидирован институт пожизненно назначаемых сенаторов.

Противоположные тенденции, однако, наблюдались в Венесуэле и Перу, где в результате реформ были фактически ликвидированы верхние палаты парламента, а главы государств получили право роспуска парламента. В этих странах наблюдалась политика по урезанию полномочий парламентов (за счет минимизации контрольных функций конгрессов), увеличению срока президентских полномочий. Указанные изменения ярко проявились в период президентства А. Фухимори (в Перу) и У. Чавеса (в Венесуэле).

9.4. Формирование основ латиноамериканского федерализма в Новейшее время. Особенности местной власти

Уникальные географические особенности континента стали одной из причин формирования основ федерализма в странах Латинской и Южной Америки в XX в. При этом, хотя федеративных государств в результате образовалось меньшинство в сравнении с

[1] Колумбия: обнадеживающие перемены / Институт Латинской Америки Российской академии наук. – М.: ИЛА, 2011. – С. 55.

унитарными, именно федерации играют ключевую роль в развитии внутренней и внешней политики рассматриваемых стран.

Укреплению *федерализма* способствовали проводимые в XX в. конституционные реформы, которые, как показала история, в основном оправдали себя в крупных по территории государствах. Например, Конституция Бразилии 1988 г. способствовала передаче в ведение штатов вопросов сохранения флоры и фауны, охраны окружающей среды, защиты культурной самобытности, решение проблем социальной интеграции, уменьшения разрыва между беднейшими слоями населения и остальными.

Аргентинский опыт укрепления федерализма опирался (после 1994 г.) на расширение в первую очередь экономических полномочий провинций. Начиная с 1997 г. и в Мексике активно усиливается децентрализация власти за счет укрепления полномочий штатов.

Противоречивое развитие федерализма на рубеже веков наблюдалось в Венесуэле, где вначале в соответствии с нормами и принципами органического закона 1989 г. в ведение штатов были переданы сферы культуры, спорта, образования, охраны окружающей среды, проведение общественных работ, решение проблем, связанных с полноценной защитой прав потребителей, и т. д., но позже по Конституции 1999 г. фактически большинство принципов федерализма были нивелированы.

Общей же закономерностью развития принципов федерализма в странах континента можно считать постепенное снижение доли налогов, поступающих от субъектов в федеральную казну.

Во второй половине XX в. латиноамериканский федерализм развивался по пути закрепления приоритета федерального законодательства при участии субъектов федерации в реформировании его норм и положений. В Бразилии, например, штатам было разрешено участвовать в разработке федерального законодательства, а в Мексике субъекты были вовлечены в процесс одобрения конституционных реформ или ратификации поправок, внесенных конгрессом союза. Ярко полномочия провинций реализуются в Аргентине, где влияние субъектов опирается на представительство в сенате: сенаторы активно голосуют при одобрении вносимых предложений по изменению системы власти, местного

управления и др. Обратно ситуация развивалась в Венесуэле, где штаты постепенно лишались возможности участия в проведении ключевых конституционных реформ.

Таким образом, к началу XXI столетия сформировались государства с довольно высокой степенью *автономности субъектов* федерации (Аргентина). Несколько менее автономными были субъекты федерации в Бразилии и Мексике, а менее всего реальный федерализм проявлялся в Венесуэле.

Можно выделить и общие для всех латиноамериканских государств результаты развития федерализма к рубежу XX–XXI вв. *Во-первых*, все возникающие конфликты между регионами и центральной властью (по вертикали) либо между непосредственно субъектами федерации (по горизонтали) разрешались высшими судебными органами, имевшими четкие полномочия (исключением в этом плане может служить лишь Аргентина, где так и не сформировалась четкая компетенция судебных органов по решению вышеуказанных конституционных конфликтов). *Во-вторых*, за исключением Венесуэлы, во всех государствах континента субъекты получили право участия в разработке принципов и направлений общенациональной политики путем работы представителей субъектов в верхних палатах конгресса. *В-третьих*, система политической организации субъектов латиноамериканских федераций сложилась таким образом, что ее основы определяются, с одной стороны, федеральными конституциями, а с другой – конституциями государственных образований, входящих в федерацию. К началу XXI в. во всех федерациях субъекты получили право созыва собственных законодательных собраний, определения структуры исполнительной власти (которую возглавляют избираемые губернаторы с собственным административным аппаратом). *В-четвертых*, во всех федеративных государствах сформировалась приблизительно идентичная система судебных органов субъектов, которая определяется и формируется конституциями субъектов при условии, если их положения не противоречат нормам федерального законодательства. Региональные судебные системы представляли собой, как правило, структуру, состоящую из высшего суда юстиции штата или провинции, а также судов первой инстанции и мировых судей.

Что касается унитарных государств, составляющих большинство на континенте, они к началу XXI в. имеют единую систему высших органов государственной власти и управления, распространяющих свою юрисдикцию на всю территорию страны. В целом можно говорить о формировании в странах Латинской и Южной Америки классического унитаризма, характеризующегося следующими признаками: а) единая система права; единое гражданство; централизованная судебная система, позволяющая осуществлять правосудие по единым правилам на основе однообразных материальных и процессуальных норм права; б) отсутствие в составе государства отдельных государственных образований; отсутствие политической самостоятельности и прав на вступление в договорные отношения с центральной властью у административно-территориальных единиц; все функции, которые осуществляются местной властью, являются переданными ей центральными органами одновременно с правом полномасштабного контроля; в) избираемость органов местного самоуправления населением соответствующей административно-территориальной единицы с учетом положений конституции и в целях наиболее эффективного решения вопросов местного значения; г) провозглашение принципа бюрократического централизма, когда все управленческие структуры латиноамериканских государств, как правило, считаются элементами иерархии, образующими исполнительную вертикаль.

Особенностью территориальной организации власти стран Латинской и Южной Америки можно считать и то, что большинство административно-территориальных единиц были основаны ранее, в период колониальной зависимости, а потому в течение всего периода Новейшего времени не соответствовали динамично развивающемуся социально-экономическому сектору.

Заметной тенденцией в области местного управления становится расширение полномочий местных органов власти, оформляющееся с 1980-х гг. Проведенная административная, политическая и финансовая децентрализация власти в странах континента позволила существенно повысить *эффективность системы управления*, в том числе за счет активизации политической активности граждан, сокращения административных расходов, улучшения предоставления социально значимых услуг.

В результате в большинстве государств провинциальные и муниципальные органы стали обладать весомой экономической, институциональной и административной автономией. К началу XXI в. в странах Латинской и Южной Америки установилась практика законодательного регулирования системы местной власти путем правотворческой деятельности национальных парламентов, регулировавших порядок функционирования местных органов, их полномочия и обязанности. Во всей системе местной власти заметно выделялись городские муниципалитеты, получившие право взимания местных налогов, распоряжения местными доходами, управления значимыми объектами промышленности и инфраструктуры.

9.5. Развитие права в странах Латинской и Южной Америки

Аналогично процессам формирования государственно-властных институтов, в целом идентичных для большинства стран континента, шло становление и развитие их национальных правовых системы, которые объединялись общностью социально-экономического строя и уровня развития гражданского общества. Можно с уверенностью говорить, что к XX в. конкретные очертания приобретает латиноамериканское право, представляющее собой по большей части основанное на европейских правовых системах кодифицированное право рассматриваемых государств.

Особенностью частноправового развития стран континента является, с одной стороны, серьезное влияние норм и принципов Французского гражданского кодекса (особенно это проявилось в национальных правовых системах Боливии, Мексики, Доминиканской Республики), а с другой – формирование уникальных самостоятельных правовых систем в таких государствах, как, например, Аргентина и Чили. Последние также заимствовали правовые конструкции из законодательства различных государств, однако в меньшей степени.

Что касается публично-правовой области, то, как было показано выше, существенное влияние здесь оказали нормы конституционного права США, во многом преобразованные и апроби-

рованные с некоторыми изменениями в государствах Латинской и Южной Америки. Например, по меткому замечанию мексиканского ученого М. Сервантеса, федеральная система Мексики была буквально скопирована с Конституции США[1].

Еще одним результатом развития латиноамериканской правовой семьи на протяжении XX в. стало существование и переплетение в ней элементов различных правовых систем – как исключительно обычного права, так и колониального и постколониального[2].

Приблизительно с середины XX в. можно говорить об усилении надгосударственного регионального и одновременно взаимного правового влияния стран Латинской Америки, стремление к интеграции[3].

Таким образом, правовые процессы в странах Латинской и Южной Америки, равно как и эволюция систем государственного управления, свидетельствуют об общности социокультурных факторов, сопровождавших развитие государственности в рассмотренных политически организованных обществах. Влияние законодательства (в первую очередь конституционного) Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, а также сохранение традиционных подходов к организации власти (персоноцентричная модель власти главы государства) привели к появлению нетипичных форм правления, а также своеобразных национальных правовых систем, доказавших свою жизнеспособность.

В начале XXI в. в государственно-правовом развитии стран Латинской и Южной Америки сохранялись тенденции, имевшие место на протяжении XX в. В геополитическом плане указанные страны пытались проводить независимую (насколько это возможно в XXI столетии) политику, стремясь обеспечить реализацию национальных интересов путем объединения в межгосударственные блоки и союзы.

---

[1] Servantes Manuel. Nuestro derecho mexicano. – Un. Michoagana, 1958. – P. 11.

[2] Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. – М.: Юристъ, 2000. – С. 192.

[3] Павлова Н.Г. Особенности латиноамериканской правовой культуры // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 5. – С. 129.

10. Государство и право стран Африки

10.1. Становление государственности в африканских странах в первой половине XX века

Для африканских территорий, бывших колониями европейских держав, к началу XX в. было характерно наличие двух моделей управления, условно обозначаемых как модель «прямого» и модель «косвенного» управления. Факторы, влиявшие на ту или иную разновидность, обусловливались либо политическими (наряду с финансовыми) возможностями государств-метрополий, либо их интересами на континенте, либо уровнем государственно-правового развития самих завоеванных племен и народов.

Модель «прямого» управления в основном применялась для французских, португальских, немецких и бельгийских колоний Африки. Она предусматривала формирование некой централизованной административной системы, создаваемой на местах по образцу метрополий. Всю политическую власть в этих колониях концентрировали в своих руках представители метрополии, правосубъектность местной власти полностью отрицалась, а основными направлениями внутренней и культурной политики были европеизация общества, повышение его цивилизационного уровня – насколько это было возможно в африканском обществе.

Модель «косвенного» управления была присуща Великобритании, которая позволяла в целом сохранять традиционные африканские институты власти, предусматривала определенную степень их свободы в вопросах контроля и управления внутренней жизнью местных обществ. При этом обеспечивался удобный контакт колонизаторов с представителями местных политических элит. Использование этой модели имело своим результатом эволюцию доколониальных политических местных структур, что выражалось в том, что местные вожди получали новые полномочия, со временем превращались в гражданских служащих при колониальной администрации (с одновременным контролем за выполнением возложенных функций со стороны чиновников метрополии).

Одной из специфических черт внедрения прямого и косвенного управления колониями можно считать то, что местные политические элиты в первую очередь стремились удовлетворить интересы колонизаторов, не заботясь о защите прав коренных жителей своих территорий. В ответ элита получала права и привилегии, позволявшие им сохранять свое приоритетное положение в политической системе традиционного общества.

Очевидно, что подобное сотрудничество местных правителей и колонизаторов лишь стимулировало внутренние военные конфликты и межэтнические противостояния: поддержка европейцев нередко использовалась местными элитами для противостояния (в том числе вооруженного) с соседними этносами, а также для получения преимущества в торговле.

К середине XX в. в африканских колониях получила распространение и третья модель управления – «смешанная», в рамках которой для принятия решений применялись не прямые, а косвенные механизмы, однако они в первую очередь приносили выгоду представителям метрополий. Характерной в этой модели была практика передачи полномочий по непосредственному управлению территориями местным администрациям. Указанная модель применялась в ряде государств Южной Африки, в первую очередь в Южно-Африканской Республике.

Совершенно очевидно, что внедрение подобных моделей властвования в африканских колониях не способствовало росту национального самосознания, всячески замедляло процесс формирования независимых государств. Основным направлением колонизаторской политики европейских держав было создание условий для наиболее эффективного (в интересах метрополий) использования человеческих и природных ресурсов Африканского континента.

Таким образом, в первой половине XX в. колониальная политика европейских держав не способствовала появлению независимых государств, более того, она была направлена на сохранение статуса колоний в течение максимально длительного времени. Соответственно, система государственной власти в колониях была полностью или преимущественно заимствована из европейских образцов, лишая местное население права внедрять традиционные национальные формы властвования.

Параллельно развитию систем внешнего государственного управления в африканских колониях зарождалась правовая система. В этом плане можно выделить два основных направления. Первое – воздействие на правовую сферу, права и свободы личности, а также на их эволюцию со стороны так называемых латинских народов – французов, португальцев, испанцев, бельгийцев. Эти государства в течение многих лет последовательно проводили политику ассимиляции, которая имела своим основанием принцип *превосходства европейской цивилизации, но равной ценности всех людей*. Фактически этот подход применялся вплоть до конца колониальной эпохи. Например, в Конституции Франции 1946 г. прямо провозглашалось, что туземцы сохраняют свой личный статус в том случае, «если они от него не отказываются».

Похожая ситуация наблюдалась в Конго (бельгийская колония), где принцип уважения местных обычаев был подтвержден гораздо ранее: еще в 1885 г. с образованием независимого государства Конго и с принятием Колониальной хартии 18 октября 1908 г. Ассимиляция в Бельгийском Конго, подобно французским владениям, рассматривалась в качестве обычного итога цивилизационных действий, на основании чего метрополия получала право непосредственного управления страной.

В большинстве африканских племен и государств к моменту появления колонизаторов применялись нормы обычного права, которое было в целом направлено на защиту прав и интересов личности (с учетом, естественно, уникального подхода к пониманию местного населения и его потребностей). Охватывая всю общественную жизнь в африканском континенте, традиционное право соответствовало той концепции общества, которую провозглашало конкретное племя по самым разным вопросам. При этом очевидно, что традиционные нормы далеко не всегда могли эффективно применяться к регулированию отношений внутри строящегося нового общества, очертания которого стали заметны в Африке уже на рубеже XIX и XX вв.

Вышеуказанное обстоятельство можно считать ключевым в вопросе рецепции значительного числа норм и институтов европейского права: те сферы общественных отношений, которые не могли надлежащим образом регулироваться традиционным правом, были урегулированы современными правовыми средствами,

что в целом прогрессивно сказалось на социально-экономическом развитии стран Африки. Так, уже к середине XX столетия в результате длительного применения европейских норм и принципов с учетом некоторых местных нравов на Мадагаскаре и во всей Французской Западной Африке применялся Уголовный кодекс Франции. В сфере уголовного права исключительной компетенцией были наделены судебные учреждения, основанные на положениях французского законодательства. Что касается Британской Западной Африки, то там, соответственно, вводились уголовные и уголовно-процессуальные кодексы, в основе своей составленные по образцам английских уголовно-правовых памятников.

Параллельно рецепции шли процессы точечного совершенствования и норм традиционного африканского права, особенно в тех областях, где обычай исторически имел сильное действие. Здесь же следует упомянуть о нормах уголовного права, с помощью которых представители держав-колонизаторов стремились запретить некоторые варварские обычаи, не допускать попыток злоупотребления исторически сложившимися правилами общежития. Все это имело тенденцию к более активному вмешательству французских колонизаторов в область нормативного регулирования общественных отношений в африканских государствах.

По-иному развивалась ситуация в африканских колониальных странах Великобритании, где шел процесс образования так называемого колониального права, существенно отличавшегося от права метрополии. Значительное влияние на его развитие оказало британское законодательство, отчасти адаптированное к местным условиям, в которых развивался гражданский оборот колониальных территорий. Вместе с тем отмечается и тенденция к игнорированию основных естественных прав человека в процессе урегулирования отношений в колониях.

Совершенно очевидным в этих условиях становится и тот факт, что правовое положение коренных жителей колоний и правовой статус подданных Великобритании существенно отличались. Это было обусловлено, во-первых, тем, что английские колониальные власти видели иной путь приобщения к цивилизации местного населения, а во-вторых, фрагментарностью процесса транзита европейских ценностей на Африканский континент.

В соответствии с этим и реализация положений нормативных правовых актов Великобритании на территориях африканских колоний носила противоречивый характер. В частности, на территории колоний положения английского законодательства действовали с рядом существенных оговорок. Например, английское законодательство предусматривало круг лиц, на которых могло распространяться действие подобных актов. При этом даже те, кто согласовывал свои действия с положениями законодательства метрополии, в полной мере не могли воспользоваться закрепленными в них свободами, поскольку одновременно устанавливалась масса сопутствующих ограничений. Определенные категории физических лиц и вовсе были выведены из-под действия норм британского права (в качестве примера можно выделить туземцев Южной Африки).

Таким образом, к области действия колониального права, как правило, относились вопросы, связанные с уголовным, административным и отчасти торговым правом. Традиционное же африканское право, его принципы и нормы регулировали вопросы семейного права, наследственных правоотношений, разрешали споры в сфере землевладения и т. д. Характерной чертой процессуального права стал дуализм судебной системы стран Африки. Так, в рамках национальных правовых систем действовали как колониальные суды (в них работали судьи, получившие образование в Европе, применявшие при разрешении споров колониальное законодательство и право метрополии), так и местные судебные инстанции, сохранившиеся благодаря лояльности колонизаторов и опиравшиеся на нормы обычного права.

Тем не менее со временем, уже во второй половине XX в., традиционные способы разрешения споров в странах Африки стали уступать место оформленной по образцам метрополий судебной системе, где судебное разбирательство осуществлялось, как правило, по европейским нормам, а положения обычного права прекращали использоваться. К этому же периоду относится и запрет большинства варварских обычаев, таких как членовредительство или обращение в рабство.

10.2. Постколониальное государственно-правовое развитие стран Африки

Важным и определяющим этапом в развитии африканских государств в Новейшее время стало принятие 14 декабря 1960 г. Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам[1] в ходе 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. При этом следует понимать, что указанный документ, по сути, стал символом весьма длительного пути деколонизации территорий. В частности, уже в 1945 г. в момент основания Организации Объединенных Наций соучредителями этой организации являлись четыре африканских государства: Либерия, Египет, Южно-Африканский Союз и Эфиопия. Период 1950-х гг. ознаменовался достижением независимости и вступлением в ООН таких государства, как Судан, Марокко, Ливия, Тунис, Гвинея, Гана. Процесс появления независимых государств усилился к 1960 г. В это время на политической карте мира появилось 17 новых государств, а весь мир с интересом следил за событиями на Африканском континенте. Так, в 1955 г. суверенным государством стал Тунис, в 1956 г. независимость от Франции получило Марокко, в 1963 г. – Алжир, в 1963 г. суверенным государством стала Кения, а к середине 70-х гг. XX в. практически вся Западная Африка вышла из колониальной зависимости)[2].

С принятием Декларации 1960 г. права всех народов на самоопределение были полностью подтверждены, к тому же было провозглашено стремление к необходимости искоренения колониализма во всех африканских государствах в самом ближайшем будущем.

Таким образом, ко второй половине XX столетия классический колониализм был фактически искоренен, при этом на континенте продолжались вооруженные конфликты, направленные на завоевание независимости. Например, воевали народы таких

[1] Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам: принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 03.01.2020).

[2] Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 22–38.

португальских колоний, как Мозамбик, Ангола, Кабо-Верде и Гвинея-Бисау. Для национально-освободительных движений государств в южной части континента характерно было сочетание политических методов борьбы и вооруженного противостояния.

Результатом указанных тенденций стало установление в 1980 г. правления большинства в Зимбабве, в 1990 г. – в Намибии, в 1994 г. – в Южно-Африканской Республике. Указанные процессы, естественно, проходили под пристальным вниманием мировых держав и их политических и экономических элит, что было вызвано нарастающим интересом к возможности установления политического и экономического влияния в Африке с учетом меняющегося геополитического ландшафта. Не последнюю роль в процесса разрушения колониальной системы сыграл Советский Союз (например, Н.С. Хрущев активно настаивал на принятии Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам[1]).

При этом и сам переход к государственности от прежней территориальной организации власти в Африке носил своеобразный, уникальный характер, отличавший ее от американского или европейского пути. Опять же, важно понимать, что в этом переходе первостепенную роль играл внешний фактор: государственность навязывалась странам Африки извне, а не вызревала изнутри. Соответственно, становление и последующее развитие национальных государств, которое традиционно во всем мире опирается на исторические и социокультурные основы, в странах Африки происходило на фоне полиэтнического развития общества. Последний фактор никак не способствовал созданию общих принципов государственного управления на основе общей культуры, единого языка и естественным путем сформированных государственных границ[2].

Поэтому представляется бесспорным тот факт, что сразу же после завоевания независимости (часто военным путем с многочисленными человеческими жертвами) правящие элиты африканских стран столкнулись с проблемами в ходе оформления нацио-

[1] Денисов А.В., Урнов А.Ю. СССР и деколонизация Африки // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 12. – С. 15–20.

[2] Кассае Ныгусие В.М. Этнические конфликты и проблемы их разрешения в Африке в начале XXI века // Конфликтология / Nota Bene. – 2016 b. – № 3. – С. 183–189.

нальной государственности. Прошлая система управления, созданная еще выходцами из Европы, была неспособна удовлетворять интересы духовного, культурного и социально-экономического развития африканского общества, переживавшего первый опыт независимого развития. Созданные по европейским образцам государственные структуры не могли обеспечить эффективное решение нараставших этноконфессиональных проблем, что в равной степени относилось как к странам, где правили военные, так и к формально гражданским, даже демократически созданным режимам[1].

Указанные особенности государственно-правового и политического развития стран Африки в постколониальный период привели к длительному сохранению в них социальных, этнических и религиозных конфликтов, а это, в свою очередь, стало причиной сохранения даже на рубеже XX–XXI вв. военных и однопартийных режимов на континенте[2].

Указанную мысль поддерживает и Н.Д. Косухин, говоря, что страны Африки тяготеют более к авторитарным традициям во власти, в организации политических отношений. Для большинства государств континента характерным является либо полное отсутствие демократических ценностей, либо их формальное установление, не подтверждающееся ни культурными, ни политическими традициями. Непосредственное выражение указанная особенность имела в вопросе форм правления в независимых странах Африки, где президентские формы властвования так или иначе имели преимущество перед парламентскими в Новейшее время[3].

Таким образом, в настоящее время в Африке функционирует 55 независимых государств, включая Сахарскую Арабскую Демократическую Республику (САДР), признанную 84 государствами – членами ООН, которая входит также в качестве члена в Африканский союз с 1984 г. Процесс обретения независимости в странах Африки начался позднее остальных зарубежных

---

[1] Абрамова И.О. Страны Африки. Альманах. М.: Институт Африки РАН, 2002. – С. 48.

[2] Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Указ. соч. – С. 22–38.

[3] Косухин Н.Д. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее. – М.: Институт Африки РАН, 2015. – С. 94.

государств и протекает в настоящее время, в том числе с элементами вооруженных противостояний в критические моменты государственно-правового развития того или иного государства. Наиболее сложной в начале XXI столетия остается так называемая *этническая стратификация*, ставшая причиной неравномерного распределения этносов по многонациональной территории, напряженности в области доступа к социальным благам и экономическим ресурсам. Это, а также многочисленные риски, усиленные в период пандемии коронавируса и перестройки геополитического мира, характеризуют сложное государственно-правовое развитие Африканского континента.

Политическая система стран Африки претерпевает некоторые изменения во второй половине 80-х гг. XX в., когда в большинстве африканских государств предпринимаются попытки реформирования традиционной политической культуры, а также отжившей и во многом сохранявшейся колониальной политической структуры. Основным направлением преобразований должен был служить переход от однопартийной системы к многопартийной. Многие политики и ученые прямо утверждали, что именно такой переход может служить главным условием демократизации политических систем в Африке. При этом, как справедливо заявляется в науке, далеко не всегда наличие большого числа политических партий свидетельствует о реальной и высокой степени политического плюрализма в обществе. Для Африканского континента можно отметить такую особенность: многие партии сохраняли весьма малочисленный состав своих участников, а определить политико-идеологическую направленность той или иной политической силы нередко было проблематично.

Еще одним препятствием к поступательному развитию политической системы в странах Африки была практика представления интересов отдельных этносов в политических партиях; государственных же партий почти не наблюдалось. Соответственно, слабость оппозиционных партий влияла на характер их участия в политическом процессе (здесь можно выделить лояльность по отношению к правящему режиму, сильное влияние традиций в политической жизни).

На всем протяжении XX в., а также на рубеже XX–XXI столетий можно увидеть еще одну закономерность эволюции пар-

тийной системы стран Африки: основой для формирования политических сил, блоков и объединений в большинстве случаев служили взаимоотношения, базировавшиеся на личных связях между лидерами и рядовыми членами партий, в то время как проводимая партией политика или политическая платформа не играли той традиционной роли, которая им отводилась в европейской традиции этого времени. Поэтому развитие политической системы характеризовалось в большинстве государств Африки проявлением этноплеменной общности, клановости, землячества, основывалось на религиозных и связанных с ними принципах. Все это никоим образом не было связано с политической составляющей партийной жизни.

Так, например, в Федеративной Демократической Республике Эфиопии подавляющее большинство из представленных политических партий составляют этнические объединения. Приблизительно 70% из общего количества зарегистрированных политических партий этой страны имели к началу XXI в. этнические названия, имели фактический статус партий, принадлежащих к той или иной языковой группе, компактно проживавшей в одном из штатов Эфиопии. При этом законодательное регулирование осуществлялось постановлением о регистрации партий, нормы которого предписывали признавать в качестве политических партий лишь те, что создавались на региональном или на национальном уровне (об этнической составляющей в законах Эфиопии не говорилось). Де-факто ряд зарегистрированных в качестве общенациональных партий не скрывали (а иногда всячески подчеркивали) свою принадлежность конкретному этносу, используя его для целей привлечения населения в качестве электората.

Эволюция партийной системы привела к установлению в большинстве африканских государств к началу 90-х гг. XX в. так называемых многопартийных демократий (с авторитарным уклоном). Это сопровождалось многочисленными нарушениями и своеобразным поиском оптимальных моделей властвования, однако в конечном итоге базовые принципы демократического политического развития все же установились в государствах континента.

Вышеуказанные исторические и социокультурные факторы, таким образом, обусловили становление политической культуры

правящих элит стран Африки сразу после обретения независимости. В рамках этого периода условно можно выделить два ключевых этапа развития: 1) 1960–1980 гг., когда происходит первоначальное утверждение независимых политических институтов властвования; 2) с 1980 г. по настоящее время, когда закрепляются авторитарные принципы функционирования политической системы. Закрепление в качестве основных авторитарных форм правления можно объяснить необходимостью решать важные социально-экономические проблемы, консолидировать нацию и т. д. Подобные цели, как известно, достигаются в короткие сроки именно с помощью авторитарного правления.

Еще одной характерной закономерностью политико-правового и государственного развития стран Африки в Новейшее время стала активная роль армии и силовых структур в политической жизни. На протяжении 1960–1970-х гг. именно армия становится главным инициатором авторитаризма в африканских странах. О возрастающей напряженности и роли армии на континенте может говорить тот факт, что после 1960 г. здесь произошло 68 успешных военных переворотов. По большому счету именно армия была в странах Африканского континента главным общенациональным институтом государства. По меткому выражению Г.И. Мирского, там, где нация еще проходит этап становления, где слабы общенациональные связи, где семейные, родовые, племенные, региональные связи определяют сознание людей в большей степени, чем чувство принадлежности к одной общности[1], армия всегда выступает на первый план. Еще одним фактором, повлиявшим на активную политическую роль армии и силовых структур в странах Африки, было отсутствие эффективной и налаженной системы государственного управления в большинстве стран континента накануне завоевания независимости. Тот же факт, что военные непосредственно руководили антиколониальной борьбой, послужил причиной их быстрого прихода к власти.

Интерес к этапу постколониального развития африканских стран обусловлен также общим неоднозначным отношением к становлению и эволюции независимой государственности на континенте, существенным потенциалом отдельных стран как в

[1] Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия. – М.: Наука, 1976. – С. 8–9.

политическом, так и в экономическом отношении. Незавершенность процессов формирования основных политических структур, наряду с постоянно меняющейся обстановкой в государственном секторе управления на рубеже XX–XXI вв., заложили основу для определенного государственно-правового эксперимента, продолжающегося и в начале XXI столетия.

Экспертами отмечено, что формирование национальной государственности в африканских странах в той или иной степени сопровождалось утверждением в большинстве государств авторитарных режимов и соответствующих им форм правления. Двадцать лет постколониального независимого властвования в странах Африки небезосновательно характеризуются такими признаками, как наличие контроля за государственной политикой со стороны представителей правящего клана, концентрация власти в руках главы государства, сочетание насильственных методов управления с социально-политическим и идеологическим манипулированием, патронажно-клиентельные отношения внутри партийной системы[1].

Интересно в этом плане мнение Г.Н. Валиахметовой, которая подчеркивает, что «эволюция авторитаризма на Африканском континенте в постколониальный период отмечена двумя тенденциями – «восходящей» и «нисходящей». Первая нашла выражение в становлении различных типов авторитарных режимов, вторая – в нарастании с конца 1970-х гг. кризиса их наиболее жестких форм. При всем разнообразии авторитаризма в африканских странах сложились четыре основных типа режимов: военный, однопартийный, однопартийный «полуконкурентного» типа и многопартийный»[2].

Начиная с конца 1970-х гг. во многих африканских государствах отмечается борьба за введение либеральных ценностей и общую демократизацию политической жизни. Определенных успехов государства достигли лишь к рубежу 1980–1990-х гг.

---

[1] Емельяненко Е.Г. Постколониальная Африка: проблемы и перспективы // Мировая политика. – 2020. – № 2. – С. 86–98.

[2] Валиахметова Г.Н. Авторитаризм и демократия в африканских странах // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке: сб. материалов Зимней школы (Екатеринбург, 4–15 января 2000 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – С. 157–165.

При этом парадокс эволюции африканской государственности заключается в том, что, несмотря на то, что демократизация политической системы ускорила крах авторитарных режимов, все те факторы, которые изначально способствовали распространению авторитаризма, оставались в силе.

10.3. Конституционно-правовые изменения в странах Африки в XXI веке в ходе цветных революций и «арабской весны»

Термин «цветная революция», получивший в последнее время в отечественной и зарубежной науке весьма широкое распространение и трактовку, имеет отношение и к государственно-правовому развитию стран Африки, поскольку в ряде государств с учетом закономерностей проведения этих революций прошли протесты и последующая смена власти. Одной из разновидностей цветных революций стала так называемая «арабская весна» – серия правительственных протестов, вооруженных мятежей и восстаний, в начале 2000-х гг. ставших причиной государственных переворотов (с различной степенью успеха протестующих и митингующих) в ряде африканских стран. В частности, революцией завершились протесты в Тунисе и Египте, гражданской войной – в Ливии, столкновения произошли в Алжире и Марокко.

Характерно, что в большинстве стран «арабская весна» начиналась и заканчивалась зимой (декабрь – январь 2010–2011 гг.), при этом в некоторых странах протекала стремительно (продолжительностью в несколько дней). Исключение здесь составляет Египет, где с определенными перерывами переход власти длился с 2011 по 2013 г. По справедливому мнению В.Е. Чиркина, название «арабская весна» отражает национально-географические и климатические условия (на юге реальная весна начинается раньше), а также факт пробуждения народов и начало социальных движений в некоторых странах[1].

«Протестные движения» в ходе рассматриваемых событий, как правило, завершались принятием конституций, что можно

[1] Чиркин В.Е. Конституции цветных революций и «арабской весны» // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 6(79). – С. 167–174.

считать главным политико-правовым и государственно-правовым результатом. Важно также понимать, что конституционные изменения (поправки, дополнения в основные законы стран Африки) назревали гораздо раньше, и, собственно, конституционный процесс по внедрению в жизнь всех достижений протестного движения занимал не один год. Так, поправки к Конституции Алжира, обещанные в 2011 г. (за счет чего было приостановлено развитие революции в Алжире), были приняты через пять лет, в 2016 г.[1] Также и длительное время сохранявшая нейтралитет армия Египта после победы правых исламистов на выборах президента (М. Мурси) вынуждена была активно вмешаться в государственно-политические события, выступив на стороне умеренных исламистов.

Говоря о феномене «арабской весны» в странах Северной Африки (Магриб и Машрик), следует также отметить и такую закономерность, как общий невысокий уровень развития (или иначе – упадок, застой в развитии) государств континента, господство авторитарных или полуавторитарных режимов. Недовольство режимом, копившееся в странах Африки (особенно на севере континента) в течение долгих лет, вылилось в недовольство бедных и средних слоев, которых поддерживали представители политической и религиозной элиты общества[2].

По результатам проведения цветных революций в Африке далеко не во всех государствах произошла коренная смена общественного и (или) государственного строя. В большинстве случаев происходила смена правящей элиты и частичная демократизация режимов. Причиной тому может служить особенность оппозиционного движения в африканских странах, представители которого зачастую не преследовали цели принципиального изменения существующего строя, поскольку не разработали для этого ни надлежащей политической программы, ни концептуально разработанной идеологии. Основную часть оппозиционных требований составляли призывы к признанию и надлежащей защите прав личности, улучшению социально-экономических условий жизни,

[1] Чиркин В.Е. Указ. соч. – С. 167–174.

[2] Печуров С.Л. Арабский Восток: технология управляемого хаоса в действии. Кризис на Арабском Востоке чреват весьма серьезными последствиями // Независимое военное обозрение. 2011. 25 марта. URL: http:// nvo.ng.ru/wars/2011-03-25/1_arabic.html?insidedoc (дата обращения: 20.06.2022).

ликвидации проявлений авторитаризма, коррупции, социального расслоения. Формой удовлетворения требований протестующих, как правило, служили изменения в конституционных нормах, принятие новых основных законов.

Помимо очевидных изменений в общественном и политическом устройстве африканских государств, о которых довольно много написано в специальной литературе[1], сформировалось три ключевых направления конституционных преобразований в рассматриваемых странах:

– изменение ключевых элементов государственного и общественного строя;

– совершенствование правового статуса личности;

– модернизация системы высших органов государства, что повлекло за собой изменения в формах правления.

Последнее направление наиболее существенно повлияло на восприятие современного политического устройства африканских стран, хотя, в сущности, системы высших органов после принятия новых конституций или их модернизации глобальных изменений не претерпели. Основными направлениями реформ стали: усиление роли парламента и правительства (законодательной и исполнительной власти), создание механизма подотчетности и ответственности высших органов государственной власти, ослабление власти глав государств. Следует понимать, что спецификой континента часто является расхождение конституционных норм и фактического положения дел, поэтому ограничение власти глав государств как результат «арабской весны» следует воспринимать относительно и с учетом всех местных факторов. Например, в Конституцию Марокко была добавлена норма о том, что кандидат в президенты в течение своей жизни не вправе избираться президентом более двух раз, а конституционный режим основывается на принципах разделения, равновесия и сотрудничества ветвей власти. Отметим также и важное изменение, затронувшее положение премьер-министра Марокко по новой Конституции 2011 г., в соответствии с которым на эту должность королем стал назначаться представитель победившей партии. По сути,

[1] Пашенцев Д.А. Цветные революции как результат информационных войн: государственно-правовое измерение // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1. – С. 113–116.

это закрепило механизм парламентской борьбы, что можно считать характерным признаком политического процесса в Марокко начала XXI столетия[1].

Таким образом, в начале XXI в. в некоторых африканских государствах происходит эволюция формы правления. Например, в Марокко монархия трансформировалась в парламентарно-дуалистическую форму правления, а Египет стал президентско-парламентарной республикой.

Конституционные изменения сопровождались практикой широкого закрепления прав и свобод личности, установления механизмов и гарантий защиты чести и достоинства в суде, норм о донорстве и неприкосновенности человеческого тела (для Египта, например, это было абсолютное нововведение в области прав человека), включения в механизм правового регулирования блоков социально-экономических коллективных прав, норм, удовлетворявших интересы различных профессиональных групп, норм о правах женщин (что позволило гарантировать им реализацию избирательных прав).

Наконец, система местного самоуправления в странах Африки на рубеже XX–XXI вв. также прошла определенную эволюцию, выразившуюся в формировании избираемых советов на всех уровнях административно-территориальных единиц (либо только на уровне провинций и губерний). Муниципалитеты в странах Африки по примеру европейских моделей местного самоуправления стали получать гарантии ведения независимой финансовой и экономической политики на местах.

[1] Сапронова М.А. Постреволюционные конституции и институты власти арабских стран (на примере Египта, Марокко и Туниса) // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 179–198.

Заключение

Рассмотрение особенностей развития государства и права таких зарубежных стран, как Великобритания, Франция, Германия, США, Япония, Китай, Индия, страны Центральной и Юго-Восточной Европы, Латинской и Южной Америки, Африки, с 1918 по 2021 г. показывает, что эпоха Новейшего времени является знаменательным периодом во всеобщей истории государства и права по двум основным причинам.

Во-первых, векторы и закономерности эволюции государственности и правовой надстройки в различных политически организованных обществах земного шара были предопределены предыдущим периодом – Новым временем, который ознаменовал завершение процесса формирования буржуазной социально-экономической формации и соответствующего ей типа государства. К концу XX – началу XXI в. в основе своей сформировались национальные правовые системы ведущих стран мира, оказавшие влияние на развитие правовых семей в XX в., оформившие закрепление базовых принципов права, ключевым из которых следует считать равенство субъектов независимо от расы, пола, места происхождения, национальности, социального положения, религиозной и политической принадлежности и т. д.

К началу рассмотренного в настоящем учебном пособии периода практически во всех зарубежных странах, традиционно относимых к категории развитых, нашел свое концептуальное и законодательное закрепление принцип разделения властей, во многом определивший специфику властвования на демократических началах и с учетом территориальных особенностей ряда государств.

Во-вторых, именно в период Новейшей истории государства и права зарубежных стран происходят качественные изменения в политической системе современных государств: в результате Второй мировой войны оформляется передел мира, закладываются основы будущей системы двух геополитических центров, появляются новые государства, на демократических принципах развивается право, динамично сменяют друг друга различные поли-

тические режимы, появляются и исчезают многочисленные модели государственного управления и местного самоуправления.

Однако помимо новых современных и зачастую весьма эффективных механизмов управления и правовой регуляции общества, XX век принес и глобальные потрясения, к числу которых по праву можно отнести появление фашизма и расовой теории, сопровождавшихся развитием агрессивных форм тоталитаризма (Италия, Германия, Япония), расслоение общества в ряде ведущих государств, вызвавшее социальные и политические потрясения, и т. д.

В 60-е гг. XX в. окончательно получают независимость бывшие полуколонии и колонии в Азии, Латинской Америке и Африке, что сопровождалось конституционным оформлением национальных суверенных государств. При этом стремительный распад колониальной системы оказался весьма противоречивым процессом, поскольку новые самостоятельные государства не всегда могли добиться значимых успехов в борьбе с бедностью, научно-технической отсталостью, что явилось одной из причин и фактором появления на их территориях военных и гражданских диктатур, массового нарушения прав человека, ущемления прав национальных меньшинств и иных нарушений, в целом не свойственных развитым странам в XX столетии.

Новейшее время принесло и такие новые угрозы, как транснациональная преступность, международный терроризм, массовые эпидемии, техногенные катастрофы, которые показали сложность и неоднозначность вопроса о роли государства в политической системе общества. Либеральная концепция, с новой силой воспринятая в западном мире после Второй мировой войны, к концу XX – началу XXI в. подвергается пересмотру. Перенесенная человечеством в 2021 г. пандемия коронавируса (а ранее – мировой кризис перепроизводства и ипотечного кредитования) показала, что роль государства в решении глобальных проблем в зарубежных странах принижать не следует.

Позитивным достижением Новейшего времени однозначно следует считать разрушение колониальной системы, развитие государственности в странах африканского континента, а также общую гуманизацию права и создание гарантий реализации прав человека и гражданина в подавляющем большинстве государств.

Новейшее время характеризуется также процессами унификации государственных институтов (особенно это относится к странам, находившимся под влиянием крупнейших держав, таких как США, Великобритания, Франция и др.), активизацией интеграционных процессов, сближением правовых систем (в первую очередь англосаксонской и романо-германской). В этот период наблюдается тенденция к закреплению и реализации личных, политических, экономических, социальных, а также культурных прав и свобод личности, которые подкреплялись формированием (с различной степенью успешности) действенного правового механизма защиты указанных прав и свобод.

Не последнюю роль в плане получения политико-правового опыта для дальнейшего его концептуального осмысления сыграл процесс возникновения в 40-х гг. XX в. в Центральной и Юго-Восточной Европе, Азии и Латинской Америке новых социалистических государств и систем социалистического права. При этом социалистическое государство, подробно разработанное в теоретических моделях, показало сравнительно низкую эффективность в современных зарубежных странах, хотя в качестве исключения можно назвать Китайскую Народную Республику – типичную социалистическую республику, ставшую к рубежу XX–XXI вв. великой экономической державой, постоянным членом Совета Безопасности ООН. Вместе с тем некоторые элементы социалистического управления и права показали свою устойчивость и применяются в настоящее время.

Таким образом, период Новейшей истории государства и права зарубежных стран явился уникальной эпохой в развитии политической организации общества, сопровождавшейся многочисленными противоречиями, решать которые человечеству придется уже в течение XXI столетия.

Литература

1. Абрамова И.О. Страны Африки. Альманах. – М.: Институт Африки РАН, 2002. – 704 с.
2. Анисимцев Н.В. Правовая эволюция государственного строя Японии: внешнеполитические следствия (прогноз) // Известия Восточного института. – 2004. – № 8. – С. 74–83.
3. Арзаканян М.Ц. Политическая история Франции XX века: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2003. – 157 с.
4. Афонин Б.М. Япония и бывшие страны-противники после окончания Второй мировой войны // Россия и АТР. – 2015. – № 3(89). – С. 21–33.
5. Баев В.Г. «Национал-социалистическая рабочая партия Германии» в системе веймарского парламентаризма (1919–1933 гг.) // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 3-1(23). – С. 22–24.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999.
7. Берлявский Л.Г. Избирательное право Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 6(12). – С. 67–73.
8. Бирюков С.В. Юзеф Пилсудский: случай бонапартизма // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 4(82). – С. 149–154.
9. Биткова Т.Г. Парламентаризм и политические партии в Румынии // Процессы демократизации в Восточной Европе: ожидания и реальность. – 2001. – № 2001. – С. 54–61.
10. Близнашки Г. Парламентское управление в Болгарии // Процессы демократизации в Восточной Европе: ожидания и реальность. – 2001. – № 2001. – С. 17–23.
11. Болгария в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. Е.Л. Валева. – М.: Наука, 2003. – 463 с.
12. Бронин Я.Г. Шарль де Голль. Политическая биография: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1967. – 56 с.
13. Бурдо Е.П. Наказание по общему праву Англии, Уэльса и США (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – 207 с.

14. Бурлаков А.Н. Политическая природа режима Виши во Франции (1940–1944 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2017. – № 1. – С. 45–56.

15. Бурлаков А.Н. Конституционные и децентрализаторские проекты режима Виши (1940–1944 гг.): наследие прошлого в современной Франции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 74–89.

16. В США впервые за 70 лет казнили женщину. URL: https://ria.ru/20210113/kazn; https://ria.ru/20210113/kazn-1592823855.html 1592823855.html

17. Валиахметова Г.Н. Авторитаризм и демократия в африканских странах // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке: сб. материалов Зимней школы (Екатеринбург, 4–15 января 2000 г.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – С. 157–165.

18. Ведерников М.В. Особенности возникновения Первой Чехословацкой Республики (1918–1938 гг.) // Вишеградская Европа. Центрально-европейский журнал. – 2019. – № 1-2(1-2). – С. 148–160.

19. Ведерников М.В. Соотношение внешних и внутренних факторов в реализации политических проектов Чехословакии // Современная Европа. – 2018. – № 7. – С. 47–60.

20. Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. – М., 1984.

21. Данилов С.Ю. Великобритания: специфика институтов избирательного права и парламентские выборы 2010 года // Современное право. – 2011. – № 3. – С. 123–126.

22. Девяткина Т.Ф. Индийский национальный конгресс (1947–1964). – М., 1970. – 200 с.

23. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам: принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/ declarations/colonial.shtml (дата обращения: 03.01.2020).

24. Денисов А.В., Урнов А.Ю. СССР и деколонизация Африки // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 12. – С. 15–20.

25. Дитрих О. Двенадцать лет с Гитлером = The Hitler I Knew: воспоминания императорского руководителя прессы,

1933–1945 / пер. с анг. Л.А. Игоревского. – М: Центрполиграф, 2007. – 253 с.

26. Дьяков А.М. Индия во время и после Второй мировой войны (1939–1949). – М., 1952. – 264 с.

27. Емельяненко Е.Г. Постколониальная Африка: проблемы и перспективы // Мировая политика. – 2020. – № 2. – С. 86–98.

28. Ефимов Г.В. Очерки по Новой и Новейшей истории Китая. – 2-е изд. – М., 1951. – 576 с.

29. Ивановский З.В. Конституционные реформы в Латинской Америке и их политические последствия (конец XX – начало XXI в.) // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 111–140.

30. Илиевский Н.В. Адольф Гитлер // Экономические стратегии. – 2012. – Т. 14. – № 10(108). – С. 104–112.

31. Илышев А.В. О некоторых подходах к анализу государственной службы Японии как социального института // Япония 2003–2004: ежегодник. – М.: МАКС Пресс, 2004.

32. Исаев Б.А. Развитие партийной системы Великобритании // ПОЛИТЭКС. – 2008. – № 4. – С. 240–266.

33. Исаев Б.А. Структура, генезис и функционирование партийно-политической системы США (часть 1) // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 2-3. – С. 31–57.

34. Гущина Л.И., Епифанова Е.В. История государства и права зарубежных стран: учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – 203 с.

35. История Японии: учеб. пособие / отв. ред. А.Е. Жуков. – Т. 2: 1868–1998. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИВ РАН, 1999. – 703 с.

36. Кассае Ныгусие В.М. Этнические конфликты и проблемы их разрешения в Африке в начале XXI века // Конфликтология / Nota Bene. – 2016 b. – № 3. – С. 183–189.

37. Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 22–38.

38. Ковалев И.Г. Партийно-политическая борьба по проблеме реформирования палаты лордов в XX веке: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2012. – 42 с.

39. Ковалев И.Г. Проблема представительства женщин в британской палате лордов: начало борьбы в 1920-е годы // Науч-

ные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – № 7(126). – С. 79–82.

40. Ковалев И.Г. Проблема реформы палаты лордов в политической жизни Великобритании 1980–2000-х годов // Общественные науки и современность. – 2012. – № 3. – С. 135–144.

41. Колумбия: обнадеживающие перемены / Ин-т Латинской Америки Российской акад. наук. – М.: ИЛА, 2011. – 121 с.

42. Конституция США: история и современность / под ред. А.А. Мишина, Е.Ф. Язькова. – М.: Юрид. лит., 1988.

43. Конституция Японии: пер. на рус. яз. – Токио: Научно-исслед. ин-т Евразии при Обществе «Япония – страны Евразии», 1995. – 48 с.

44. Конституция Японии. URL: https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf (дата обращения: 19.02.2022).

45. Корякова И.К. Профсоюзы США против законодательного ограничения их участия в избирательных кампаниях (1947–1948 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. – 2014. – № 3(27). – С. 55–67.

46. Косухин Н.Д. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее. М.: Институт Африки РАН, 2015. – 178 с.

47. Котковский Л.Э., Соколов А.Н. Извращение права в фашистской Германии – «законная» основа для уничтожения инакомыслия // Юристъ-Правоведъ. – 2011. – № 4. – С. 49–53.

48. Крах мультикультурализма: Европа тонет в ненависти. URL: https://www.vesti.ru/article/1707515 (дата обращения: 30.01.2022).

49. Лафитский Д.В. Избирательное право Великобритании: институты и тенденции развития: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 26 с.

50. Левченко Т.В. Меры конституционно-правовой ответственности в избирательном праве Великобритании // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3(64). – С. 112–117.

51. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 22. – 597 с.

52. Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия. – М.: Наука, 1976. – 407 с.

53. Монина Л.В. Веймарская республика как социальное государство // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2013. – № 29. – С. 84–89.

54. Непомнин О.Е. История Китая. XX век. – М.:. Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. – 736 с.

55. Нюрнбергский процесс: сб. док. (приложения) / под ред. А.В. Борисова. – М., 1965. – 596 с.

56. О конституциях буржуазных стран: сб. ст.: в помощь пропагандисту и агитатору. – Саратов: Сарат. краевое изд-во, 1936.

57. Обичкина Е.О. Франция на рубеже XX–XXI веков: кризис идентичности. – М.: МГИМО, 2003. – 137 с.

58. Орлов К.А. Реформирование палаты лордов британского парламента в первой половине XX в. // Современное право. – 2008. – № 9-1. – С. 104–107.

59. Павлова Н.Г. Особенности латиноамериканской правовой культуры // Вестник РУДН. – Серия: Юридические науки. – 2009. – № 5. – С. 125–130.

60. Паламарчук Е.А. Социальная политика Третьего рейха: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 50 с.

61. Пашенцев Д.А. Цветные революции как результат информационных войн: государственно-правовое измерение // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1. – С. 113–116.

62. Печуров С.Л. Арабский Восток: технология управляемого хаоса в действии. Кризис на Арабском Востоке чреват весьма серьезными последствиями // Независимое военное обозрение. – 2011. – 25 марта. URL: http:// nvo.ng.ru/wars/2011-03-25/1_arabic.html?insidedoc (дата обращения: 20.06.2022).

63. Поликарпова Е.В. Трансформация китайской государственности в Новое и Новейшее время // Lex Russica. – 2016. – № 2(111). – С. 147–174.

64. Политическая система современной Японии: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 384 с.

65. Полонская Л.Р. Махатма Ганди: смысл жизни. Святой или политический деятель? // Новая и Новейшая история. – 1991. – № 4. – С. 84–110.

66. Польша в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. – М.: Индрик, 2012. – 952 с.

67. Райков А. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905–1930 гг. – М.: Наука, 1979. – 270 с.

68. Руссо А. «Национальная революция» режима Виши // Французский ежегодник. – 2003. – Т. 2003. – С. 182–196.

69. Саидов А.К. Сравнительное правоведение: учеб. пособие / отв. ред.: В.А. Туманов. – Ташкент: Адолат, 1999. – 480 с.

70. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. – М.: Юристъ, 2000. – 448 с.

71. Сапронова М.А. Постреволюционные конституции и институты власти арабских стран (на примере Египта, Марокко и Туниса) // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 179–198.

72. Сапрыкин Д.А. Эволюция местного самоуправления в Японии в XIX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012.

73. Саркисов К.О. Японский опыт трансформации: от «монархического конституционализма» к тоталитарной системе // Ежегодник Япония. – 2019. – № 48. – С. 250–271.

74. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. 17-18. – М.: Госполитиздат, 1960. – 666 с.

75. Светлорусова Л.М. Развитие парламентаризма в Болгарии (обзор) // Процессы демократизации в Восточной Европе: ожидания и реальность: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Ю.И. Игрицкий. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. – С. 13–16.

76. Серебренникова А.В. Классификация преступных деяний по законодательству Германии, Австрии и Швейцарии и ее значение // Проблемы экономики и юридической практики. – 2012. – № 5. – С. 41–45.

77. Сидоров А.С. Европейское строительство и Франция: личностный фактор (от де Голля до Миттерана) // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С. 115–124.

78. Смирнов Д.А. К вопросу об идейных истоках теории «Новой демократии» Мао Цзэдуна // Общество и государство в Китае. – 2012. – № 1. – С. 380–386.

79. Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и Новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 3–27.

80. Согрин В.В. Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества // Новая и Новейшая история. – 2008. – № 3. – С. 3–21.

81. Соловьев А.А., Шеяфетдинова Н.А. Децентрализация государства: опыт Франции // Современное право. – 2014. – № 11. С. 154–160.

82. Спильман К. Размышления о фашизме в Новейшей истории Японии (1918–1941) // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. – 2016. – № 4(31). – С. 276–290.

83. Степанянц М.Т. Махатма Ганди: «апостол ненасилия» // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 155–162.

84. Степанянц М.Т. Философия ненасилия. Размышления о Ганди и его экспериментах // Коммунист. – 1990. – № 13. – С. 106–112.

85. Стоилов Я. Конституционная модель и функционирование политической системы в Болгарии (в переводе) // Ново време. – София, 2003. – С. 12–31.

86. Стрельцов Д.В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 304 с.

87. Травкина Н.М. Институт президентской власти в США: в поисках модели современной идентичности // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 262–283.

88. Тревор-Ропер Х. Последние дни Гитлера. Тайна гибели вождя Третьего рейха. 1945. – Серия: За линией фронта. Военная история. – М.: Центрполиграф, 2014. – 320 с.

89. Усиевич М.А. Венгрия: 10 лет реформ // Современная Европа. – 2000. – № 4(4). – С. 70–82.

90. Фальшина Н.А. Диктатура Виши (законодательная техника и принципы управления на оккупированной территории Франции) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 7-4. – С. 133–137.

91. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В.Н. Садиков; под ред. З.М. Черниловского. – М.: Гардарика, 1998. – 412 с.

92. Черешнева Л.А. Амбедкар – великий неприкасаемый Индии // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 7. – С. 78–80.

93. Черкасов П.П. Маршал Петен // Новая и Новейшая история. – 2019. – № 3. – С. 204–218.

94. Черкасов П.П. Охота на президента. Из истории покушений на генерала де Голля // Новая и новейшая история. – 2017. – № 2. – С. 28–39.

95. Чиркин В.Е. Конституции цветных революций и «арабской весны» // Актуальные проблемы российского права. –2017. – № 6(79). – С. 167–174.

96. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: в 2 т. / пер. с англ. под ред. О.А. Ржешевского. – М.: АСТ, 2016. – 1213 с.

97. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории / пер. с англ., закл. ст. В.И. Терехова. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992.

98. Экономика США: учеб. для вузов / под ред. В.Б. Супяна. – М., 2003. – 831 с.

99. Юрлова Е.С. Б.Р. Амбедкар. Жизнь, творчество, наследие. Создатель конституции Индии. Борец за свободу неприкасаемых. – М.: ИВ РАН, 2020. – 292 с.

100. Яхлов А.В. Институциональный и электоральный кризисы в период демократического транзита (Веймарская республика 1919–1933 гг.) // ПОЛИТЭКС. – 2005. – Т. 1. – № 2. – С. 191–212.

101. «Бейкер против Карра». URL: https://ru.online-almanac.com/4752405-baker-v-carr

102. Amy Douglas. Real Choices / New Voices: The Case for Proportional Representation Elections in the United States. New York, Columbia University Press, 1993.

103. CRS Report. The War Powers Resolution: Concepts and Practice. – 2019. – March. – P. 4. URL: https://fas.org/spg/crs/natsec/R42699.pdf

104. Election petitions. URL: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/1/hi/uk_politics/82135.stm

105. Legislative History of the Labor Management Relations Act, 1947. – Vol. I. – Washington: U. S. Government Printing Office, 1985. – 30 p.

106. Rossiter C. The American Presidency. – Second edition. – N.Y.: Harcourt, Brace, & World, 1960. – 266 p.

107. Servantes M. Nuestro derecho mexicano. – Un. Michoagana, 1958.

108. Statement of Donald R. Wolfensberger Before the House Select Committee on the Modernization of Congress // U.S. House of Representatives. – 2019. – March. URL: https://docs.house.gov/meetings/MH/MH00/20190327/109172/HHRG116-MH00-Wstate-WolfensbergerD-20190327.pdf

109. Statistical Abstract of the United States 1996. Wash, 1996.

110. Suri J. The Presidency Is Too Big to Succeed // The Atlantic. – 2018. – May. URL: https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2018/05/the-real-reasonthe-presidency-is-impossible/559877

Оглавление

Введение ……. 3
1. Государство и право Великобритании ……. 7
1.1. Особенности развития Великобритании в начале XX века… 7
1.2. Развитие государственного строя……... 9
1.3. Эволюция партийной системы…… 24
1.4. Развитие права…….. 28
1.5. Британская колониальная империя…… 32
2. Государство и право Франции…… 35
2.1. Развитие государственного строя в первой половине XX века…….. 35
2.2. Режим Виши……. 38
2.3. Четвертая республика во Франции……. 42
2.4. Конституционный кризис и установление Пятой республики во Франции…… 47
2.5. Развитие права Франции в XX веке…… 58
3. Эволюция государственного строя и права Германии … 61
3.1. Падение империи и буржуазно-демократическая революция 1918 года……. 61
3.2. Трансформация государственной системы и приход к власти фашистов……. 69
3.3. Послевоенное государственно-правовое развитие и объединение Германии…….. 83
3.4. Эволюция права…… 86
4. Особенности развития государства и права Соединенных Штатов Америки……. 90
4.1. Эволюция государственного строя……. 90
4.2. Социально-экономическое развитие Соединенных Штатов Америки в XX веке…… 103
4.3. Развитие правовой системы Соединенных Штатов Америки в XX веке…… 110
5. Особенности развития государства и права Японии …… 116
5.1. Государственное развитие Японии до начала Второй мировой войны…….. 116
5.2. Послевоенное государственно-правовое строительство Японии…… 119
5.3. Эволюция государственного аппарата и системы управления Японии на рубеже XX–XXI веков…….. 127
5.4. Изменения в политической системе в начале XXI века…... 131
5.5. Развитие права…….. 133
6. Государство и право Китая……...…….. 135
6.1. Государственно-правовое развитие Китая после Синьхайской революции…….. 135

6.2. Изменения в государстве и праве Китая после Второй мировой войны…….. 146
6.3. Экономическое и внешнеполитическое развитие Китая во второй половине XX – начале XXI века…… 150
7. Государство и право Индии …… 154
7.1. Движение за независимость Индии…… 154
7.2. Конституция Индии 1949 года…… 162
7.3. Социально-экономическое и внутриполитическое развитие Индии во второй половине XX – начале XXI века…… 167
8. Государства Центральной и Юго-Восточной Европы ….. 171
8.1. Государственно-правовое развитие Польши……. 171
8.2. Государственное развитие Венгрии в Новейшее время….. 176
8.3. Эволюция государственности Болгарии в Новейшее время… 182
8.4. Румыния в Новейшее время…… 185
8.5. Возникновение, развитие и распад Чехословакии…… 188
9. Государство и право стран Латинской и Южной Америки ……..…… 191
9.1. Общая характеристика государственно-правового развития стран Латинской и Южной Америки в XX веке…… 191
9.2. Эволюция форм правления в странах Латинской и Южной Америки……. 195
9.3. Изменения в государственном строительстве стран Латинской и Южной Америки во второй половине XX – начале XXI века……. 199
9.4. Формирование основ латиноамериканского федерализма в Новейшее время. Особенности местной власти…….. 202
9.5. Развитие права в странах Латинской и Южной Америки… 206
10. Государство и право стран Африки …… 208
10.1. Становление государственности в африканских странах в первой половине XX века…….. 208
10.2. Постколониальное государственно-правовое развитие стран Африки……. 213
10.3. Конституционно-правовые изменения в странах Африки в XXI веке в ходе цветных революций и «арабской весны»…… 220
Заключение …… 224
Литература ……. 227

Учебное издание

Карнаушенко Леонид Владимирович

История государства и права Новейшего времени

Учебное пособие

Редактор *М.В. Краснобаева*
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1968-0

Подписано в печать 10.04.2023. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 14,0. Тираж 150 экз. Заказ 129.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.